

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник).

Крылья.

Окрылились люди! Бороздят синеву самолеты. Несут ли добрые вести? Или панацеи? Или знания? Или помошь? А вдруг – бомбы? А вдруг губительные газы? А вдруг уничтожение? Чего больше?

Допущены ли бомбы, газы, убийства? Разрешено ли поношение рода человеческого? На каком совете решено убийство? Мирный поселянин где-то строит очаг, а может быть, за морями уже готовятся бомбы и яды, чтобы умертвить детей его! Кто знает, где таятся злоумышления? Где готовятся покушения? Не огрубело ли сознание, если оно так легко привыкло к созерцанию убийств? Люди ведь готовы платить за зрелище казни, точно в римском Колизее!

Захотел, повелел, и крылья человечества понесут смерть и гибель. А печатные листы отметят малым набором об уничтожении женщин и детей. Без крыльев эти убийства и не совершились бы. Итоги давних войн несравнимы с гекатомбами наших дней. Несравнимы и размеры всех разрушений, – ведь прежде они совершались примитивно, а теперь «цивилизованно». Где же заветы о такой цивилизации? Где же право на попрание всего достоинства человеческого? Такими ли крыльями охранены врата в будущее?!

Но положим, что самолеты несут не губительных колдуров, не Черноморов, но вестников добрых. Предположим, что поворот рычага радио донесет лучшие созвучия. Отринем всякие наркотики, чтобы утвердилась трезвость. София, Вера, Надежда, Любовь – разве призраки? В век Матери Мира защитницы строения соберутся и окрылятся добрыми крыльями.

* * *

Французский ученый нашел в Ордосе своеобразные остатки древних несториан. Таким образом, знание местных языков и понимание местной жизни позволяет находить то, что еще вчера казалось уже несуществующим. То же самое, вероятно, можно сказать и о многих племенах пленников, переселенных когда-то в самые неожиданные местности. Так в мусульманском городе можно слышать буддийские напевы, а среди Китая можно узнавать традиции Каабы-Мекки и Медины.

Нет никаких возможностей проследить историю всех этих необычайных путей и наслоений. Можно с изумлением видеть, как, например, аланские наименования проникли по всей Европе, или как кельтские обычаи иногда сохранились в своеобразных перетолкованиях и во Франции, и в Шотландии, и в Испании – в самых, казалось бы, неожиданных местностях. Когда в итальянских примитивах вы замечаете несомненное знание и близкое соприкосновение с далеким Востоком, то еще раз вам становится ясным, насколько в далекие времена существовали гораздо большие международные сношения, нежели можно было представить. Джованни ди Паоло знал Восток, когда изображал своих «Трех магов»! Знаем о посольствах, которые ехали к месту назначения целые десятки лет, не теряя при этом своего смысла. Значит, не столько примитивность бывших веков, сколько просто другой темп и ритм действий лежали в основе жизни.

Окрылились люди. Сейчас они перелетели, стремительно перенеслись через пространство. Они заспешили и затолкались, как на базаре перед его закрытием.

Уже раздаются голоса о тщетности такой поспешности, неоправданной духовными запросами и утверждениями. Люди стирают многие бывшие границы и в то же самое время изобретают подобные же, а может быть, и еще горшее ограничения. Ведь в древности границы бывали, прежде всего, символом защиты. Даже каждый двор бывал огорожден, защищен. Разве не злоба, недоверие и вражда сейчас диктуют международные распри? Ради взаимного унижения люди готовы увлечься самыми нелепыми и злобно надушенными измышлениями. В таких порожденных недоброжелательством ограничениях, как духовных, так и физических, возникает новый ужас отрицаний. Среди всей этой разрушительной негативности, граничащей с невежественностью, опять затрудняется всякое разумное строительство. Кто-то когда-то сказал – «тесна моя улица!» Может быть, тогда теснота происходила от средневековых костров, а сейчас разве не те же, уже незримые, костры полыхают тем же пламенем злобы?

Разобраться во всей сложности вопля часа можно лишь доброжелательством,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
презрев все темные и злобные препоны. Все-таки остаются в распоряжении людей и такие крылья, которые будут соответствовать успехам авиации. Крылья духа! Помогите оправдать и физические нахождения человечества! Иначе некуда лететь и наполнять пространство. Поворачивая рычаги самого примитивного радио, вызываются из пространства и мелодии, и стенания, и какой-то ужасный рев, точно в сферы проявленные врывается безобразный хаос. Казалось бы, и радио, и простая фотографическая фильма достаточно напоминают, сколько недоступного физическому глазу и уху человеческому! Даже простой школьный микроскоп должен на всю жизнь внушить уважение к изощренности и бесконечному разнообразию обычно неуловимых форм. Даже такие примитивные приспособления должны бы обогащать благородство человеческого мышления, но происходит нечто странное, наука и ее достижения идут какими-то своими путями, а общечеловеческое мышление остается в каком-то обиходном прозябании.

Освободилось ли человечество от грубости мысли? Поняло ли оно высоту этики, воплощенную в жизни? Преклонился ли звериный произвол перед Высшим Строительством и восхитился ли дух человеческий великими Красотами надземными? Если вы зададите себе эти вопросы – труизмы среди грубых ударов бокса, среди окружающих хриплых воплей невежества, среди звериности наркотиков, среди нечеловеческой мерзости браны, среди убийства и взаимоуничтожения, то одно напоминание о вопросах благородства и созидания покажется чудовищно неуместным. Кабацкий ужас, звериное сквернословие, противочеловеческий разврат! Какое же может иметь соотношение к красоте это безобразие?!

Не от этих ли земных безобразий, углубленных современным человеком, кто-то хочет лететь в стратосферу? Кто-то хочет уйти хоть куда-нибудь выше и, может быть, принести еще одну формулу, которая проникла бы даже в озверелый мозг.

Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке. Многие возможности отвлечения от безобразного водоворота современности предлагают лучшие умы. Многие пустыни могут расцвести. Многие мечтают о крыльях, но эти крылья не есть лопасти аэропланов, несущих убийственные бомбы.

К каждому Новому Году будем объединять наше мышление на том, что суждены человечеству крылья, и оно получит их, когда захочет помыслить о них всею силою духа.

10 декабря 1934 г.

Пекин.

Лихачасье

Всем памятны знаменательные слова Ломоносова об отставлении Академии Наук от него.

«Ярость врагов с робостью друзей состязаются» – так отвечал Менделеев на вопросы – какой смысл в ярко несправедливом к нему отношении со стороны Петербургской Академии Наук! Нечто в том же роде заметил и Пирогов по поводу недоброжелательного отношения со стороны врачей.

В одной из неоконченных повестей Пушкин говорит: «Перед чем же я робею». «Перед недоброжелательством», – отвечал русский. Это черта наших нравов. В народе она выражается насмешкой, а в высшем кругу невниманием и холодностью. Не могу не добавить несколько строк из пушкинского «Путешествие в Эрзерум», которое кончается так: «На столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески брали меня и мои стихи... Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве». Так говорит Пушкин.

А вот как скорбно поминает Гоголь в своей переписке о несправедливом к Пушкину отношении: «Не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть в свете, видя во всем одно бесовское. Их удел – впадать в самые грубые ошибки. Нечто тому подобное случилось недавно в литературе. Некоторые стали печально объявлять, что Пушкин был дейст, а не христианин; точно, как будто они побывали в душе Пушкина; точно как будто бы Пушкин непременно обязан был в стихах своих говорить о высших догматах христианских, за которые и сам святитель Церкви принимается не иначе, как с великим страхом, приготовя себя к тому глубочайшему святостью своей жизни.

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

По их понятиям, следовало бы все высшее в христианстве облекать в рифмы и сделать из того какие-то стихотворные игрушки». «Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику, печатно, в виду всех, вводить на Пушкина такое обвинение, и что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае, если бы смысл такого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, но не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясняться и говориться в малейшем действии своем. Публично выставлять нехристианином человека и даже противником Христа! Разве это христианское дело? да и кто же из вас Христианин? Этак я могу обвинить самого критика в нехристианстве».

О себе Гоголь в авторской исповеди пишет: «Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как „Выбранные места из переписки с друзьями“. И, что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе – предметом толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всякий наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложением».

Сколько скорби в этих признаниях!

Разве не тем же полна трагическая жизнь Лермонтова?..

Разве конец Мусоргского не от тех же темных причин?..

Вспоминаются полные болью слова Врубеля или рассказ Куинджи о том, как злые люди считали, что он вовсе и не Куинджи, но крымский пастух, убивший художника Куинджи.

Разве такое злоумышление не есть яркое свидетельство уже давно отмеченного недоброжелательства? Чем бы ни объяснить такое темное чувство, все равно никакого разумного смысла в нем не найдется; объяснить ли его только завистью? Но такое объяснение будет слишком ограниченно. Объяснить невежеством и дикостью? Но тогда почему даже у диких племен часто высказывается взаимоуважение?

Каким же таким низменным темным состоянием нужно объяснить, когда у нас на глазах, русскую гордость, Голенищева-Кутузова называют изменником?

Какая же тут зависть!

Ведь это уже будет относиться к тому скотскому состоянию, о котором так горько и проникновенно сказал еще Котошихин.

Казалось бы, века прошли!

Казалось бы, на земле прошло столько ужасов, что, хотя бы из примитивной предосторожности, должна быть проявлена хотя бы предусмотрительность. Ведь прозвище Скотинина не должно радовать того, кто считает себя человекообразным.

Но наряду с низким Скотининым существует и злобное сатанинство. И никак Вы иначе не назовете это ужасно разрушительное состояние. Если с одной стороны несется торжествующий рев, угрожающий разрушением всем храмам и музеям, то с другой стороны готовятся пистолеты, чтобы застрелить всех Пушкиных и обозвать изменниками всех Голенищевых-Кутузовых и прочих героев Российской Истории.

Да, истинно, не только в войнах разрушаются Культурные Сокровища. Ценнейшие сосуды разбиваются в судорогах злобы. В полном одичании, в судорогах безумия произносятся самые разрушительные формулы. При этом потрясает та чудовищная безответственность, которая не дает себе труда хотя бы помыслить, к каким следствиям приведет это буйно-дикое состояние?

Буйный безумец должен разрушать, и, конечно, его животный мозг даже и не умеет одуматься и заглянуть в приуготовленное им самим же.

Где тут критика?

Где тут насмешливость?

Где тут недоброжелательство?

В ярости безумия смешиваются все формы. В безобразии хаоса уже не различаются никакие границы. А ведь припадки безумия бывают заразительны.

Сколько исторических примеров массового безумия.

Целые эпидемии психические возникали и горестно запечатлевались на страницах истории человечества. Но не странно ли видеть, что приговор Котошихина должен повториться и в словах Пушкина, должен так же отмечаться опять через столетия. Не слишком ли застарела болезнь? Не приспело ли время обратиться к вечным панацеям Добра и Света, и Законам Божеским, чтобы отогнать приступы сатанизма?

Когда сгущаются солнечные пятна, когда космически твердь содрогается, не пора ли сосредоточиться на мысли о том, как изгнать всеразрушающее безумие злобы?

Не пора ли признать, что ложь и клевета порождают самых безобразных пространственных сущностей?

Не наступает ли последний час, чтобы развернуть запыленные кодексы добра и отмыть глаз сердца?

Но Гоголь, сердцеведец, говорит также и так: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их; перенимают, черт знает, какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой со своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке».

«Но у последнего подлюкки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; проснется оно когда-нибудь, – и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Где же ты?

Зазвучи, отзовись, русское сердце!

12 декабря 1934 г.

Пекин.

О мире всего мира

«Имейте в себе соль и мир имейте между собою».

«О Мире всего мира». Не будет ли его моление одной из величайших утопий? Так говорит очевидность. Но сердце и действительная сущность продолжает повторять эти высокие слова, как возможную действительность. Если прислушаться к голосу поверхностной очевидности, то ведь и все заповеди окажутся неисполнимой утопией. Где же оно – «Не убий»? Где же оно – «Не укради»? Где же оно – «Не прелюбы сотвори»? Где же оно – «Не послушствуй на ближнего своего свидетельство ложно»? Где же исполнение и всех прочих простых и ясно звучащих основ Бытия? Может быть, какие-то умники скажут: «К чему и твердить эти указы, если они все равно не исполняются».

Каждому из нас приходилось много раз слышать всякие нарекания и предостережения против утопий. От детства и юношества приходилось слышать житейские советы, чтобы не увлекаться «пустым идеализмом», а быть ближе к «практической жизни». Некоторые молодые сердца не соглашались на ту «практическую жизнь», к которой их уговаривали «житейские мудрецы». Некоторым юношам сердце подсказывало, что путь идеализма, против которого их остегрели старшие, есть наиболее жизненный и заповеданный. На этой почве идеализма и «житейской мудрости» произошло множество семейных трагедий. Кто знает, в основе чего легли многие самоубийства – эти самые

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
неразумные разрешения жизненных проблем. Ведь «житейские мудрецы» не
остерегли вовремя молодежь от страшного заблуждения, приводившего даже к
самоубийству. Когда же эти, постепенно обреченные, молодые люди спрашивали
старших, будут ли в предполагаемой практической жизни исполняться Заповеди
добра? – старшие иногда махали рукой, кощунственно шепча – «все простится».
И возникало между этим «все простится» и заповедями жизни какое-то
неразрешимое противоречие. «Житейские мудрецы» готовы были обещать все, что
угодно, лишь бы остеречь молодежь от идеализма. Когда же юношество
погружалось в условную механическую жизнь, то даже книжники и фарисеи
всплескивали руками. Но спрашивается, кто же повел молодежь на кулачный
бой, на скачки, на развратные фильмы? Не сами ли «житейские мудрецы», со
вздохом повторяя – «не обманешь – не продашь», усердно создавали
разлагающие условия жизни. Когда-то говорилось: «Сегодня маленький
компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра – большой подлец».

Именно так, в самых маленьких компромиссах против светлого идеализма
загрязнилось воображение и сознание. Темнота сознания начинала шептать о
неприложимости в жизни Заповедей. Именно эта ехидна сомнения начинала
уверять в ночной темноте, что Мир всего мира есть чистейшая утопия.

Но это моление когда-то и кем-то было создано не как отвлеченность, но
именно как приказный призыв о возможной действительности. Великий ум знал,
что Мир всего мира не только возможен, но и есть тот великий спасительный
магнит, к которому рано или поздно пристанут корабли путников. На разных
языках, в разных концах Земли повторяется и будет повторяться это священное
моление. Неисповедимы пути, не людям предрешать, как, где и когда
осуществится идеализм.

Действительно, пути непредрешимы. Но конечная цель остается единой. К этой
цели поведут и все проявления того идеализма, так часто гонимого житейской
премудростью. Также будет день, когда так называемый идеализм будет понят
не только, как нечто самое практическое, но и как единственный путь в решении
прочих житейских проблем. Тот же идеализм породит и стремление к честному,
неограниченному знанию, как одной из самых спасительных пристаней.

Идеализм рассеет и суеверия и предрассудки, которые так убийственно
омертвляют жизненные стремления человечества. Если бы кто-то собрал
энциклопедию суеверий и предрассудков, то обнаружилась бы странная истина о
том, насколько многие эти ехидны и до сих пор проживают даже среди мнящего
себя просвещенным человечества. Но, поверх всех смут, добро поет о мире и
благоволении. Никакие пушки, никакие взрывы не заглушат этих хоров. И,
несмотря на все «житейские» ложно-мудрости, идеализм как учение блага все
же останется самым быстро достигающим и самым обновляющим в жизни. Сказано:
«Порождения ехиднин! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?» Именно
злосердечие будет нашептывать о том, что всякое благоволение
недействительно и несвоевременно. Но будем твердо знать, что даже Мир всего
мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и
благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего
самого высокого и самого лучшего именно своевременно и облегчает пути
кратчайшие.

Пусть благие символы, пусть самые благожелательные знамена развеваются над
всем, чем жив дух человеческий.

25 декабря 1934 г.
Пекин.
Великое наследие

Почти сорок лет тому назад довелось обратить внимание на замечательные, по
стилизации своей, скифские древности и родственные им в духе, так
называвшиеся тогда, чудские бляшки. Тогда еще скифские древности понимались
лишь как перетолкование греческого классического мира, а чудские древности
относились к чему-то просто примитивному. Сам животнообразный романеск
казался просто романтическим средневековьем.

Помню, как когда-то в одном из художественных журналов мы указали на
необыкновенный стиль этих животных композиций, то один писатель Ф.,
считавший себя очень изысканно современным, посмеялся над этим, не находя
нужным серьезно полюбоваться и обсудить такие замечательные находки.

С тех пор много воды утекло. Появилась целая наука о «зверином стиле».
Страница 5

Самые замечательные ученые обратили внимание на эти наследия великих путников и отдали должное внимание этим необыкновенным стилизациям. действительно, как это ни странно, но великие кочевые народы оставили по себе целое сокровище, так близкое художественной концепции нашей современности.

Думаю, что сейчас никакой писатель, мыслящий себя образованным, уже не станет смеяться над столь выразительными и богатыми в композиции бронзовыми фигурками. Наоборот, и современный художник, и археолог придут в одинаковое восхищение, наблюдая эти изысканнейшие формы животнообразного царства. От средневековых химер и бездонно вглубь, может быть, к самым пещерным рисункам, протянулось ожерелье богатого народного творчества. И в бронзе, и на скалах, и на остатках тканей народы, носившие столь разнообразные наименования, запечатлевают свою фантазию. С каждым годом все новые области присоединяются к этим открытиям. После Кавказа и Минусинска находки средней Азии, Гималаев, Тибета, а теперь Ордоса, Алашани и других монгольских местностей, дают новые и блестящие находки. Только что мы видели и интересную книгу Андерсона, а также блестящее собрание ордосских бронз, находящееся в Пекине у миссис Картер. Некоторые формы из этого разнообразного собрания перенесут нас и на Урал, и в Пермь, и в Минусинск, и в Луристан, оживляя пути великих народов. Можно было вновь порадоваться, любуясь замечательными стилизациями горных козлов, оленей, леопардов, птиц, змей и других реальных и фантастических существ.

Видно, что это народное творчество было не только связано ритуальными надобностями. Легко можно усматривать широкую композиционность, входившую во все украшение жизни. Особенно это делается очевидным, когда Козловым были найдены в курганах Монголии остатки ткани с теми же богатыми животнообразными орнаментациями. Эта потребность разнообразного украшения жизни показывает, насколько эти народы носили в себе настоящий потенциал неистощимой фантазии. Ведь это не были греческие подделки под определенный стиль, это были народные, непосредственные выражения, изливавшиеся из эмбрионов творчества. Потому можно понять, почему и дальнейшее творчество, как тех же народов, так и их наследников, дало много незабываемых памятников искусства и большие страницы истории. Само передвижение подобных народов показывает ненасытную устремленность. От океана до океана, через все препоны и трудности, шли путники воображенного града. Тоска по светлому Китежу, неугомонное хождение в Беловодье, поиски Грааля, не от тех ли исканий, когда наблюдательный проникновенный взор восхищался богатствами царств природы, звал неутомимо вперед.

Было бы малым решение предположить, что эти путники механически выталкивались народностями, восставшими позади. Правда, незабвенный Тверитянин восклицал – «И от всех наших бед уйдем в Индию» – куда он все-таки и ушел и, подкрепившись светом путешествия, вернулся назад, овеянный чудесной опыtnостью. Конечно, эти «беды» Тверитянина не были только бедами физическими. Конечно, его духовное начало, начало бедствовать от каких-то несоответствий. Сердце его вне узкопрактических соображений подсказывало ему путь необычный и оздоровляющее движение. Этими поисками оздоровляющих движений, конечно, объясняются даже и движения целых народов. От движений народы ни уставали, ни ослабевали, но в расширении кругозора накапляли богатство воображения.

Действительно, воображение есть не что иное, как заработанный накопленный опыт. Чем больше изошлялся глаз и ум, тем многоцветнее загоралось творчество. Богатство так называемого звериного стиля именно является одним из неутомимо накопленных сокровищ. Как мы говорили, оно не только потребовано какими-то ритуалами. Оно широко разлилось по всей жизни, укрепляя и дальнейшее воображение к подвигам бранным и созидающим.

Химера Парижского собора, разве не вспоминает она о пространствах Ордоса, или о Тибетских нагорьях, или о безбрежных водных путях Сибири? Когда богатоворческая рука Алланов украшала храмы Владимира и Юрьева Польского, разве эти геральдические грифоны, львы и все узорчатые чудища не являлись как бы тамгою далеких Азиатских просторов. В этих взаимных напоминаниях звучат какие-то духовные ручательства, и никакие эпохи не изглаживают исконных путей.

Люди думают о каких-то новых определениях. В условном наименовании Евразии они хотят выразить еще одно богатство сочетаний. В геральдическом единороге вспоминается однорогая тибетская антилопа, и францкая Милузина перенесет

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
vas к Гандарвам Индии. При этом будет звучать богатство воображения,
заработанное в героических поединках на далеких путях.

Многие названия несоответственны или незаслужены. Так и само наименование звериного стиля внешне односторонне. Он звучит для вас не одними звериными формами, но именно своим творческим богатством и своеобразием стилизации. Какое-то другое, более существенное по глубине, определение заслуживает этот стиль, выросший из жизни, как чудесная сказка импровизации хожалого баяна. Звериность не будет внутренним признаком этого стиля. Его художественное благородство и богатство просят какое-то более выразительное определение. Наверное, такое определение, а может быть и не одно, будет найдено по мере накопления новых открытий.

В истории человечества поучительно наблюдать знаменательные волны открытий. Нельзя сказать, чтобы они зависели лишь от случайно возбужденного интереса. Вне человеческих случайностей, точно бы самые недра земли в какие-то сужденные сроки открывают тайники свои. Как бы случайно, а в сущности, может быть, логически, предуказанно, точно бы океанские волны, выбрасываются целые гряды знаменательно однотипных находок. Так и теперь, после Венгрии, после Кавказа и Сибири, появились прекрасные находки Луристана среди Азиатских пространств, а теперь и Алашани и Ордоса и, вероятно, среди многих других, как бы предназначенных местностей.

Знаки великих путников выступают не случайно, и потому особое внимание к ним тоже далеко от случайности. Словно бы недра земли раскрываются и поучают, когда нужно, богатствами, накопленными ушедшими племенами.

Великие путники оставляют знаменательные знаки.

24 декабря 1934 г.
Пекин.
«Страшный зверь»

«Сильнее кошки – зверя нет». Как разнообразно в течение многих веков прошла эта пословица, первоначально данная каким-то глубоким психологом. В истории человечества психолигирование пространства представляет собою необыкновенно поучительную главу. От древнейших времен, и в военных и других государственных делах этот принцип являлся поражающим. Мы знаем, как в средине века датские рыбаки не решались выходить в море ввиду азиатских событий. Мы знаем, как остановленные всадником путники терпеливо ожидали его, пока он сходит в стан за мечом, чтобы отрубить им головы. И теперь много где можно подметать такую же терпеливо склоненную голову. И в военных и в экономических потрясениях эта как бы предрешенная неизбежность поворачивала целые страницы истории.

«Страх сковывающий». Разве не лежит именно он в основе так многих несчастий? Конечно, может случиться и не менее ужасный противовес, а именно – буйное разрушение всех основ. При той и другой крайности панацеей может быть лишь основа культуры. Как бы некоторые двуногие ни пытались забыть об этом краеугольном понятии, оно напомнит о себе. Чем более оно будет запущено – тем грознее может быть напоминание.

Эзоповы басни были своего рода знанием времени. В них нельзя заподозрить ни просто сковывающий страх, ни просто загадочную тайну. Такие басни являются символическим иероглифом. Так, бывало, оставлялись нашими предками мудрые, накопленные опытом, наставления, выраженные условным языком, чтобы не метать бисера перед свиньями. Именно, не ради страха, но ради мудрой бережности не однажды прибегалось к условному языку, который в результате своем имел, может быть, и условный жест или условный молчаливый взгляд.

Вот мы слышим о каких-то допросах с пристрастием, об ужасах пыток, происходящих в наше так называемое культурное время. Какой это срам! Какой это стыд знать, что и сейчас совершенно так же, как и во времена темнейшие, производятся жестокие мучения! Изобретаются отвратительные приспособления, лишь бы понудить человека. Можно ли допустить, что тысячелетия должны пройти для того, чтобы люди в прежней звероподобности бросались друг на друга, мучили и навсегда обезображенными как тело, так и дух. При этом часто рассказы о пытках и мучениях передаются без всякого возмущения, а просто как естественный факт современности. При этом ни судьям, ни следователям, ни, конечно, самим палачам и в голову не приходит, что без всяких жестоких и безобразных пыток возможно изыскание истины под самым простым гипнозом.

Казалось бы, за все время эволюции науки уже достаточно было выяснено о применимости гипноза, внушения. Конечно, эти энергии не могут быть широко даваемы массам, которые легко могут применять их во зло. Но правительства, в строго научных пределах, конечно, с гораздо большими просвещенными результатами могли бы пользоваться такими приемами, нежели пребывать на уровне диких пыток.

Известно, что в некоторых странах научные приемы уже применяются при судебных следствиях. Известны многие случаи поразительных результатов, которые невежественным людям кажутся чем-то чудесным. Но если науке суждено продвигаться в сфере изучения энергий, то приложение их в обиходе будет самым естественным.

Сейчас, казалось бы, даже смешно говорить о таких истинах, как гипнотизм, внушение. Всякий знает, что лечат пьяниц и разные виды психоза именно внушением. Всем известны случаи, когда вместо наркотиков при операции боль останавливалась тоже внушением. При этом окружающие условия бывали даже неблагоприятными, и тем не менее должны следствия получались. Значит, насколько же удачнее могут быть следствия, если соблюсти лучшие окружающие условия?

Сколько суеверий и темных предрассудков могут быть избегнуты честными опытами и наблюдениями. Новые области общественных отношений откроются и обогатятся именно не предположениями, а научными изысканиями.

Но дело-то в том, что люди очень часто именно боятся таких изысканий. Именно накопленные столетиями суеверия заслоняют самые разумные размышления о возможностях. Ведь мудры были те, кто уже когда-то давно в разных выражениях напоминали о том, что «страшнее кошки – зверя нет».

31 декабря 1934 г.

Радуйся

В радости, простоте и в неожиданности звучат многие прозрения. И никак иначе вы не назовете эти искры знания, как прозрение.

Приходит из Тибета лама. По виду совершенно простой путник. Обносился он в далеких горных хождениях, потерял много сил, исхудал и покрылся бронзовым загаром от зноя и холода. Пришел в Гималаи как раз незадолго до нашего отъезда. Спросили его, бывают ли у него видения или какие-либо замечательные сны? Сначала отрицал: «Нет, ничего не бывает; ведь я простой лама» – настоящий лама никогда не будет оповещать о своих особенностях. Попросили его: «Если увидишь что-либо, то скажи». На следующее утро горный гость опять пришел и самым тихим, простым голосом заявил, что «видел». А затем, также совершенно просто, он описал весь наш предстоящий путь, который никто из местных жителей и не мог бы знать.

Конечно, путь был рассказан без названий, описательно. Но эти описания поражали своею точностью и характерностью. И морское путешествие, и пребывание в Париже; затем опять буря на большом море и затем Америка с любопытными признаками страны, где так много движения, огня и высочайших домов. Потом опять море, снег, страна со многими храмами и ручными животными. Затем следовали ясные намеки на Хинганские сопки, на многих людей, и хороших, и дурных. Затем шло описание другой страны с храмами и с большим изображением Будды, а там – страна, где живут в юртах и палатках, где много баранов и коней. Конечно, все характерные намеки сопровождались еще многими подробностями, усыпанными и своеобразными сравнениями, и жестами.

Все это повествовалось эпически спокойно и просто. Точно бы путник рассказывал свое собственное хождение. Были сказаны и следствия нашей поездки, которые решительно никому не пришли бы в голову. Во всех таких случаях прозрения прежде всего поражает какая-то особенная простота и непосредственность. Точно бы сидите вы в глубине комнаты, а кто-то подошел к окну и стал рассказывать вам о происходящем на улице.

А разве не в той же поразительной простоте было не так давно сказано одному из наших спутников об его отъезде через восемь месяцев. И затем этот же срок опять был повторен в словах, быстро брошенных. Так же точно помню, как однажды при отходе поезда стоявшая у вагона цыганка вдруг бросила

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
скороговоркой отъезжавшей dame одно правильное и существенное указание.

Не собираюсь перечислять очень многие случаи таких прозрений, бывавших и на Востоке, и на Западе, свидетелем которых приходилось быть. Об этом много писалось, и каждый знает, что наряду со многими выдумками существует целый мир чудесной действительности.

Сейчас хотелось бы обратить внимание на то, что наиболее истинные проявления всегда бывают сопряжены с необыкновенной простотой, непосредственностью и очень часто со стремительностью. Также часто человек прозревший говорит не тогда, когда его спрашивают, – не во время вопроса, а иногда даже и без всякого вопроса. При этом сказанное, даже очень срочное, указание будет сообщено и тихо, и быстро, и как бы невнятно. Точно предполагается, что чье-то внимание уже насторожено, что тот, к кому эта весть относится, уже ждет и сумеет принять ее.

Внезапность как бы отвечает настороженности. Люди, между собою ясно согласившиеся, понимают друг друга с полуслова. Так же точно и в пределах прозрений какая-то незримая струна прозвучит и обратит внимание. Благо тем, кто умеет хранить бережную настороженность. Для этого нужна подготовленность. Но истинная готовность образуется не какими-то насильственными сосредоточениями, но именно такою же простотою, которая лежит в основе всех значительных действий и событий.

Часто всем приходится слышать о справедливости первого впечатления и о лукавстве последующих, лживых наносов. Несомненно, самое первое впечатление происходит от сердечного чувствования, и, конечно, все последующие наслоения уже будут затемнены рассудочными условностями. Это так. Но как же отличить границу первого впечатления от последующих.

Очень часто вы можете слышать о том, что человек сетует на неверность якобы первого своего впечатления, а на самом деле он имеет в виду уже вовсе не первое, а, может быть, второе и третье впечатление. Ведь вне времени вспыхивают искры озарения. В живом пространстве беспрерывно сменяются новые сочетания. Только простота чистого сердца безошибочно ухватит знак первый и зов первый. Именно такое сердце ощутит и укол лжи, и холод прикрытой выдумки.

Потому-то радостно сердцам вмещающим встречаться. Обмениваться как словесной, так и бессловесной беседою и взаимно сочувствовать даже и на расстоянии. И чем проще, прямее, непосредственнее будут эти замыкания сердечного тока, тем большее взаимопонимание и полезность возникнет. Краткие, чуть слышные касания крыльев истины – они ниспосылаются во благо для истинной пользы. Только лукавые загромождения уводят сомневающихся путников в чащу и бездну.

Когда-то обращения начинались с многозначительного привета: «Радуйся». В этом приказе о радости заключено было и пожелание очищения сердца для лучшего восприятия. Именно в утреннем чистом воздухе, в радостном чистом сердце возможны те великие восприятия, которые поникают в вечернем послезакатном смятении.

Слишком много низко-земного облекляет сердце, отягощает его, одурманивает. Недаром повторяется, что утро вечера мудренее. Разве не будет выражением истинной мудрости высокие, мгновенные озарения истины? И всякое такое озарение приносит мудрую радость; и лучшая радость всегда будет сохранять в себе и качество простоты. От сложных противоречий радость не возникает. Радость в себе самой прежде всего имеет качество непосредственности, прямоты, улыбки всему сущему. Именно радость помогает перешагнуть через препоны вражеские. Радость является одним из лучших условий преодоления вражеских нападений. Уже нечего говорить, что радость всегда будет ближайшим путем к восхищению.

Конечно, древнее приветствие – «радуйся» – даже в отрывочных упоминаниях, которые дошли до нас, иногда делалось условным и утрачивало смысл. Но все-таки приказ о радости может быть полезен даже при горестном извещении. В этом будет как бы заключаться Соломонова мудрость, сказавшая: «И это пройдет». Много житейских положений должен был знать тот, кто мог в кратком «и это» понять, как многое насиливается, проникает и сменяется.

В сменах текущих отражений особенно драгоценны искры озарения, когда их

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org может уловить развлекающееся сознание человеческое. В простоте чувствознания воспринимаются и зовы дальние, точнее и быстрее всех радиоволн.

Лама спешит.

- Почему торопишься?
- Учитель зовет; очень болен, надо поспешить.
- А где же твой учитель?
- На Кайласе в пещере.
- Когда же ты получил весть, ведь до Кайласа многие сотни миль?
- Сейчас получил.

Так в простоте произносятся слова знаменательного характера. В этот миг не то важно, что пришла весть, которая через месяцы подтверждается, но важно лишь то, что нужно спешить. Произошло нечто совершенно обычное, не выходящее за пределы возможности каждого дня, и в простоте произносится зов чувствознания. То же простое чувствование подскажет и лишний раз произнесет знаменательное «радуйся», приказ, выводящий из сумерек, – РАДУЙСЯ.

2 января 1935 г.

Пекин.

Переселение искусства

В конце прошлого века мы устраивали передвижные выставки французского и американского Искусства, которые, кроме уже бывших всемирных выставок, были одними из пионеров современного переселения Искусства. Великие переселения народов, как в прошлом, так и в настоящем, имеют много аналогии. Сейчас, конечно, одним из первых вестников таких движений является, как и следовало ожидать, Искусство. Когда мы писали на гербе наших Учреждений о всенародном значении Художества, мы также имели в виду и взаимное понимание народов посредством языка Искусства.

За последние годы в этом отношении было сделано очень много. Все возможные институты Искусств, Общества и Лиги, каждая в своих пределах, стараются способствовать обмену искусства и взаимному пониманию посредством лучшего всемирного языка – творчества.

Даже в самые удаленные страны проникают и передвижные выставки, и лекции, и концерты. За период после великой войны можно наблюдать поразительные мирные завоевания Искусством. Имена писателей, художников, артистов и музыкантов, как композиторов, так и исполнителей, так же как и сведения о движении науки, совершили огромный путь. При путешествиях можно с радостью убеждаться, насколько неожиданно широко раскинулись эти мирные вдохновляющие сведения даже в самых неожиданных уголках мира.

Когда-то спесивые политики и вожди государств, вероятно, даже не допускали и мысли, насколько могут быть действенны такие неутомимые вестники Культуры. Наверное, многие из таких политических деятелей искренно были бы удивлены, если бы узнали, какие способствующие мощные факторы неудержимо растут в мире. Действительно, как бы ни старались некоторые двуногие затемнять значение творчества как мирового двигателя, никакие механические мозговые вычисления не опрокинут достоверные данные о росте культурных сношений. При этом не забудем, что эти сношения в большинстве случаев происходят не от правительства, но от общественно-частной инициативы. Таким порядком сами народы участвуют в широчайшем мировом строительстве, упрочивая основу культуры. Должна быть очень подчеркнута эта общественно-частная инициатива. Она является светлым показателем того, как поверх всяких смущений и недоразумений мировая мудрость в неизреченных мерах строит свои пути достижения.

Во многих отраслях творчества: и в писаниях, и в изобразительных искусствах, и в театре, и в самоновейших фирмах – всюду сейчас замечается любопытнейшее обстоятельство. Переселение Искусства происходит не только в распространении или ознакомлении со своим Искусством, но и в желании

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
работать в формах соседних Искусств. Можно наблюдать, как, например, в театральном деле Восток мечтает о западных формах, а Запад часто вдохновляется именно своеобразностью Востока. В театрах Китая и Японии подчас можно усмотреть какое-то подражание Холливуду. Между тем, сколько попыток в восточной сфере происходит среди парижских и американских выставок. Точно бы сам национализм обоюдно осуждается. При этом является большим вопросом, все ли видали удачный китайский или японский Холливуд и постоянно ли убедительны восточные экскурсии, олицетворенные западными руками? Среди множества таких попыток сравнительно немногие вполне убедительны.

Конечно, не будем считать всякие дешево-поверхностные постановки, которые совсем и не заняты вопросами внутренней убедительности и характерности. Даже и во многих лучших случаях, в которых налицо очень почтенные устремления, часто не хватает внутренней убедительности. А ведь это одно из самых основных условий во всех видах творчества. Всякая нарочитая подражательность не приводит к желательным результатам. И в этом смысле получается какая-то механизация или технократия в чисто внешних приемах.

Правда, часто вы замечаете, что автор старался ознакомиться с музеино-архивной частью. Наверное, он советовался с какими-то специалистами, но вы сейчас не можете распознать, когда именно автор полюбил сущность своего творения или же в нем преобладали какие-либо другие задания и желания. Заданная вдумчивость все же не создает убедительности, проистекшей из знания, выросшего из любви.

Сами авторы, вероятно, не всегда смогут дать даже себе отчет, когда именно их устремляло специальное задание, приказанное особыми современными условиями, или когда творчество сложилось из неудержимой песни сердца. В этом смысле произойдут также какие-то своеобразные деления цивилизации и культуры. Иначе говоря, условные современные задания будут как бы в пределах цивилизации, а убедительная песнь сердца, всепобеждающая и незабываемая, уже будет в области культуры.

Когда в разных странах встречаются такие условно-долженные формы творчества, чаще всего приходится опасаться за правильность путей так желанного переселения Искусства.

Особенно теперь, когда многие народы сознательно открыли глаза и на свое прошлое и в то же время овладели новейшими достижениями, можно ожидать, что переселение Искусства опять найдет правильное русло в берегах истинных звучаний народов. Очарование этих истинно народных звучаний трудно понимаемо в дальних странах, различных и психологически, и климатически. Зачем же мы будем допускать какие бы то ни было подделки, когда возможно открытие истинно народных источников. Мы видим, что в Индии, Китае, Японии живет свое театральное искусство. К чему же ему Холливуд, который по-своему скажет слова творчества, которые присущи именно ему.

За последнее время повсеместно отметилось необыкновенное замечательное явление. В самых неожиданных странах проявились свои собственные артисты, творцы, исполнители. Мы-то этому нисколько не изумляемся, ибо всегда знали, что это так, и так и должно быть, но для многих это простое обстоятельство было целым откровением. Такие откровения лишь показывают неосведомленность многих и неоправданную спесивость, что будто бы многое кому-то не должно быть доступно. Такая ограниченность мышления – просто невежественность. Есть много прекрасных обстоятельств, которых люди не хотят допускать. В деле же обмена Искусством должна быть особенно приложена вся заботливая изысканность, вся истинная любовь, которая отеплит и даст творчеству убедительность.

Великие путники древности верили в свои переселения. Они не только были гонимы какими-то тяжкими условиями; они двигались в каких-то больших творческих решениях. Конечно, они любили эти передвижения, а лучшие из этих путников с величайшим вниманием впитывали в себя встреченные особенности и красоты. Мы убеждаемся в этом по наследию, оставленному ими. Также и переселение Искусства будет широко исполнять свою мировую объединительную задачу. На этих славных путях ТВОРЧЕСТВО останется истинным звучанием народов со всеми их неиссякаемыми ценностями. После великих путников оставались нетронутыми и те живописные горные хребты и безбрежные моря и реки, преодоленные ими. Также останутся неповрежденно убедительными источники красот народных, переданных творчеством в бережности и глубокой

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
любви.

Пути общения Искусства и Науки, конечно, будут и удлиняться, и расширяться. В истории нашего времени это культурное завоевание будет не только отмечено, но и оценено с полным вниманием.

Время великих переселений и глубоких взаимопониманий! Пусть будет так!

4 января 1935 г.

Пекин.

Фан мемориал

Конфуций заповедал своим ученикам – «изучить как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев».

В Пекине недалеко от поэтического северного озера, где высится прекрасный белый субурган на горе, рядом с Пекинской библиотекой, можно видеть новое просторное здание института биологии в память Фана, китайского деятеля, неоднократно занимавшего министерские посты и покровительствовавшего наукам. Фан всегда очень интересовался естественной историей и организовал Музей естественной истории в Пекине. Пишут, что он интересовался судьбой этого учреждения даже во время болезни. Потому общество «Чанг-Ши» и «Чайна фундейшен» назвали Институт в память этого большого деятеля Китая. Институт существует с 1928 года, и с тех пор в нем произведены очень значительные научные работы. Прежде всего, Институт посвящал свои занятия китайской флоре и фауне. При образовании Института он имел сравнительно небольшой ежегодный бюджет в 30000 мексиканских долларов и помещался вначале в старой резиденции самого Фана. Доктор Пинг был назначен первым директором при одном профессоре, двух ассистентах-профессорах, двух ассистентах и одном художнике. Теперь же бюджет его вырос до 66000 местных долларов; кроме директора и профессора в состав Института входит 5 ассистентов-профессоров, 12 ассистентов, 3 художника и два препаратора.

Институт предполагает через своих членов произвести работу по составлению национального гербариума и особенно сосредоточиться на флоре и фауне Холайской провинции. Кроме этой провинции, ботанические и зоологические собрания поступают из Чехвана, Юнана, Квантунга и других местностей. Гербарий включает уже более 38500 названий, не считая многих необходимых дубликатов. В технологической лаборатории имеется более 3000 дендрологических образцов, из которых 1826 относятся к Китаю. В зоологическом отделе более 105000 номеров. Кроме того, в ботаническом отделе имеется коллекция из более чем 17000 фотографий растений Китая.

Издание Института заключается в 4 сериях бюллетеней Института – китайские растения, китайская фауна и китайские кустарники. Кроме того, печатается серия популярных справочников на китайском языке. Институт работает в ближайшей кооперации с агрокультурным институтом Кянгцзе и с ботаническим садом Кулинга. Этот ботанический сад озабочивается разведением огромного числа китайских растений экономического значения, чтобы культивировать для употребления большое число знаменитых китайских цветов, которые очень ценятся за границей, но сравнительно мало культивируются в самом Китае. Этот же сад обращает большое внимание и на древесные насаждения, чтобы и в этом направлении способствовать лесоводству Юго-Восточного Китая. В задачу входит также культура скрещивания китайских цветов – это огромное поле для исследования с большим экономическим значением.

В ближайшую программу Института Фан, таким образом, входит: 1) собрать богатейший гербарий Китая, посвященный, главным образом, самым значительным провинциям; 2) произвести полнейшее исследование китайской дендрологии, издавая иллюстрированные книги о лесах Китая; 3) сделать лишанский ботанический сад центром садоводства и лесоводства; 4) поднять технологическую лабораторию как центр дендрологических изучений в Китае; 5) обогатить собрание птиц, рыб и моллюсков; 6) производить исследование биологии морских и пресных вод и способствовать рыбным промыслам.

Институт Фана за свое краткое шестилетнее существование при малом бюджете и малочисленном научном составе, конечно, не может сравниться с такими многолетними учреждениями, как, например, Королевский Ботанический сад в Кью около Лондона или биологическое бюро в Америке, но приятно видеть, что и за несколько лет своего существования институт Фана представляет из себя уже большое национально обоснованное учреждение со всеми задатками быстрого

Каждое учреждение прежде всего выражает в себе способности и энтузиазм своего руководителя. «Каков пастырь, таково и стадо». В этом смысле Институту Фана посчастливилось, директором его состоит Хсен-Су-Ху, выдающийся ученый Китая, который вносит в учреждение свое тот истинный патриотизм, который является верным залогом преуспеяния.

В «Естественно-Историческом бюллетене» доктор Хсен-Су-Ху пишет:

«Живя в стране, богатой флою и фауной, мы – китайцы являемся прирожденными естествоиспытателями; наши праотцы, задолго до эры Конфуция, уже изучали и применяли к употреблению растения и животных нашей страны. Кроме легендарного мудреца императора Шен-Нунга, отца китайской фармакопеи, который в своих необыкновенных способностях испытал сотни лекарств, мы находим между тринадцатью классиками, доконфуцианского словаря „Эрх-Ия“, множество названий растений и животных, записанных и объясненных. Конфуций сам заповедовал своим ученикам – „изучать как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев“. Великий словотолкователь династии Хань-Шу-Шен в своем большом словаре „Свех-Вен“ включил многие имена растений и животных. Первый травник „Пен-Цзао“ относится к Тао-Хун-Чин-Тайской ученой династии Чин. С тех пор много изданий травников были написаны вместе с трактатами о горных пионах, апельсинах, чае, травах и деревьях Южного Китая, включая грибы и мхи. Великий исследователь трав династии Минга Ли-Ши-Цзин пересмотрел старинные травники и составил из них свою знаменитую книгу „Пен-Цзао-Кхунг-Му“. Наконец, ученый, государственный муж, губернатор Ву-Чин-Чун, живший в ранний период маньчжурской династии, закончил свою большую работу „Чи-Ву-Минг-Ших-Ту-Кого“, первый чисто ботанический трактат, в котором он описал несколько тысяч видов растений, сопровожденных многими тонко исполненными, иллюстрациями. Эти иллюстрации были так прекрасно выполнены, что многие из них могут быть вполне употреблены для определения видов, и даже в таких технических трудных растениях, как орхидеи. Итак, прилежными трудами наших знаменитых праотцев, мы – китайцы теперь располагаем ботаническими источниками более, нежели какой-либо народ в целом свете».

«Прогресс ботанических наук в Китае, имея в основе блестящие достижения наших праотцев, внушает блестящие надежды. Как вы знаете, биологическая наука, в современном ее понимании, установилась в Китае лишь недавно. Ботанические исследования еще 15 лет тому назад были почти неизвестны. Но сейчас мы имеем уже 23 университета и высших школ по всему Китаю, как правительственные, так и частных. Каждый из них имеет отдел биологии с сильным персоналом, достаточным бюджетом и с современно поставленными лабораториями. Кроме того, имеется 6 институтов для исследований, в которых изучение ботаники поставлено вполне хорошо». Затем следует описание задач и достижений упомянутых научных учреждений, в котором вы чувствуете неподдельный оптимизм, основанный на современных патриотических чувствах, проявляющихся в современном Китае. В конце доклада автор сообщает о ботаническом обществе, организованном последним летом. В обществе участвует до 70 испытанных ботаников, известных по своим исследованиям в разных отраслях этой науки. Будет издаваться популярный журнал. В каждом номере журнала предполагается ботанико-садоводственная статья, знакомящая читателей с бесценным сокровищем прекрасных китайских орнаментальных растений, повсюду так ценимых, но, странно сказать, довольно мало культивируемых самими китайцами. Деятельность этого общества должна пропагандировать ботанические сведения между любителями этого дела во всей стране.

«Рассматривая последний прогресс ботаники в крае, я очень радуюсь усиленным темпам достижений профессоров ботаников; до известной степени, я недоволен сравнительно малой кооперацией любителей. Мы должны понять, что в Европе прогресс в ботанических и зоологических науках в значительной степени поддержан усилиями любителей».

«Китайские ученые знамениты в своих исследованиях по археологии; конечно, они могут достичь и в естественной истории столько же, если их сердца обратятся к ней. Я верю, что прогресс ботанических и зоологических наук будет в этой стране несравненно быстрее, если он будет поддержан не одними профессорами биологами».

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
приглашать в свои заповедные поля всех любителей. Именно любовь и сердечная заботливость создает те блестящие заповедники, которые двинут по пути культуры будущие поколения. Вывод истинного ученого показывает, насколько можно радоваться последним устремлениям китайских Обществ. Вместо холодного затворничества, мы видим в словах его широкий доброжелательный призыв к сотрудничеству. Приятно видеть, как древние храмы и прекрасные, тончайшие создания творчества не оторвутся, как нечто далекое, но послужат основой нового живого сотрудничества.

3 февраля 1935 г.

Пекин.

Теснин

Некий писатель рассказывал, как трудно ему было закончить одну свою книгу, в которой он не желал кого-либо обидеть. Так как книга касалась общечеловеческих вопросов, то, естественно, автору хотелось возбудить внимание без враждебности и ненужных обид. Вот из этих самых добрых желаний и возникли необычайные теснини. Писатель попал в такие непроходимые ущелья, что должен был страница за страницей отсекать ценный накопленный материал.

Сперва писатель проверил свои соображения расово – пришлось очень многое вычеркнуть. Затем произошла проверка классовая. И она унесла много страниц. После того пришлось пересмотреть и в отношении профессий. И здесь понадобилось изъять кое-что существенное. Затем остаток писаний был проверен с точки зрения возрастов, религий, обычаяев, и опять целые части книги были отложены. Наконец, пришлось вспомнить и об условиях образования, о школьных вопросах, общественных организациях, о спорте, об отношении к искусствам, ко всему, что понимается под словом культура. Пришлось изъять из остатков книги почти все, что могло бы вообще вызвать к ней интерес.

Тогда огорченный автор попробовал прочесть сам себе оставшийся отшлифованный голыш и ужаснулся, не допуская мысли, что он мог написать подобную плоскую пошлость. Затем злополучный автор начал думать, кому он угодил, лишив свой труд даже примитивного значения и интереса? Тогда началась любопытная обратная перестановка. Автор начал мысленно призывать читателей оставшихся осколков книги, всевозможных профессионалов и, с обратной точки зрения, не нашел нигде будущего сочувствующего читателя. Наконец, вспомнив, что обломки книги должны представлять нечто бесспорно благонамеренное, автор представил себе свою книгу в руках полицейского. Но и тут был глубоко разочарован, поняв, что и в этом случае он не представил из своего благонамеренного труда никакого интереса.

И так, в обратном порядке, автор начал постепенно включать все, что могло бы возбудить внимание разнообразных читателей, и книга его опять выросла почти до первоначальных пределов.

Таким образом, те самые теснини, которые только что казались ужасными и непроходимыми, вдруг обратились в ту широкую площадь, на которой сошлись люди разных возрастов, всех народов и положений. Наконец, автор отправился к своему житейски умудренному приятелю с трагическим вопросом, как же поступить ему, чтобы возбудить человеческое сознание и заставить помыслить? Приятель его от души посмеялся над такой дилеммой и сказал:

«Хотел бы я видеть Ману или любого Законодателя, если бы Он, хотя на минуту, остановился, чтобы не обидеть кого-то. Во-первых, ему пришлось бы не огорчить всех разнообразных преступников. Заветы Его превратились бы в какое-то воровское наставление, а чтобы и порадовать кого-то – Он должен был бы прослойти свои наставления плоскими анекдотами. Если же хочешь действительно затронуть человеческое сознание, то помни, что предлагать нечто, и без того там вросшее, было бы не только нелепо, но даже безнравственно. А если бы, по несчастью, книга твоя вызвала лишь всякие похвалы, это было бы для тебя убийственным знаком».

Сколько призрачных теснин настроено. Иногда миражи бывают настолько четки, что даже трудно установить начало их образования. Вообще всякое зарождение совершенно недоступно человеческим земным законам. В конце концов, и истинный момент умирания так же точно вне возможности установления. Можно в земных мерах лишь предполагать о сроках зарождений и отмираний. В таких условиях особенно замечательны решения от противного. Так называемая тактика Адверза особенно часто помогает в неразрешимых проблемах.

Если бы наш писатель не начал мысленно, чтобы угодить всяким условиям, отсекать от своего труда самые нужные части, и если бы не сделал это в полной силе, то он и не пришел бы к очевидности о нецелесообразности своих действий. Если бы писатель подумал частично, как ему угодить только определенному лицу, то он не пришел бы к очевидности во всей ее поразительной доказательности. Но он хотел улыбнуться решительно всем, и потому вместо улыбки получилась кислойшая и пошлайшая гримаса. В своей прокислой угодливости писатель достиг как раз обратного результата. Даже полицейский на углу улицы и тот бы обиделся уже по-своему. Когда же писатель вообразил себе все существующие или миражные теснини, то он понял, что этим ущельем уже не пройти, и оно приведет только к гибели. Он полностью дошел до решения от противного. И это полное решение показало ему всю нецелесообразность его опасений.

Итак, когда теснин слишком много и все стены ущелий уже сближаются настолько, что через них можно переходить, то вместо тесноты неожиданно получается широчайшее нагорье, и то самое, что, казалось, мешало, послужило лишь ступенями к широким просторам.

8 января 1935 г.

Пекин.

Следы мысли

Газета сообщает:

«Двум профессорам Кембриджского Университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского Ученого Общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы, – в 1932 г. он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского Ученого Общества».

«Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помощи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду».

«Ритмические импульсы продолжаются и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке».

«Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе».

«Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора».

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии сэр Джагадис Баше в таких же путях исследования запечатлев пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отправленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими, мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей, даже в непросвещенных

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унизительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевизии чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача злости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия, несомненно, будут накопляться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевизии будет наблюдано отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, т. е. о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служении. И нет такой точки в мире, где бы человек не подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и звуки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то даже, и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабовольных в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекши во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли, во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие несложные проблемы жизни просветляются от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: «Совершай не только телом, но и мыслью».

Разве не увлекательно: «мыслить в Беспределности»?!

12 января 1935 г.
Пекин.
Болезнь клеветы

- Врач, если во мне образовались привычки, трудно ли превозмочь их?
- Полагаю, это вполне достижимо, если вы приложите всю волю. Пословица говорит: «Ничего нет трудного в этом мире, кроме страха неискреннего сердца». Так заповедает китайская госпитальная книга.

Знаменательно видеть, что даже современная госпитальная книга заканчивается на таком мудром изречении. Истинно, изгоните страх и неискренность, и сердце ваше восстановится. Сколько опаснейших болезней порождены невежеством и его исчадьями: страхом, завистью, корыстью и злобой. От них происходит и ползучая ехидна – клевета.

Клевета есть передача лжи. Все равно, будет ли ложь передаваема по легкомыслию, или по злобности, или по невежественности – семя ее будет

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

одинаково вредоносно. Опять вспоминаю замечательный ответ Куинджи, который сам так не терпел всякую ложь. Куинджи находился в плохих отношениях с Дягилевым. Один художник, зная это и, вероятно, предполагая, что Куинджи понравится дурное сведение о Дягилеве, рассказал какую-то мерзкую сплетню. Куинджи слушал, слушал и затем прервал рассказчика громовым восклицанием: «Вы клеветник!» Передатчик сплетен, потерпев такое неожиданное для него поражение, пытался оправдаться тем, что не он сочинил эту сплетню, но он лишь передал ее, даже «без умысла, только для сведения». Но Куинджи был неумолим, он продолжал сурово смотреть на злосчастного передатчика и повторял: «Вы принесли эту гадость мне, значит, вы и есть клеветник».

Сколько таких самооправдывающихся клеветников нарушают строительную атмосферу. Они разбрасывают самые ядовитые зерна и пытаются прикрывать какой-то своей непричастностью. Они-де и не думали о каких-либо последствиях. Они-де сообщали лишь для сведения, точно бы каждая клевета или ложь не сообщается именно «для сведения».

Недостаточно говорится о том, что клевета, ложь – безобразны. Не указывается, что этими осколками тьмы загромождаются и отравляются пространства. Вот уже, казалось бы, достаточно знают о том, насколько гнев и раздражение отравляют организм, но ведь и каждый лжец и клеветник в какой-либо степени погружается в ядовитую ненависть и прежде всего отравляет и самого себя. Ненависть живет и около зависти, и около невежества, и около той испорченности мыслительного аппарата, излечение от которой очень трудно.

Ребенок может быть нелюдимым, своеобразным, подозрительным, но он не рождается ненавидящим, это темное свойство уже приобретается на многих примерах старших.

«Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется». Какая в этом заключена забота, чтобы что-то злобное осталось. Таким образом, некоторые люди более заботятся о сохранении чего-то злобного, нежели доброго. Доброе в какой-то степени всегда будет заключать отсутствие самости, но злое, прежде всего, эгоистично. И если человек станет уверять, что он совершил нечто злое для добра, не верьте ему, наверное, он этим хотел защитить и свою самость или эгоистично перед кем-то выслужиться! Сколько раз приходится изумляться, насколько слабы законы, карающие клевету! В некоторых странах преследование клеветы даже почти невозможно. Можно убеждаться лишь в том, что не законами, карающими уже совершенную клевету, но именно предупреждающими мерами можно значительно ослабить эту вредную ехидну. Это можно достичь и в школе, но еще больше это произойдет в семье. Исключите из семейного быта маленькие сплетни и вы спасете младшее поколение от творения большой клеветы. Если ребенок от раннего возраста не будет слышать в быту взаимных осуждений и всех зародышей сплетен и клеветы, он, попросту говоря, будет далек от этого времяпрепровождения. Если дома нет карточной игры, то первые основы характера сложатся и без надобности такого убийства ценнейшего времени. От самих старших зависит очень многое в будущем семейном строении. Может быть, именно сейчас приходится вспоминать о потомственных возможностях семьи, ибо очень часто вместо привлекающего начала в семьях творится начало отталкивающее. А там, где одно отталкивание, там за отсутствием тяготения уже есть начало хаоса.

Сплетни и клевета, какая это мерзость!

Много эпидемий существует. Постепенно выясняется, что не только общепринятые бичи, как чума, холера и прочие заразные болезни, но и постепенно выясняется заразительность многих других заболеваний. А вдруг клевета тоже представляет собою явление заразное и к тому же эпидемическое? Мало ли есть форм психоза очень заразительных. В истории постоянно упоминается о массовом психозе, который временами принимал прямо угрожающие размеры.

Если рассмотреть очаги клеветы, то, несомненно, будет замечено, что в чистой, достойной, в культурной атмосфере клевета не порождается. Проследите домашнюю и общественную атмосферу заведомых клеветников и вы обнаружите настоящие очаги этого вредного психоза. Да и всякая ложь не везде произносится. Существуют такие места на свете и такие люди, в присутствии которых клеветник и лжец чувствует себя настолько неудобно, что не дерзнет на свое излюбленное злоизвергание. Но там, где клевета произносится особенно легко, там ищите как бы нажитость клеветы. Бациллы

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
клеветы там чувствуют себя особенно усиленными всем окружающим.

Не будем изумляться, если среди работ по психическим заболеваниям появятся настоящие врачебные трактаты о клевете, о причинах ее зарождения, о способах распространения и, будем надеяться, о мерах пресечения.

Ясно одно, если жизнь нуждается в обновленно-прочных устоях, то прежде всего всякие губительные эпидемии должны быть одолены. Среди этих бичей человечества будет обращено внимание на многообразные формы психоза. Излечивая пьяниц, наркоманов, воров и всяких преступников половых извращений, наверное, подойдут и к излечению одного из мерзейших извращений, а именно порока клеветы.

При этом будет замечено, насколько различные извращения проявляются одновременно. Если вы будете наблюдать клеветника и заведомого лжеца, вы найдете, что и остальная его жизнь нечистая. Наверное, он будет подвержен и еще каким-то порокам. В будущих государственных лечебницах, наряду с палатами для наркоманов, пьяниц, воров и прочих порочных элементов, будет одна из самых опасно-заразительных отделений палата клеветников.

Старое английское законодательство именно для клеветников оставляет порку. Впрочем, предоставим психиатрам решать, какая именно мера воздействия более уместна при таком опасном и мерзостном заболевании.

Когда вы знакомитесь с Пастеровским Институтом, наверное, вам будет предложено не задерживаться в одной из лабораторий. Вас предупредят: «Здесь особо опасные бактерии». В будущих психиатрических лечебницах посетителям предложат поскорее выйти из некоей палаты, скажут: «Бактерии клеветы очень заразительны».

14 января 1935 г.

Пекин.

Иран

С марта месяца исчезнет Персия. Будет – Иран. Издалека трудно судить об истинных причинах переименования. Иногда они начинают казаться эпидемическими, – так многое переименовывается и в географическом и социальном плане.

От старых мест люди переходят на новые, как бы в великих переселениях. Может быть, ищут, где крови меньше пролито? Или вспоминают о каких-то древних путях? Или, устремляясь в будущее, прежде всего хотят движения.

Не знаем, почему вместо Персия – Иран? Не знаем, почему именно с марта? Но обращение к знаменательному древнему имени звучит потенциально, в нем много размаха, воспоминаний, мечты. От души пожелаем Ирану все то, что зовет нас в этот древнем созвучии. Пожелаем так мужественному шаху Ирана Реза Хан Пехлеви.

Может быть, уже не всегда звучит старая песнь? живописная одежда уже ушла из высших классов и уже начинает покидать и народ. Но само могучее слово Иран, не напомнит ли оно о многом прекрасном, достойном сохранения вне проходящих веков; не напомнит ли о двух с половиной тысячелетней истории, во время волн которой государство удержалось, а теперь с особой ясностью мыслит о самосознании.

Разве не прекрасна «Книга Царей», созданная мощью великого поэта, выразившего иранское самосознание?! Исконная борьба Света и Тьмы; этот прообраз участия человека в умножении добра и зла запечатлелся в символике Ирана. И теперь, когда страна хочет в имени своем напомнить о славе, и силе, и глубине мысли, можно считать такую замену показателем внутреннего роста.

Сколько величайших страниц вписано в историю Ирана! Вспомним имена сатрапий: Мидия, Элам, Парфия, Харайва, Бактрия, Сугд, Хоразм, Дрангиана, Арахозия, Таттагуш, Синд, Египет, Армения, Каппадокия, Спарда, Иония, Скудра, Кушья, Машья, Каркас! Одни названия уже великая сказка! Кто не мечтал о Пасаргадах, о Вавилоне, о Сузах, об Экбатане, о Персеполисе? Чье воображение не очаровывали великие рельефы на скалах, огромные изображения, сооружившие и прославлявшие входы исчезнувших дворцов? Даже эти дошедшие до нас обломки, даже осколки плит пола; даже обломки ничтожных пышных ожерелий

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
– все это говорит о восхищающем и вдохновляющем размахе и качестве творчества.

Хорсадад живо напоминает о Саргоне, со всеми мифами, сплетенными вокруг него, а прекрасные барельефы дают зримое представление о былом величии. А Нимруд с остатками дворца Ассурназирпала. А Куонджик, и дворец Минахериба и развалины палат Тиглатпалассара в Калат Пергате! А знаменитые балватские врата с рельефами подвигов Салманассара? А великолепные диоритовые статуи, сосуды и бронзы вавилонские? А дворец Артаксеркса? Наконец, придворное книгохранилище Ассурбанипала – сокровище неисчерпаемое, оживотворяет миражи древности в величественную действительность. Восстало все в тех же местах, еще в прошлом столетии застывших мертвыми холмами. Еще совсем недавно столько великих свитков летописи человечества не были развернуты. На нашем веку были найдены вавилонские сказания о потопе и другие части эпоса Гильгамеша. Все это всколыхнется одним словом Иран и окрылит новые мысли. Аэриана! Иран! Иран!

И Зороастр – огонь принесший, и Мани, и бахаисты, и живая мессианская тайна великого Имама, разве не увлекают воображение? Старец гор! Скала Аламут, увенчанная замком! И книга достоверности. И белоснежный дэмавайд! А по цветущим лугам уже выступает Абул-Али-ибн-Сина, знаменитый философ и врач, которого Запад зовет Авиценна; труды его с великим вниманием сейчас издаются в Европе.

От тех же цветущих лугов незабываемы ковры исфаганские и артабильские. Никто не забудет художников Ирана: Бихзаада, Аббази, ага Ризу, Мирака, Мухамади из Герата со всеми его волшебными перетолкованиями Шахнаме, со всею эпopeй Искандера, с любимыми образами короля Бахрада и Азады. Тоже как целый несчетный цветочный луг!

И не живут ли и посейчас певучие образы и мысли поэтов: Рудаки, Фирдоуси, Анвари, Котрам, Омархаяма, Сади, Руми, Хафиза... сонеты, оды, элегии, поэмы, в которых излюбленные народные герои произносят незабвенные слова мужества, подвига, преданности и любви.

Сколько проникающих в сердце образов запечатлено в истории Ирана! Кто не помнит о долине Шираза, о розах ширазских. Хафиз поет о Ширазе:

«Прекрасна Шираз, бесподобна она!

О! Бог сохранит ее навсегда».

15 января 1935 г.

Пекин.

Ценность прекрасного

«Искусство не разрушение. В искусстве таятся семена создания, а не разрушение. Это чувствовалось всегда, даже и в те времена, когда все было невежественно. Под звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сих пор понятие общества об искусстве, все, однако же, говорят: „Искусство есть примирение с жизнью“. Это правда. Истинное создание искусства имеет в себе что-то успокаивающее и примирительное».

«Искусство есть примирение с жизнью».

«Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущения и расстройства».

Так, почти сто лет тому назад, переговариваются великие люди русской литературы Гоголь и Жуковский. Оба корреспондента отличались необыкновенно широкою оценкой искусства, и потому приведенные слова имеют неувядающее значение. Стоит только вспомнить, как оба эти великие писатели прекрасно высказывались в оценках разных областей искусства. Именно из ширины мысли, именно испытанный кругозор может давать заключения добрые, убедительные.

В сочинениях и в письмах этих писателей можно находить самые трогательные описания прекрасных творений, как древних, так и современных им. Всегда можно радоваться, когда в любой стране, в любом народе древность и современность испытываются с одинаковой бережностью. Тот, кто отнесся бы спесиво к прошлому, выказал бы себя лишь невеждой. Так же точно показал бы себя и тот, кто невнимательно отнесся бы кисканиям своего времени.

Действительно, невозможно наглухо запереться лишь в дедовском кабинете. Но с каким сожалением вы посмотрели бы на профана, который бы оскорбительно отзывался о любовных и внимательных собраниях, принесенных из прекрасных веков прошедших.

Именно в беспредельном искусстве можно производить лучшие наблюдения над состоянием человеческих сознаний. Изысканность сознания прежде всего отзовется на той или иной области искусства. Даже и в других, казалось бы, удаленных от творчества, предметах широкое сознание уловит элемент подлинного творчества. Ведь, в конце концов, искусство беспредельно, и творчество, опознанное или тайное, законченное или незаконченное, проникает всюду.

Именно творчество обеспечивает и высокое качество каждой продукции. Сегодня в газетах смеются над тем обстоятельством, что в Пизе рухнул новый мост, а старый, построенный шесть веков тому назад, еще стоит невредимо. О такой же прочности старотурецких мостов, противостоявших даже новейшим снарядам, мне рассказывали недавно. В прошлом землетрясении в Индии и Неаполе новейшие постройки пострадали очень сильно, тогда как древние храмы удержались.

Можно приводить множество примеров торжества старого высокого качества в разнообразном старом творчестве. Мы вспоминаем, с какою легкостью сходят позднейшие краски со старинных, вновь записанных, картин. И не только в разновременности дела, но сущность в исчезновении качества многих производств. Не будем заглядывать, что сохранит будущее от современных произведений. Сейчас хочется еще раз отметить, что из древности мы получили много подтверждений тому, насколько прекрасно бывает сочетание качества и творчества. Что же худого в том, что качество позволило великому творчеству прожить долгие века? Мы благодарим старых мастеров за то, что их способы работы устояли так долго и принесли так многим людям радость и новое вдохновение. Когда же вы мыслите о путях охранения культурных ценностей, то вы встречаетесь особенно часто и близко с соображениями о качестве. Изучая старинные качества, нам легче думать и о современных строениях, которые устояли бы от многих превратностей.

14 января «Пекинская Хроника» сообщила, что комиссия о восстановлении старинных сокровищ в Пекине, которая была образована на прошлой неделе, сейчас планирует поправление всех художественных памятников в старинной столице. Понимаем, что комиссия предполагает настоящие реставрационные работы через два месяца, когда получатся средства. Средства обещаны министерством финансов и министерством железных дорог и должны поступать регулярно, начиная с текущего месяца.

Такому сведению надо от души порадоваться. Когда мы слышали недавно о готовности китайского правительства ратифицировать наш Пакт по сохранению культурных ценностей, мы так же порадовались. Китай, обладающий таким несметным множеством художественных сокровищ, конечно, будет одним из первых в действительном признании Пакта и в проведении его в жизнь у себя. Культура Китая сложила такие необыкновенно изысканные формы и пластические и философские, что, конечно, наследники таких сокровищ одни из первых должны примкнуть к государствам, уже ратифицировавшим наш Пакт. Совершенно правильно, что реставрационные средства пойдут из министерств финансов и путей сообщения. Ведь памятники древности во всем их очаровании будут лучшими устоями государств. Ради красоты их усиливается движение на путях, ради них министр финансов найдет особо убедительные определения в своих заключениях. Ведь, без преувеличения, сокровища культуры являются оплотом народа. Все строительство, все просвещение, все духовное вдохновление, вся радость и спасение рождаются на основах культурных ценностей! Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными. По бесчисленным путям сообщения устремится творчество во всем его благородном разнообразии.

Также не будет преувеличением, если скажем, что язык искусства уже много раз в истории человечества являлся наиболее убедительным, привлекательным и объединяющим. Не только имена Аполлония, Рубенса и многих других запечатлены в государственных построениях, сказанных языком искусства. Сами предметы искусства много раз являлись лучшими посланниками, внося с собою мир и дружелюбие. Нам уже приходилось отмечать, как обмен художественными ценностями иногда избавлял от недоразумений и опережал словесные договоры. Если мир, по словам Платона, управляет идеями, то благородные зерна

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
искусства всегда будут тем благостным посевом, который даст лучшую, добром поминаемую жатву. Потому-то не будет чем-то условно преднамеренным, когда будет утверждаться широкое значение искусства и подлинная ценность прекрасного. Итак, будем ценить, будем хранить все прекрасное с сердечною заботливостью.

Для упрочения нашего Пакта сохранения культурных сокровищ прежде всего пришлось ознакомиться и с историей возникновения Красного Креста. Основоположник этой благородной идеи, знаменитый швейцарский филантроп Дюнан и его самоотверженные друзья в течение 17 лет неустанно стучались в сердце человеческое, чтобы рассказать о неотложности такого гуманистического учреждения. Многим следовало бы запомнить многострадальную историю Красного Креста. Так разрушаются эти великие ценности не только во время войн, но и во время всевозможных проявлений человеческого невежества. Одно охранение ценностей культуры пробудит многие заснувшие пути творчества, и целые государства опять вспомнят, в чем их непоколебимость и непобедимое достоинство и ценность.

16 января 1935 г.

Пекин.

Флора

Кто не знает Святых Флора и Лавра, так красиво изображаемых в зеленых пущах с белыми конями? Известно, как почитают этих Святых русские крестьяне за их попечение о конях, о коровах и о прочем домашнем имении.

Рассказывается, как некий губернатор, любитель ботаники, пожелал ознакомиться с флорой вверенной ему губернии и приказал представить ему все образцы ее. Приказ попал в руки местных полицейских чинов и произвел переполох немалый.

Что бы такое было «флора»? Чем таким обеспокоился начальник! Недоумение росло, пока, наконец, дьячок не надоумил, что, должно быть, губернатору потребовалась все флоры. Так и решили. Собрали всех Флоров, а кстати и всех Лавров, ибо Святые эти изображаются вместе, да и отправили недоуменных и огорченных мужиков в губернию к еще более недоуменному сановнику – ботанику.

Мало в каких других областях столько анекдотов, как около народной медицины и ботаники. Трудно поверить, чтобы каждая травка была на пользу. Даже очень рассудительные люди внутренне недоумевают, когда им рассказывают, что тот самый репейник, который они только что уничтожили, является благотворным лекарством, или, что морковь или земляника, искони потребные для стола, могут быть полезны в очень серьезных случаях.

Все помнят обратный анекдот, когда губернатор запросил местные власти о кустарных промыслах. Местный исправник доносил, что кусты действительно имеются, но какое употребление из них делают крестьяне ему неизвестно, ибо иногда глупый народ лечится всячими растениями. И в этом случае народ заподозрился в глупости, ибо лечился растениями.

Как и во всем, малознающая середина готова отвергать и отрицать. В то время, когда уже просвещенные верхи очень бережливо относятся к каждому народному преданию и вполне оценили значение фольклора, и найдут лучший язык с оставшимися носителями этой народной мудрости, тогда же будут существовать и зубры, иногда даже модернизированные, выросшие лишь на отрицании.

По счастью, знакомясь с народами, вы видите, как нередко еще осталась трогательная чуткость, которая живет, как наследие многих веков.

Вчера приходили старые буряты. Принесли они единственный сохранившийся экземпляр бурятского словаря, который является необходимым и в смысле медицинском. Надо было видеть, как трогательно они хотят переиздать тот ксилограф. Говорят: «Ведь без этой книги молодым не на чем учиться, здесь столько полезных сведений». Так в далеких юртах заботятся о знании. Там ничего не имеют против новейших форм совершенности, но в то же время со всею сердечной преданностью берегут остатки старых знаний. Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует.

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Наверное, врач, вновь открывший целебное свойство эфедры от астмы, не только о ней прочел в старых китайских фармакопеях. Конечно, он изучал очень многое для того, чтобы во благо человечества вновь воспользоваться лишь некоторыми. Записываю это и повторяю упорно, ибо все-таки существует такое заблуждение, что в стариинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это «кое-что», если не ознакомитесь со всем?

В некоторых новых школах предполагается исключить изучение классиков. Как много прекрасного, вдохновительного и вечно руководящего будет исключено таким запрещением. И какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации.

Именно теперь, когда всевозможные новые открытия говорят о расширении горизонта, именно теперь так несовременно все еще думать об иллюзиях технократии с ее специализациями. Тогда, когда даже малыши познают соотношения макро- и микрокосма, тогда, казалось бы, совестно устремляться к какому-то заведомому самоослеплению. Человек, сказавший себе: я не хочу знать ничего, кроме винта, перед которым я случайно оказался, – в каком же истинном строительстве может существовать такое самоограничение? Тот, кто во многом приложился, тот оценит и высокое качество каждой части.

Когда-то произносили безумные формулы о мечтании уравнять все человеческие мозги. Какой жестокий, тиранический дух мог подсказать такое насилие? Вообще, условие жестокости должно быть очень пересмотрено. Это чудовище гнездится в более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость, как ужасная форма невежества, живет не в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась во множайших очагах семейной и общественной жизни. Она является одним из самых пресекающих все живое начала. И там, где притаился элемент жестокости, там стеснено и всякое познавание. Ведь истинное познавание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно. В этом самоотвержении и красота, и величие, и беспредельность!

Разные травы внимательно собирали благой Чарака; ему посвящена картина в Бенаресе.

«Каждая малейшая травка – на пользу».

«Всяк злак – на пользу человеков».

17 января 1935 г.

Пекин.

Гималаи

Вот и французская экспедиция идет воздать честь Гималаям. Со всех сторон разные народы устремляются все к тем же высотам. Получается уже какое-то шествие за пределами состязания.

Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировала в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великаниями.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом прежде всего будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих племенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием.

даже скучно и убого было пытаться сопоставить Гималаи с прочими, лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай – все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
себе всю пышную, нагорную страну Гималайскую.

Чего только не вместила в себе эта разнообразная красота. Тропические подходы и луга альпийские и, наконец, все неисчислимые ледники, насыщенные метеорной пылью. Никто не скажет, что Гималаи это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово однообразие. Поистине, целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря.

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша нахождений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могло найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено устремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором родятся герои.

Не только лавровые венки состязаний, не только приходящие первые страницы книг и газет, но тяготение к величию, которое питает дух, всегда будет истинным притяжением, и в таком влечении ничего не будет худого.

Что же, это еще одна похвала Гималаям?

Разве их торжественное величие в похвалах нуждается?

Конечно, здесь неуместны похвалы, и каждая из них, даже самая превосходная, будет лишь умалением. Тогда зачем же вспоминаются Гималаи, зачем же нужно о них мыслить, вспоминать и к ним устремляться?!

Хотя бы мысленное приобщение к торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. О прекрасном по-своему мыслит каждый и непременно захочет так или иначе сказать о нем. Мысль о прекрасном настолько мощна и растуща, что человек не вместит ее молчаливо, а непременно захочет, хоть в каких-либо словах, поведать ее. Хоть в какой-нибудь песне или в каком-либо начертании человек должен выражать и запечатлевать мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше, через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утверждаться на незыблемо прекрасном. Если были на Земле прекрасные создания рук человеческих – к ним придет путник; успокоится под их сводами в сиянии их фресок и стекол. Если может путник найти зарево далеких горизонтов, он устремится и к ним. Наконец, если он узнает что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним и в одном этом стремлении он уже укрепится, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении.

С особым вниманием у костра и в любом человеческом собрании слушают путника. Не только в далеких хрониках читают об этом уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь при всех путях сообщения, когда мир уже кажется малым, когда люди стремятся в высшие слои или в глубины, к центру планеты, и тогда рассказ путника остается украшением каждого собрания.

«Правда ли, так прекрасны Гималаи?»

«Правда ли, они несравненны?»

Скажите нам хоть что-нибудь о Гималаях и бывает ли там необычное?!

В каждом повествовании путника люди ждут необычного. Обычай, привычка, неподвижность связанности, умаляет даже самое маломыслящее сердце. Даже поникнутый дух стремится к движению. И, в конце концов, никто не мыслит движения только книзу.

Помню, как один путник рассказал, что, начав спуск на большом каньоне Аризоны, даже при великолепных красках окружающих, все же оставалась тягость соображений о бесконечном спуске – «мы шли все вниз, и это даже мешало любованию».

Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связаны с восхождением. При восходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путям восходящим. Когда слышим о новых путниках на Гималаи, то уже признательны хотя бы за то, что опять напоминается о вершинах, о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда.

Гималаи, разрешите еще раз послать Вам сердечное восхищение. Также, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди.

19 января 1935 г.

Пекин.

Каменный век

«Вещи и дела, аще не написании бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написани же яко одушевлении».

Так говорит старая летопись. И действительно, нужны отметки по всем периодам жизни человеческой. Такие отметки полезны не только для познания самого описываемого периода, но и для характеристики взглядов самих описателей.

От многих умозаключений эволюция познания заставляла исследователей отказываться. Ничего не только постыдного, но и вообще осуждаемого нет в этих отказах ради новых более широких и обоснованных заключений. Сама история постепенности взглядов и умозаключений уже есть исследование культуры человечества.

Мало ли было программ, подразделений и как бы очень точных вычислений, которые в свете новых достижений должны были быть пересмотрены и обновлены. Сколько старых несовершенных переводов, с мало тогда изученных языков, должны были быть преодолены вновь, чтобы восстановить невольное искажение истины.

Среди многих условных делений человеческой культуры нужно вспомнить и о недавно непреложном делении веков каменного, бронзового и железного. Старое деление доисторических времен на камень, бронзу и железо, хотя в продолжении прошлого столетия оказалось неоценимые заслуги, позволяя упорядочить бывший научный хаос, сейчас часто показывает, насколько могут быть переменны и разные другие, еще более жизненно-бытовые соображения. Первоначальные деления оказываются слишком приблизительными и неразборчиво заходят друг на друга, недостаточно характеризуя бытовое значение эпохи. Постепенное углубление изучений позволяет уже судить не только о том, с какими орудиями выходил человек в поле, но уже о том, для чего выходил и какие оказывались следствия его действий? Кроме того, грань между культурою камня и металла до такой степени неопределенна, что прежде принятые разделения требует новых классификаций.

Но если между камнем и металлом иногда так трудно судить правильно, то уже среди эпох камня часто угрожают самые сбивчивые показания. Геологические доказательства, кости, остатки гончарства – все это оправдывает далеко не всегда.

Не будем повторять многие анекдоты, рассказанные известными исследователями. Смещения разных земных слоев, пользование старинными инструментами, что случается очень часто даже и теперь, и, наконец, общечеловечность орнаментации, все это постоянно требует новых распределений. Не следует бояться трогать старые книжные полки. Не следует опасаться сближать и сопоставлять предметы древности в новых сочетаниях. Когда мысль должна блуждать среди тысячелетий, а может быть, и в десятках их, то и сами ограничения или утверждения неминуемо будут относительны. Именно признав эту неизбежную относительность, исследователь не только не

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
огорчится, но тем бодрее и радостнее поспешит вперед для новых обоснований.

Царство камня протянулось от неизреченной древности и до наших дней в буквальном смысле. Ведь в наши дни целые племена заняты обработкой каменных изделий, мыслят об их лучшем изготовлении и в этих уклонах думают и о многом так же, как их незапамятные праотцы. Правда, мы же когда-то утверждали, что древний человек каменного века не похож на теперешнего, вымирающего дикаря, хотя бы и стреляющего теми же каменными стрелами. От этого утверждения мы не отказываемся. Конечно, сущность доисторических жителей поражающе потенциальна, и мы видим блестящие порождения и достижения. Но в узкотехнических приемах многие наследия настолько предались однообразию, что не всегда исследователь отличит давние эпохи от более новых. Помню, как мне приходилось показывать предметы, несомненно неолитические, и даже такие крупные величины, как Мортилье, Капитан и Ривьер де Прекур, были склонны относить их ко временам гораздо более древним. Так, между прочим, происходило и на Доисторическом Съезде в Перинге. Еще недавно приходилось читать о приблизительности Солютрейского типа, накопления которого оказывались в совершенно неожиданных местностях. Можно придумывать множество теорий, и все же они останутся предположениями.

Общественность жизненных заданий и украшений не позволяют делить их внешне условно. Каждому исследователю приходилось видеть обложки гончарства с такими заметками орнамента, что нелегко было судить, какого типа человек мыслил именно в этом прикосновении своих ногтей или примитивной палочки. Даже изображения на скалах и пещерах не имеют таких резких границ, как это иногда кажется.

Нам приходилось видеть рисунки на скалах от очень древних и до почти нам современных. Уже не говоря о сходственных ритуальных мотивах изображений, но и в самой технике оставалось много подобности. Конечно, древнейшие и самоновейшие были отличаемы сразу, но в срединных периодах, по правде говоря, различать совсем было нелегко.

Так же трудно восстанавливается и реставрация древних жилищ. Без отепляющего элемента быта все кажется холодным и бездушным, даже когда вы идете улицею Помпеи или Остии, то, даже при такой сравнительно неглубокой древности, вы уже не чувствуете себя вполне погруженным во всю протекавшую там жизнь. Уже не будем говорить об остатках Египта и Среднеазийских.

Вспоминаю наше собрание каменного века. Оно, наверно, уничтожено. Где-то за границей передавали, что ценное содержимое нескольких ящиков выброшено в канал. Везде ли так бывало? Пройдите с таким отрицанием по всем хранилищам и сокровищницам, многое ли переживает такие шаги? Кто-то, когда-то, нашедший груды каменных оружий, не будет ли изумляться смешанности типов?

А ведь собирались они именно с целью сопоставлений, сравнивалась техника американских и северных, и азиатских образцов. Даже во время любования Римом, Флоренцией и Вероной всюду не забывались и каменные изделия и привозились к их далеким собратиям. И Франция, и Бельгия, и Венгрия, отовсюду притекали образцы. Особенно поучительно было сопоставлять их с нашим неолитом, который дал образцы очень высокой техники. Все это рассеялось. Обидно то, что не только оно рассеялось, но навсегда перемешалось и никто более в этих сотнях тысяч образцов не разберется.

Вспоминаю о таком эпизоде не только с удивлением, что и в наше время нечто подобное возможно, но и для того, чтобы еще раз подумать о пределах относительности, с которыми во многих случаях приходится встречаться. Один помещик завещал похоронить себя в древнем кургане. Пройдет несколько сотен лет, и может возникнуть еще один археологический анекдот. И тем не менее, какая это живая, нужная для всех соображений наука – археология.

23 января 1935 г.
Пекин.
Помощь

Нужно ли помогать?

Так нужно, что и выразить нельзя. И мыслью, и советом, и делом, и всеми доступными прямыми и косвенными способами. Ведь главнейшая причина мирового кризиса заключается в отсутствии взаимной помощи. Между тем достаточно ясно установлено, что протекающий кризис не материального, а именно духовного

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
значения. Конечно, существует много благотворительных обществ и всяких канцелярий, куда могут быть подаваемы заявления о помощи. Но сейчас имею в виду не только эту установленную помощь, но именно общечеловеческое желание взаимно споспешествовать. В таком общем желании и выражается истинный прогресс.

Сколько раз указывалось, что развитие путей сообщения, среди прочих своих назначений, главным образом, должно способствовать развитию дружелюбия, взаимной заботливости, иначе говоря – всей той многообразной взаимопомощи, которая является истинным украшением человечества.

Слишком часто слышатся голоса, что по причине жестокого всемирного кризиса разрушены многие богатства и тем пресечена возможность помощи. Эти голоса предполагают лишь одностороннюю денежную помощь. И если мы признаем, что деньги, как таковые, являются только единственным средством благосостояния, то и будет тем самым воздвигаться пресловутый золотой телец, против которого написаны многие отличные страницы мировой литературы. Каким ограниченным и поистине бедным представилось бы человечество, возмевшее уважение лишь к деньгам во всей их мишурной случайной ценности.

Эволюция требует действительных ценностей, из которых порождается и благосостояние, и для таких мировых коопераций нужна прежде всего наличность доброй взаимопомощи. Если бы нашлось достаточно сердечности и люди поделились бы между собою накоплением своего жизненного опыта, то какое богатство нового строительства могло бы возникнуть! Если бы только все зримые и незримые пути сообщения приносили с собою, вместо личного укрывательства, доброжелательную помощь, то во сколько бы благословенное показались новые крылья человечества!

Сознательно и бессознательно в разных частях света думается то же самое. Если бы только включить в мировой ток, если даже не плохо достижимую любовь, то хотя бы доброжелательство взаимопомощи! Во многих странах учреждаются ценные министерства туризма. Учреждаются всякие интеллектуальные кооперации и общества культурных сношений. Казалось бы, такие общества предусматривают не только отвлеченное прохождение по музеям и университетам, но и основное стремление к помощи – к взаимознакомлению для блага, так нужного сейчас в мире. Не можем же представить себе, чтобы министерства туризма учреждались лишь для удовлетворения поверхностного любопытства или для успешной продажи железнодорожных билетов? Это было бы очень убого.

Умножаются всякие научные экспедиции, далеко проникают всевозможные торговые миссии. Бороздят воздух железные птицы и с вестями, а то и просто на скорость. Ведь с доброю целью накапляются все эти знаки. Будем думать, что именно с доброю целью. Туризм – путешествие, есть действительно тот жизненный университет, который вдыхает в народы новые, обновленные возможности.

Следует сказать каждому путнику:

«Помогай на всем пути твоем. Помогай всеми твоими возможностями, всеми твоими знаниями и опытом. К тебе потянутся и словесно и мысленно многие сердца. Ты будешь для них не своим, ты будешь необычным, и к твоим советам прислушиваются вдвойне». Такой совет путникам не будет отвлеченностю. Каждый, посещающий далекие страны, знает, как у далеких очагов, костров, шатров, юрт и стен ждут рассказа дальнего странника. Это уважение к дальнему опыту свойственно во всех странах. В одном месте будут молитвенно слушать странника, в другом – любопытственно. В третьем – корыстно. И все же всюду будут слушать внимательно.

Велика ответственность путника. Не очерствеет его сердце, чтобы оттолкнуть просящих совета. Не подумает путник, что в силу какой-либо своей узкой профессии он может не иметь открытого глаза и жизненного опыта. Именно путник на каждом пути своем получает множество познаний самых разнообразных. Невозможно представить себе такую степень омертвелости, чтобы человек не знал ничего за пределами своего винтика. Чем ученее человек – тем он больше знает и тем жизненнее будут его советы. Истинно, знающий человек и не поскупится на эти советы, ибо сердце его потребует от этих богатств на общую пользу.

Говорим всем путешественникам:

«От вас ждут многих полезных советов. Призовите все свои знания и не скупитесь на эту благую помощь. Ваши полезные советы будут ожидаемы в разных странах, и потому примените их к разным языкам и ко всяkim пониманиям, но, главное, не скупитесь. Ваши дельные советы оценят глубоко и сердечно. Из них будет слагаться доброжелательное взаимопонимание между народами. Дельные советы путников отклонят многие несчастья, вызовут добрую самодеятельность, излечат отчаяние и призовут к здоровому строительству».

Не нужно думать, что такие большие задания творятся лишь на мировых конференциях. Многое последствий величайшего значения творится на путях странников. Нам ведомо, что иногда черствое и недальновидное сердце может сказать: «Не надо помогать». Не долго просуществует тот, кто думает, что помогать не нужно. Ужасно погибнет, кто ради эгоизма запрещает помочь; а ведь такие есть. Только умственною отсталостью можно объяснить себе такой отказ помочи. Нужно быть очень ограниченным, чтобы из какой-то боязни запрещать помогать.

Казалось бы, всеми священными писаниями заповедано помогать безотносительно. Дано достаточно примеров, что случайные различия нуждающихся не должны служить препятствием. Не привести ли опять эти общеизвестные притчи и записи. Не будем вновь цитировать то, что напечатано в мире в тысячах и миллионах. Будем думать, что лишь обрекающие сами себя на гибель будут запрещать помогать во благо. Скажем друг другу, что будем помогать во благо на всех путях. Будем помнить, что запрещающий дать добрый совет уже есть недостойный разрушитель. Когда обездоленные, когда, может быть, даже целые роды и народы спросят совета и помощи, пусть он будет дан, как залог еще одного доброго взаимопонимания.

Пусть путники посмотрят на эту свою возможность, как на светлую обязанность, пусть выполнят ее со всею сердечностью, прилагая весь свой накопленный опыт. Своим искренним пожеланием преуспеяния они приадут совету своему убедительность, и возрастет он, как лучшая жертва, и оживит многие человеческие пустыни. Каждый должен помогать всячески и на всех путях своих. Восточная мудрость гласит:

«Серебро, зарытое в землю, чернеет».

Будьте советниками добрыми. Помогайте и сердечно любите дело помощи.

28 января 1935 г.

Пекин.

Подвижность

Лама Мингиор уезжает в монастыри. Наверно, опять соберет много значительных сведений и по старым преданиям, и по всяkim лекарственным вопросам. Очень хорошо, что он едет. В этой подвижности заключается именно то качество, которое я всегда советовал нашим сотрудникам. Вот и лекарь Дава Тянъзин тоже уходит в горы. Если он не будет обновлять своих запасов, если перестанет встречаться с другими лекарями-ламами, то и его запас скоро окончается. Вот и еще двое сотрудников выехали. Один – в Лагор, а другая – за океан.

Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в одной комнате, питать себя присыпаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы.

Нужно то, что индузы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это – средоточие. Но умственное питание «ашрама» добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники «ашрама» тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил:

«Наша обитель опять расширяется».

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители.

Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспеяния. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познаванием широким.

Часто даже, казалось бы, удаленные друг от друга области становятся благодетельными сотрудниками. Конечно, так и должно быть, ибо последние устремления человечества, основанные на сотрудничестве, на кооперации, прежде всего научают синтезу. Еще недавно очень боялись этого объединительного понятия. Помним, как Анатоль Франс и многие другие просвещенные писатели тонко иронизировали над чрезмерной специализацией. Действительно, в природе так все кооперирует, настолько все слито и уравновешено, что лишь сознательное сотрудничество людей ответит этим основным законам всего сущего.

Польза путешествия и всестороннего познавания, вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждом этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможности, так недавно вообще не замеченное.

Опасно одно, что среди всяких поездок развивается слишком много спортивных поездок и состязаний. В этих чисто внешних механических соревнованиях теряется многое, что нужно было бы особенно наверстать в наши дни. Всякие соревнования на силу, неутомимость, на скорость нужно бы перенести и на скорость и глубину мышления, и познавания. У каждого в запасе много анекдотов, всяких школьных недоумений и странностей; не будем их повторять. Но будем очень твердо помнить, что не следует устремляться лишь к техническому образованию.

Всякие ограниченно условные техники уже являются пережитком перед, опять властно возникающим, понятием синтеза. Если техникум где-то упирается в робота, то глубоко осмысленный синтез дает новую широту горизонта. Основывая отделы учреждений в разных странах, мы именно имели в виду, что когда-то и как-то произойдет теснейшее общение всех сотрудников. Они обогатят друг друга, они ободрят друг друга и перекликнутся самыми неотложно полезными понятиями. Если же в учреждениях явится какая-либо возможность для новых познаваний, экспедиций, посещений, то пусть эта возможность не откладывается.

Будем продолжать уже сложившуюся традицию взаимных ознакомлений. Будем смотреть на каждое новое посещение мест нашими сотрудниками как на истинное развитие просветительского дела. А для этого прежде всего будем развивать истинную подвижность.

Когда говорим о подвижности, то не будем думать, что она близка многим. Не мало людей любят говорить о подвижности. Сидя в спокойных креслах за вечерним столом, они готовы очень легко помечтать, подняться, ехать, творить и работать на новых местах. Но, как только дело дойдет до выполнения этих мечтаний, многие найдут десятки причин им мешающих. Каждый из нас может припомнить, даже и в недавнем прошлом, поучительные эпизоды, как уже совсем было собравшиеся в путь дальний бессильно опускались в свое насиженное, спокойное кресло. Причины отступления, конечно, были и многочисленны, и как бы житейски уважительны.

Когда человек хочет оправдать себя в неделании чего-либо, то, поверьте, он найдет множество помогающих обстоятельств. При этом неподвижность будет оправдана очень многими. А подвижность, т. е. желание нового труда, нового познавания – будет очень легко осуждена. Будет сказано и о пустом мечтательстве, о несбыточных стремлениях, о легковерии, мало ли о чем найдет сказать изворотливый рассудок, когда он хочет уклониться от чего-то подсказанного сердцем.

Сколько раз мы читали письма, полные устремлений в даль, полные готовности к обновленному труду, но, как только вы спрашивали сего писателя, когда он

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
может выехать к новому поприщу, как он впадал в престранное молчание. Очевидно, вся бытовая запыленность обрушилась и приводила к молчанию языка сердца. Выползали всякие рогатые сомнения, выслушивались всякие нелепые соображения и утеривалась еще одна возможность. Мало того, что утеривалась она лично; она могла отягощать и вредить множеству и близких и дальних людей.

Ради призрачной помощи немногим, забывалось сотрудничество и помочь в очень больших делах. Основной же причиной все-таки оказывались неподвижность, прижитость к своему просиженному креслу. А ведь за неподвижностью встает и призрак страха перед каждой новизной вообще. Этот призрак ведет к ветхости и дряхлости. Когда же наступит такое разложение, то никакими внешними мерами уже не помочь.

А сколько раз не что иное, как какие-то несчастные вещи делали людей неподвижными. Мы сами видели весьма прискорбные примеры, когда люди, казалось бы, интеллигентные, из-за вещей обрекали себя на самое печальное существование. Ох, уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным.

Всегда радуюсь, когда вижу в сотрудниках подвижность.

11 февраля 1935 г.
Постоянная забота

Наши комитеты уже спрашивают, каково будет их положение после ратификации Пакта? Некоторым друзьям, может быть, кажется, что официальная ратификация Пакта уже исключает всякую общественную инициативу и сотрудничество. Между тем на деле должно быть как раз обратное. Чем дальше, тем больше должно требоваться в деле охраны культурных сокровищ общественное и частное начало.

дело культуры никогда не может быть лишь делом только правительства страны. Культура есть выражение всего народа, вернее, всех народов. Поэтому-то народное общественное сотрудничество в деле культуры всегда необходимо для настоящего преуспеяния. Просветительные и учебные заведения хотя и будут под непосредственным управлением правительства, но они никогда не обойдутся и без общественного участия. Чем ближе будут всякие общества друзей музеев, чем активнее будут родительские комитеты при школах, тем большее живое сотрудничество возникнет.

Так же точно и в деле применения Пакта Охраны Культурных Сокровищ. Как бы ни были деятельны правительственные комитеты и учреждения, они не обойдутся без помощи частной, доброжелательной инициативы. Тем более те комитеты, которые участвовали и свидетельствовали все перипетии дела Пакта, должны остаться ближайшими содеяниями и на все будущее время. Если уже и теперь наши комитеты Пакта разнообразно развивают свою деятельность, то в будущем они могут тем более споспешствовать государственному делу.

Вспомним, сколько за протекшие четыре года было предпринято полезных начинаний! Вспомним, что, помимо трех международных конференций, сколько лекций было устроено в разных странах! Сколько выступлений состоялось в школах, сколько статей появилось в разнообразной прессе, сколько процессий и всяких манифестаций знамени было неутомимо устроено, чтобы вносить в жизнь понятие охраны культурных ценностей. Наконец, кроме местных комитетов, Вашингтонская конвенция установила Комитет Пакта. Этим наименованием уже было предопределено несменное, постоянное существование такого комитета. Этот комитет является хранителем традиций, выявленных и утвержденных Вашингтонской конвенцией. Комитет был поставлен, в силу единогласного постановления конвенции, как верный страж, как священный дозор по охране культурных ценностей.

Можно предполагать, что комитет будет постоянно расти и обновляться, приобщая новых сотрудников, выдающихся деятелей искусства и науки. Комитеты и учреждения в разных странах являются верными сотрудниками Постоянного Комитета. Сколько бы новых общественных ячеек ни открылось, сколько бы новых сильных волонтеров ни пришло, деятельность настолько необъятно широка, что каждый сотрудник будет принят с радостью и дружелюбием. Если области работы по охране так разнообразны и широки, то, конечно, потребуется участие и самых разнообразных общественных элементов.

Глубоко должно проникать сознание охранения культурных ценностей в народную толщу. Оно должно делаться неотъемлемым предметом во всех школах, и школьные преподаватели должны быть истинными друзьями такой просветительной всенародной заботы.

За годы подготовительных действий наши разнообразные комитеты могли убедиться, что осознание культурных ценностей совсем не так легко проникает в разные общественные секторы. Каждый может вспомнить, сколько раз ему пришлось сражаться за, казалось бы, самые простые соображения. Каждый с сожалением вспоминает, что даже среди интеллектуальных слоев было встречено немало враждебности и непониманий. Таким путем и впредь нельзя обольщаться мыслью, что понимание о всенародном охранении культурных ценностей так легко и повсеместно снизойдет. И были трудности и будут трудности. И будут они сообразно размерам дела. Крестный путь культуры вовсе не перестанет быть трудным. Кроме того, многие будут истерически вопить о культуре и в то же время не приложат никаких своих стараний в тех случаях, когда они могли бы что-то спасти. Будут продолжаться дни культуры, на которых будет внешне повторяться это слово, но никаких действенных последствий не будет происходить. Не будем перечислять всякие препоны, воздвигаемые человеконенавистничеством. Пребудем только готовыми всегда всеми способами утверждать в жизни высокое священное понятие культурных ценностей.

Работа комитетов, обществ, содружеств, ячеек и была многообразна, и будет еще многообразнее. В зависимости от всех земных условий будет углубляться и расширяться эта работа. Правительственные органы должны сказать сердечное спасибо всем тем добровольцам, которые пожелают вложить вольные и сознательные труды свои в такое большое государственное дело. Будет возникать понятная возможность доброжелательства и дружелюбия. Как рассадник дружелюбного сотрудничества будет работать Комитет, установленный на последней конференции.

Комитет был неограничен в числе своем. Комитет может иметь отделы, секции, комиссии. Словом, в добром деле ничто не запрещено, что может помочь истинному просвещению.

Пусть то же постоянство выражается и желанием действия, сотрудничества, доброжелательства и дружелюбия. Где произнесено слово КУЛЬТУРА, там должно расти и дружелюбие. Там должно крепнуть взаимное доверие и радость общему просветленному труду.

Каждый друг, приобщенный, есть путь культуры. Каждый враг культуры, поверженный, есть светлая победа. Каждое спасение священной красоты и знания есть высокая спасительная молитва.

16 февраля 1935 г.

Пекин.

Молодежь

Много нападают на молодежь. «Она поглощена спортом». «Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техники». «Она не бережет чистоту языка и наполняет его всячими нелепыми, выдуманными выражениями». «Она уходит от семьи». «Она предпочитает танцы». «Она избегает лекций». «Она не хочет читать». Мало ли что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встретить факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудной домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога в техники? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается рассадник осуждения? Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат многое разрушительного и очень мало созидающего? Потому, вместо осуждения молодежи, посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают?

Спросим себя: «Знаем ли мы молодежь, истинно трудящуюся?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасного?» – Конечно, знаем. И так, мысленно, перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они будут раскинуты по всему миру.

С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преоброть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, – вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи нередки. Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб упорной и тяжкой работой, а по вечерам ободренные и приодетые, слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарит, кто стенографит или работает на фабрике. Спрашиваем:

- Давно ли живете вместе?
- Три года.
- А много ли раз ссорились? – Смеются...
- Не приходилось.

Разве это по нынешним временам не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей. Могли бы после трудной работы, утомленные, сходить вместе и не только не ссориться, но и оживлять и обогащать друг друга высокими возможностями! А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи. А кто же так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только осмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзгания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь мятется и безобразится непониманием. Но когда судители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные нарости.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жертвы. Только действия в дела, пример жизни, могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеровходимо. Если по условиям времени всем трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Потому

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен целый город. Эта легенда, так многообразна и прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собою множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами, и потому тем легче сбрать добрые злаки. В разных наречиях, в различных обычаях эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

* * *

Малыш тянется опустить в почтовый ящик письмо. Прохожий хочет помочь ему и видит на домодельном конверте каракули: «Николе Чудотворцу». Спрашивает:

«Что это?»

«Мама помирает, а никто не хочет помочь».

И таким путем сердце малыша молит Николу Чудотворца, который и помог.

19 февраля 1935 г.

Пекин.

Монголы

Знамя Чингисхана было белое; при этом в разных походах употреблялись символы многих изображений: лев, конь счастья, кречет, барс.

В основе монгольский цвет синий, но и посейчас живут заветы великого Чингисхана. Так же упоминаются и законы его, среди которых многие могут жить и посейчас. Перечень суровых наказаний за кражу, убийства, прелюбодеяния и другие недостойные действия не упадут со страниц законодательства и в настоящее время. Так же и прочие государственные деяния, требования к чиновным лицам и заботы о преуспеянии страны были широко установлены великим ханом.

Для уничтожения в ханах гордости и тщеславия Чингисхан запрещал принимать пышные титулы. Соблюдалась веротерпимость и свобода слова, лишь бы признавалась любовь к Богу. От общественных работ освобождались духовные лица и врачи. Смертная казнь полагалась также для шпионов, лжесвидетелей, колдунов, лихоимцев. Относительно браков – запрещалось вступать с родственниками в первом и втором колене. Для подъема чувства чести запрещалось брать монголов в услужение. С целью уничтожения пьянства Чингисхан восставал против употребления крепких напитков, всячески их ограничивая и предлагая их совсем не пить. Так же известно постановление, имевшее целью истребление чрезмерного суеверия, имеются и указы о развитии гостеприимства среди кочевого населения и доставление безопасности при следовании по обширным владениям империи. Так же были определены районы для ночных воров. Юрты были разбиты на десятки, сотни и тысячи. По караванным путям были устроены станции и поставлена стража. Были учреждены почтовые станции на расстояниях одного дня пути. Войска были подразделены также на десятки, сотни и тысячи, и тьмы, или десятки тысяч. Смертная казнь была положена всякому начальнику, который покинет определенное ему место.

По всему дошедшему до нас, Чингисхан действительно был великим вождем и строителем.

* * *

«Боже, упаси нас от монголов» – такие записки находили в разрушенных городах Азии. Датские рыбаки не выходили в море на ловлю из опасения монгольского нашествия.

Вот одно из наиболее ранних описаний монголов, преподнесенных Европе в XIII столетии и подсказанное страхом:

«Для того, чтобы человеческие радости не могли быть особенно продолжительными и чтобы мировое благополучие не длилось слишком долго без

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
„воплей“, – писал Матье Парис, – в этом году (т. е. в 1240) отвратительные порождения самого сатаны, то есть бесчисленные полчища татар, прорвавшись, ринулись из пределов своих, горами окруженных, стойбищ.

Стелясь наподобие саранчи по земной поверхности, они причинили ужасные опустошения в восточных частях Европы и обратили их с помощью огня и меча в пустыню. Они бесчеловечны и звероподобны, представляют из себя скорее чудовищ, нежели людей, всегда жаждут крови, которой и упиваются, рвут на части и пожирают собачье и человечье мясо. Одеваются в бычьи шкуры, вооружены железными пластинами, малорослы, дородны, дюжи, сильны, непобедимы, с незащищенными ничем спинами и грудями, покрытыми доспехами. Они с наслаждением пьют чистую кровь животных своих стад; лошади их толсты, сильны и едят сучья и даже деревья; на этих лошадей им приходится взлезать с помощью трех ступенек, ввиду короткости их бедер... Они не знают человеческих законов, совершенно не имеют понятия о комфорте и отличаются большей свирепостью, нежели львы или медведи... Они не щадят ни возраста, ни пола, ни положения. Не знают никакого разговорного языка, кроме своего собственного, которого никто больше не понимает, так как вплоть до самого последнего времени к ним не было никакого доступа и сами они, в свою очередь, не показывались вне пределов своей страны. При таких условиях не имеется никаких сведений об их обычаях и личности, которые узнаются путем взаимных сношений людей друг с другом. Они бродят со своими стадами и женами, причем последние приучены сражаться не хуже мужчин. Эти-то существа появились вдруг с быстротою молнии на поругание христианства, опустошая и избивая все на своем пути, наводя на всех ужас и внушая к себе невообразимое отвращение».

Вот какова была репутация монголов, когда имя их впервые достигло Европы, сопутствующее ощущение ужаса, которое предшествовало их движению вперед. Само слово татарин заставляло всякого содрогаться. Их считали Божьим наказанием. Старые писатели называли их «испытанием Божиим», демонами, посланными в наказание людям.

Европа считала монголов какими-то сверхъестественными существами. В те времена люди в Европе искренне верили, что у монголов собачьи головы и что они питаются человечьим мясом. Вот какой дикий ужас охватил всю Европу, предшествуя появлению татар. Грозящая человечеству опасность понималась здесь настолько преувеличенно, что даже датские рыбаки не рисковали пускаться в море из боязни монголов.

Одну и ту же картину приходится наблюдать в это время, как в пределах крайнего востока, так и в пределах крайнего запада – как по берегам Тихого Океана, так и по берегам Черного моря. Один из китайских историков этого периода восклицает, что «со времени сотворения мира ни одна из наций не была еще никогда настолько могущественной, насколько могущественны сейчас монголы. Они истребляют целые государства с большей легкостью, нежели кто-либо вздумал вырывать траву. Отчего же небеса терпят это!».

Другой писатель, изображая последствия монгольского верховенства, следующими знаменательными словами отмечает, что в Азии и в восточной Европе вряд ли и собака может лаять без разрешения монгола.

Монгольское нашествие, которое, пронесясь по всей Азии, достигло преддверия Европы, оказалось настолько подавляющим, что правители последней начали оживленно советоваться друг с другом о том, какие меры им следует предпринять против грозящей опасности. Решено было прибегнуть к содействию совместных выступлений, чтобы задержать этот человеческий поток, так как ни одно государство не могло в одиночку справиться с ним. Ничто так не свидетельствует о боязни, внушенной ордами монголов даже и в пределах величайших европейских государств того времени, как призыв Фредерика II, священного Римского императора, ко всему христианскому миру, в целях отражения нашествия ужасных монголов. Представьте только себе послание, адресованное «Германии, пылкой в боях, Франции, выкармливающей на своей груди неустранимое воинство, воинственной Испании, Англии, могущественной своими воинами и кораблями, Криту, Сицилии, дикой Иберии и холодной Норвегии – с призывом организовать интернациональный крестовый поход против кочевников-завоевателей, явившихся в Европу из далекой Монголии».

Выдержки из этого послания красноречиво оттеняют тот «монгольский ужас», который охватил Европу в 1240 году. «Народ, – писал император, – вышедший из крайних пределов света, где он долгое время скрывался в обстановке

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
ужасающего климата, вдруг жестоко обрушился на северные страны и усеял их наподобие саранчи. Никто не знает, откуда эта свирепая раса получила свое наименование татар, но несомненно одно, что не без явного промысла Божия последние были сохранены с незапамятных времен в качестве орудия для наказания людей за их прегрешения и, может быть, даже на гибель христианства. Эта свирепая и варварская нация не имеет ни малейшего понятия о законах человечества. Они, однако, имеют вождя, которого чтут и приказанию которого слепо подчиняются, называя его земным богом. Люди же низкорослы, дюжи, сильны, выносливы и отличаются непоколебимой верностью и по малейшему знаку своего вождя бросаются со стремительной храбростью на самые невообразимые опасности. У них широкие лица, склоненные глаза и они издают самые ужасные крики и вой, которые вполне соответствуют обуревающим их сердца чувствам. Они не знают иных одежд, кроме воловьих, ослиных и лошадиных шкур, и вплоть до настоящего времени у них не имелось никакого иного вооружения, кроме грубых, скверно сплоченных железных пластин. Но уже теперь – и мы не можем произнести этого без стона – они начинают улучшать свое снаряжение, раздobyвая его грабежом у христиан. Скоро, по-видимому, гнев Божий разразится над нами, и нас эти варвары начнут постыдно убивать нашим же собственным оружием. Татары ездят верхом на прекрасных лошадях и в настоящее время отъедаются самыми лакомыми кушаньями и одеваются богато и изысканно. Они бесподобные стрелки, говорят, что их лошади в тех случаях, когда не имеется под руками иного корма, могут питаться листьями, корой и корнями деревьев и, несмотря на это, сохранять свою бодрость, силы и проворство».

Так Европа оценила монголов. Затем, со временем, оценки утончились и обусловились. Так, например, Тимур, вместо прежней оценки лишь разрушителя, получил от французского ученого Груссе совсем другую характеристику. Груссе говорит, что Тимур, сочетавший в себе стремление к изысканности Ирано-Индийской культуры с суровым укладом аскета, явился одной из наиболее красочных фигур Индо-Иранского мира. Таким образом, правнук Чингисхана, через Барласский род, остается в нас уже под освещением вдумчивого ученого.

Так же точно многие властители мира, спешно осужденные, вдруг вырастали в совершенно ином освещении. Не то же ли самое произошло и в русской истории с Петром Великим и даже с Иваном Грозным?!

Идя от характеристики Груссе, вспоминая отметки Плано Карпини о внимании монгольских ханов к искусству и наукам, мы можем кульминировать монгольский апофеоз в лице великого Акбара. Конечно, некоторые пристрастные суждения пытались иногда и его представить кровожадным тираном, но в конечном итоге развернулась блестательная картина светлого объединителя и культурного правителя великой страны. К уже найденному великолепию Акбара новая литература добавит лишь ценные знаки. И народная мудрость, справедливая в основе своей, добавляет к изображению великого императора и сияние Святого. Так народ в веках умеет чтить постоянное великое служение.

К характеристикам монголов вспоминаю и другие отметки современных им путешественников. Много ценных и благоприятных знаков. Вспомним также из священных монгольских книг хотя бы заветы о Бодисаттвах, со всеми указаниями на сострадание, самоотвержение и помочь ближнему. Вспомним и Несторианские времена. Словом, ничем не умалим то многое, что действительно было в жизни сильного и мужественного народа.

* * *

Сколько прекрасных часов вспомним и мы из наших странствий по Монголии. Помню сердечный, приветственный знак монгола Ринчина. Многое стоит огненное восхищение седого бурята: «Свет побеждает тьму». Помню, как монголы мужественно показали себя при столкновении с разбойниками, помню постройку Субургана и доброхотное принесение сокровищ.

Если пойдем по знакам блага, их наберется очень много, о добре идем. Как бы ни перерождался народ, все-таки его основы неизбываются. То же самое мы можем наблюдать и на многих других народах. Изменяются условия, приходит счастье или несчастье, но душа народа остается. Проследите народную душу по старым песням, по сказаниям и притчам. В этих нерушимых народных памятках вы увидите лучшие характеристики.

Если вы припомните законы монгольских ханов, если вспомните героический эпос этого народа, то во всем отразится натура твердая, мужественная,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
нередко аскетическая, терпеливо переживающая случайности времен. Если вы видите живые заветы прошлого, которые не погибли в потоках современных ощущений, то разве не следует помочь такому народу, желающему мирного преуспеяния.

Когда-то условия быта и сердечное влечение увлекали монголов в далекие поиски. Человеку часто кажется, что где-то вдали есть что-то лучшее – «славны бубны за горами». Но современное мышление обращает монголов к сокровищу их земель. Познавать свое, научиться ценить определенное судьбою – это большая заслуга.

Случилось так, что Монголия, как таковая, занявшиесь в «дали далекой», еще не использовала свое внутреннее сокровище. Не использовать – значит не истратить. Потому-то справедливо устремлены взоры на Монголию, и пусть будут они устремлены благосклонно и дружелюбно.

В ошибочном суждении уже никто не скажет «Боже, упаси от монголов», наоборот, каждый углубленный мыслящий пошлет сердечный привет мирному возрождению народа.

Сам Ригден-Джапо на коне в светлых доспехах мчится. Монголы не забывают чудный камень с надписью: «Вырубишь топором эту надпись, она не исчезнет, она появится снова».

Привет нашим монгольским друзьям. Привет Монголии.

* * *

Завет Дзон-Капа «Лам-рим-чен-по» поучает:

«Как двигаются вместе тени птиц, летящих по небу, так и добрые и греховные поступки следуют за живыми существами».

«Не пренебрегайте даже маленьким грехом, думая, что он безвреден. Скопление капель воды постепенно наполняет большой сосуд».

«Привычки к добрым и недобрым делам исключительно властвуют над людьми».

«Деяния даже в течение ста мировых периодов не уничтожаются и будут накапливаться, а когда наступит время, появятся последствия их, для приобретших тело». «Как счастливы путники, запасшиеся многими дорожными припасами, так и живые существа, сделавшие добрые дела, отправляются в блаженную жизнь».

* * *

Лама возглашает: «Пусть жизнь будет тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; мощна, как орел, и длится во веки веков».

22 февраля 1935 г.

Пекин.

Corason

Hridaya, Kokoro, Sin, Al-kulub, Deł,

Cor, Nying, Dzuruhe, Sirds, Kardia.

Точно бы заклинание. Но о сердце так взывают народы. Испания, Индия, Ниппон, Китай и Аравия. Персия, Италия, Тибет, Монголия, Латвия, Греция...

Heart, Coeur, Herz.

Сердце.

Всеми начертаниями народы хранят память и кричат и шепчут друг другу драгоценное слово о сердце.

Триста языков Индии, да столько же в остальной Азии, да столько же в русских просторах. Да столько же в Америках, да в Африке, да по всем островам, как грянут то же слово огня и любви и подвига. Слов нет перечесть, сколько мерзости развелось на земле. Замарались колеса жизни. А

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
все-таки через все ямы, через все ухабы и падения по миру звучит слово, которое означает сердце, хранилище Света.

Люди дожили до сердечных болей. Люди запылили сердца и обрастили их шерстью. Скорчили сердца в страхе и ужасе. И все-таки не забыли слово, которое напомнит о сердце, о средоточии жизни.

Уж, кажется, испоганили люди все сокровища. Солгали на все самое священное. Умалили все высокое, но не забыли сердца, колыбели любви.

Отемнились люди всею тьмою. Очернили язык самым черным предательством. Разбили сосуды самые ценные. Удушились мерзостью самою тяжкою. Но сохранили память о сердце, как о последнем прибежище.

* * *

«Приходя в новую страну, прежде всего спрашивайте, как зовется там сердце? Встречаясь с новыми людьми, если даже не узнали, в каком звуке они выражают свое сосредоточие, укажите им от своего сердца к их сердцу. Почти все воспримут это свидетельство искренности, лишь немногие удивятся и, может быть, застынут, и совсем немногие вознегодуют. Имейте в виду, что эти вознегодовавшие окажутся и в делах людьми темными. Не ждите от них дружбы и благоволения, они уже смердят».

* * *

Все-таки еще нет институтов сердца. Есть целые огромные учреждения, посвященные борьбе со всякими бичами человечества, но особых институтов сердца, изучающих этот важнейший двигатель жизни, все-таки нет. Постепенно производятся очень значительные опыты над сердцем. Только что пишут, что в Италии удалось вернуть к жизни сердце, переставшее биться. Сообщается из Милана от 22 февраля: «Человек, смерть которого была вполне засвидетельствована всем присутствующим медицинским персоналом, в Миланском госпитале, вчера был возвращен к жизни вспррыскиванием адреналина. Этому отдается сегодня много места во всех городских газетах».

Пациент страдал тяжкой формой болезни сердца и подвергался лечению всеми способами, доступными науке. Но, несмотря на все принятые меры, все-таки скончался. Хотя врачи вполне удостоверились в наступившей смерти, но один из них сделал впрыскивание адреналина в виде опыта. Через 30 минут сердце начало слабо биться. Через несколько часов оно уже работало нормально так, что врачи сейчас утверждают, что человек уже находится вне опасности.

Приблизительно подобные же действия адреналина были известны и ранее, остается также исследовать, как отзывается этот сам по себе сильный яд на дальнейшие функции организма. Известно много случаев, где фатальный конец предвосхищается впрыскиванием адреналина, принося лишь краткую отсрочку кончины. При этом замечены, в данном случае я говорю о детях, признаки усиления нервности, даже какой-то необузданности. Конечно, может быть, это происходит от совсем других причин, но только что приведенный случай особенно заставляет подумать о значении такого радикального средства.

Из народной медицины иногда передаются эпизоды неожиданных излечений самими непредвиденными средствами. При этом обычно эти непредвиденные, и даже странные, средства остаются без должного исследования и погибают в области анекдотов.

Припоминаю, как в семье одного священника от крупна, в удушении, скончался ребенок. После смерти, потрясенный священник схватил ребенка и бросился в церковь к алтарю, молясь в полном исступлении. Как-то случилось, что ребенок оказался вниз головой, и отец, сам того не замечая, держа его за ноги, неистово встряхнул его. Сгусток затвердевшей мокроты вдруг выскочил, ребенок кашлянул и начал дышать. Сердце постепенно вернулось к деятельности.

Значит, сколько же всяких разнообразных проявлений кажущейся кончины может быть предусмотрено. История полна сообщений о пробудившихся мертвцах. Различные виды летаргии наблюдаются и, в конце концов, не поддаются окончательному исследованию. Почему останавливаются функции жизни? Почему опять они возвращаются, даже в таких, казалось бы, невозможных условиях, после погребения? Конечно, этому существуют многие объяснения. Но пока мир

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
сердца не будет исследован полностью, до тех пор все это будут лишь
счастливые или прискорбные случайности.

Конечно, глубокая жизнь сердца, может быть, труднее всего укладывается в словесных формулах. Именно сердце должно быть изучаемо не только в болях и терзаниях, но и в здоровом состоянии. Если нервная система растений реагирует на малейшее изменение температуры, на дальние облачка, на самые слабые прикосновения, то сколько же прекрасных и замечательных звучаний и биений происходит в сердце! Кроме того, трудно утверждать, что такое – здоровое и что такое – больное сердце. Известно, что многие быстро кончаются от сердечных припадков при так называемом здоровом сердце; а другие, давно приговоренные к сердечной катастрофе, живут очень, очень долго.

Пульс ведь не только в количестве ударов проявляет себя, но прежде всего в качестве своем, и это качество сердечных биений еще так мало наблюдано и объяснено. Когда говорят – берегите сердце, это прежде всего будет значить – не раздражайтесь, не злобствуйте; а с другой стороны – не огорчайтесь, не впадайте в уныние.

Каждая малейшая подробность жизни отзовется прежде всего не в мозгу, но в сердце. Именно сердце познает и отвечает даже на самые удаленные землетрясения, как лучший сейсмограф. Но ведь не принято советоваться с сердцем своим. Не принято через него внимать Высочайшему. Когда же люди читают прямые советы о насущности таких обращений, они осуждают их как нечто отвлеченное, изобретенное какими-то далекими пустынниками и неприложимое. А ведь оно приложимо всегда к происходящему в сердце, лишь бы только откровенно и чистосердечно прислушаться.

Человек, который уверяет, что он не замечает многих совершенно реальных явлений, прежде всего и не хочет их замечать. Он уже предполагает в надменности своей, что ничего не будет, он ничего не услышит и ничто не нарушит его покой. Ведь именно самомнение мешает человеку воспринимать действительность. Иногда сердце, как молотом, пытается стучаться в поддельное сознание... Человек готов излить на это сердце всевозможные яды, чтобы заглушить его. Но не подумаем, от чего бы такого так возбуждено сердце? что худого или хорошего случилось, какая польза или какой вред постучался?

От малейшего и до величайшего вмещает в себя сердце. Звучит оно обо всем сущем. Трогательны и мудры древние напоминания о великом значении сердца.

* * *

«Дух, который в сердце моем, меньше зерна риса, меньше зерна ячменного, меньше зерна горчичного, меньше малейшего проса. Тот же дух, который в сердце моем, больше всей земли, больше пространства, больше небес, больше всех миров!»

«Посланник всего действия, всего желания, всего восприятия, обоняния, вкуса, всеобнимающий, молчаливый, далекий – таков дух, который в моем сердце. Это Брахман сам. Тот – который говорит: „Выходящего от всего мира я сопровожу“. Поистине, нет для него никакого сомнения».

Так говорит Чхандогия упанишада.

24 февраля 1935 г.

Пекин.

Ученые

Обращаясь к целому классу деятелей, невольно прежде всего вспоминаете какое-либо имя из этого светлого ряда великих работников.

Вспоминаю давнишние заседания Русского Археологического Общества, на которых выступал Тураев, этот замечательный исследователь Египта и древнего Востока. Сама внешность его, вся скромная искренность и сердечность, свойственная большой душе, сразу привлекали к нему. Первый раз, еще не зная его, я спросил моего соседа Веселовского: «А кто там, еще молодой человек, который так славно улыбнулся?» Мне пояснили, что это Тураев. И тут же почему-то было указано мне, что он и замечательный египтолог, глубокий знаток религии Египта и очень религиозный человек сам и прекрасный в

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
семейном быту. Так была дана полная характеристика Тураева.

Замечательный ученый, сам высоко религиозный и прекрасный участник общественной и семейной жизни. Затем около Тураева собралась целая группа выдающихся молодых ученых, и можно себе представить, как проникновенно руководил он стремящимися к познанию.

Вот уже будет пятнадцать лет, как ушел от сего мира Тураев.

Предисловие к его труду «Классический Восток» говорит:

«23 июля 1920 г. смерть исторгла Б. А. из ряда живых и оставила жизни память о его великой личности, а науке многочисленные труды его и созданную им школу, тоже когда-то многочисленную. Этой школе, ряды которой и после смерти Б. А. продолжали редеть, предстояла ответственная задача сохранить и ввести в научный обиход литературное наследие своего учителя. Ученики, как в Петербурге, так и в Москве, бережно следили за сданными в печать трудами Б. А. В Петербурге вскоре после его смерти удалось издать несколько исследований, посвященных памятникам Музея Изящных Искусств в Москве и большому папирусу собрания Прахова в Известиях Российской Академии Истории Материальной Культуры».

Затем тот же Струве дает следующую справедливую характеристику Тураева: «Создавая свой громадный труд, Б. А. проявил громадную эрудицию в почти необозримой литературе о древнем Востоке, но эта литература не властновала над его мыслью; он решал все проблемы на основании изучения самих источников. Широкое знакомство с почти всеми языками изучаемых им культур давало Б. А. возможность всесторонне использовать бесчисленные эпиграфические памятники, подаренные науке неисчерпаемой почвой Востока. По отношению к этому материалу Б. А. с одинаковым мастерством выявлял глубокий анализ филолога и широкий синтез историка».

«Наряду с эпиграфическим материалом, с одинаковым успехом им были использованы и памятники вещественные. В своих выводах Б. А. был всегда чрезвычайно осторожен и, извлекая из источников все то, что они могут дать, он никогда не прибегал ради достижения большего к искусственным и рискованным толкованиям, никогда не навязывал источнику свой собственный домысел. Все эти достоинства труда Б. А., поразительная объективность и разносторонность, громадная эрудиция, всеобъемлющее знание всего доступного ему материала, как эпиграфического, так и вещественного, и осторожность в выводах на основании этого материала, делают „Классический Восток“ краеугольным камнем для дальнейших работ, посвященных этому периоду всемирной истории».

Справедлива характеристика, к которой хотелось бы еще добавить о самой притягательной личности Тураева. Характерно отметить и то, что никто из служителей религии не удивлялся, как в нем жила и собственная религиозность и большое уважение к изучаемым религиям. Хотелось бы не забыть, как Тураев, будучи сам не крепкого здоровья, всегда замечательно отзывчиво уделял время для приходящих к нему.

Как и многим ученым, Тураеву жилось нелегко, но эти трудности тонули в океане научного энтузиазма. Именно энтузиазм познания удержал Тураева на высокой бесспорной стезе исследователя. Путь жизни, всякие смятения оставались в нем там, где они и должны оставаться, то есть не нарушая его основного смысла движения вперед. Он работал необыкновенно усидчиво и всегда поступательно. Также он не принадлежал к тому разряду ученых, которые, чтобы избежать ответственности, избирают себе вполне ограниченную задачу, в пределах которой они не рисуют никакой критикой.

Тураев, наоборот, не боялся ответственных задач, складывая свои исследования в обоснованные выводы. Его увлекали большие задачи. Причем частичные исследования необыкновенно гармонично вливались в его основные построения. Ничто не загромождало его кругозора, и в то же время пути его следования были твердо ограждены. Теперь, когда особенно требуется осознание обоснованного синтеза, память о таких великих ученых, как Тураев, должна быть сохранена в руководство для многих.

Такие же были устремления и у недавно ушедшего Владимирцева, и особенно выделяется сейчас их сверстник, наш великий и всюду оцененный, ученый Ростовцев. Многочисленные труды его и новы, и глубоко обоснованы, и

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
увлекательны в чтении. Эти три обстоятельства совсем не так часто встречаются в сочетании.

Сколько раз всем читателям приходилось жалеть, что очень нужные соображения бываю изложены в таких условиях нагромождения, что смысл их прямо раздробляется в этих чрезмерных насыщенных терновника. Но книги Ростовцева являются частями его огромного познания Востока. При этом, как истинный ученый, он одинаково понимает и звучит, как на древнейшее, так и на новейшее.

Будучи глубоким знатоком вещественных памятников, Ростовцев является и справедливым ценителем современного искусства. Археолог, историк, ценитель искусства, он всегда обновляет библиотечные познания и раскопками, и путешествиями. Слово его ясно звучит, как о древнейших периодах истории, так и о нашей современности. Его хватает на все. По справедливости, он сейчас признан авторитетом и в Америке, и во всех европейских странах. Книги его можно видеть и в книгохранилищах университетских, и в самых неожиданных библиотеках, и всюду они будут сопровождены знаками частого чтения. Как нужны такие ученые! Нужны они и для нас, для соотечественников, и для всего мира. Радуюсь, что труды Ростовцева печатаются на разных языках и тем доступны огромному числу читателей.

Сейчас сюда приехал Свен Гедин, всегда справедливо привлекающий к себе внимание мира. Сколько воодушевления нужно иметь в себе, чтобы вдохновить такое огромное число почитателей, оценивших великого исследователя и ученого. Глубокий познавательный синтез заложен в достижениях великого шведского исследователя. Он горит ко всему познавательному, он звучит на нужды государственные. Ко дню его семидесятилетия притекли к нему множества приветствий. Как же не приветствовать деятеля, всегда молодого духом, огненно познающего, неутомимого! Мы рады видеть его имя на почетном листе нашего музея. Мы рады приветствовать его и восхищаться его глубокими достижениями.

И другой замечательный шведский исследователь сейчас в Китае. Профессор Освальд Сирен, этот глубокий знаток не только искусства Китая, но и староитальянского. Вспоминаю наши встречи в Швеции и в Лондоне. Вспоминаю, как Освальд Сирен звучал и к научным исследованиям, и к философии, и к современному искусству. Ведь он замечательный знаток и современного искусства и умеет сказать о нем не только критически, но и широко вдохновительно. Чтобы сохранить всю вдохновительность истинного ученого, не впадая в излишнюю популярность, и в то же время уметь оценить, обобщить и сказать прекрасно, это будет знаками действительного, настоящего ученого. Привет!

28 февраля 1935 г.
Пекин.
Лучшее будущее

О будущем иногда думают, но очень часто оно не входит в бытовые обсуждения. Конечно, не в человеческих силах вполне определить будущее, но стремиться к нему следует всем своим сознанием. И не к туманному будущему нужно устремляться, но именно к лучшему будущему. В этом стремлении уже будет залог удачи.

В торжественный день возносится моление о будущем. Не о туманном чем-то утверждает оно. В нем выражены три основы: осознание высочайшего, мирное земное строение и благоволение как основа быта. Без этих трех основ строение невозможно; но предпослать их нужно не отвлеченно, а в их полной и неотложной реальности. Казалось бы, что третья, преподанная основа должна быть самой обычной в повседневном быте. Только благоволение! Только доброжелательство и дружелюбие! К кому же? Да к таким же людям. К тем же самым, с которыми положен урок пройти это жизненное поле.

Кажется, никаких глубоких изучений и образований не нужно для благоволения. Казалось бы, оно уже предполагается при каждой человеческой встрече. Разве можно приближаться к такому же человеческому существу без основного благоволения? Что же, неужели приближаться с ненавистью или подозрением, с уже замыщенным злодейством? Где же, в каких же таких Заветах, писанных или неписанных, предуказано злодейство и подозрение?

«Человек человеку – волк». Ведь это одно из самых зловредных изречений. А
Страница 39

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

ведь самовнушением достигается так многое. Если от колыбели слышать о добре, то ведь оно и останется руководящим началом. Даже все смущения извращенной жизни не искоренят понятия добра. А там, где человек привык жить в добре, он оценит и все замечательное значение слова БЛАГОВОЛЕНИЕ. Ведь это слово очень повелительно. Воление, оформленная воля... это уже нечто созданное, сделанное!

Воление не может быть только инстинктивным. Оно производится в полном сознании, за полною ответственностью. Может быть, каждое государственное совещание должно быть начинаемо знаменательным вопросом: «Есть ли благоволение?» И промолчавший не должен бы судить. Вероятно, скажут, что именно самые-то злодеи и закричат о благоволении. Вот тут-то запечатление человеческих излучений и доказало бы истину.

Притворно никак не докажете благо в излучениях сердечных. Как пяtnисты будут излучения притворные, неискренние! Человек, не задумывавшийся над глубоким значением благоволения, часто вообще не поймет, о чем тут говорить! Почему подчеркивать слова и без того всем известные, которые к тому же никогда ничего не улучшили. Ведь возможны и такие уродливые суждения.

Нередко продавец выкликает нечто очень полезное, совершенно не думая о значении произнесенных им слов. Часто ли переписчик знает содержание переписанного? Иногда даже читающий вслух для другого, тем самым как бы освобождает себя от понимания прочитанного. Таким образом, часто ценнейшие и неотложные соображения попадают в разряд так называемых «птичьих слов».

Возможно ли лучшее будущее без благоволения, без благоволения во всем его торжественно-повелительном значении? Какой же будет мир на Земле без благоволения?! И какая это будет «слава в вышних» без углубленного и непрестанного воления блага?

Лучшее будущее. Ты должно быть лучшим. Ты должно быть лучше дня вчерашнего. Если не захочет этого, то ведь из самого замечательного, уже сужденного, можно извлечь лишь ничтожный огарок. Все великие знаки могут быть в готовности. Но если не желать блага ради им следовать, то какая же их часть видимого осуществится? Кто же имеет право испортить или умалить сложенное великими путями? Ведь это не мечтательство пустое, но ответственность несущего письмо.

даже простой почтарь в сумерках и во тьме идет с осторожностью, чтобы не оступиться, чтобы ветка не хлестнула по глазу, чтобы избежать диких зверей. А ведь он несет чье-то чужое письмо, о котором он ничего не знает. Когда же человек мыслит о будущем, когда он учитывает все его условия и все благожелания, насколько устремленное и бережнее пойдет он, готовый и настороженный. Пойдет он, зрячий и проникновенный. Поспешит он, чтобы не украсть часа сужденного, а в сердце его будет стучать и слава в Вышних, и мир на Земле, и благоволение к ближнему.

Благоволению нужно учиться. Мир нужно установить. Славою в Вышних нужно восхититься всем трепетом сердца. Лучшее будущее!

* * *

Примеры ковки лучшего будущего можно почерпнуть из разных областей. Один из них уже от ранних школьных лет остался в памяти.

Нам всем чрезвычайно врезался рассказ о Шлимане – знаменитом исследователе Трои. Все мы восхищались, как он, от ранних лет, поставил себе задачу будущих исследований, начал готовиться к ним во всех областях. Как он упорно обогащал себя знаниями, а в то же время, так же настойчиво складывал свое богатство. Ведь он зрело обдумал все средства, которые ему понадобятся.

После многолетнего, сознательного труда он внес в науку свой ценный вклад и остался прародителем многих шедших за ним, блестящих исследователей. Можно себе представить, как в свое время коммерсанты пожимали плечами на ученыe задания Шлимана. Также можно видеть, как ученые, вероятно, не однажды ридили его в любителя и усмехались над его затеями. Но он своеобразно и неотступно складывал свое научное будущее.

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
То, что для другого бы уже было достижением, для конечной, утлой пристани, для Шимана было лишь средством, имеющим прикладную относительную ценность. В таких многолетних сознательных трудах есть большая доля самоотвержения.

Опять-таки вспомним прекрасное слово благоволение. Поистине, сознательные ковачи лучшего будущего; они полны настоящего благоволения.

1 марта 1935 г.

Пекин.

Удача

Говорят, в Китае бывал урожай пшеницы – сам-четыреста. Каждый колос уберегался. Каждая грядочка окучивалась. Каждое зернышко собиралось. добрая земля. Но где-то бывало и так, что вместо ожидаемых сам-двадцати выходило – сам-пять. Земля ли?

Нередко бывает, что какое-то начинание, казалось бы, со всех сторон обдуманное, все же почему-то не вполне удается. Можно предусмотреть разные окружающие условия. Можно приберечь, казалось бы, лучшие средства, можно избрать подходящее время. Словом, все внешние условия как бы будут налицо, и все-таки результат почему-то выйдет не тот, который ожидался. Что-то помешало лучшему выражению. Обычно в таких случаях обращаются взглядом далеко кругом. Предполагают чуть ли не космические причины. Подозревают козни незримых сил темных и стараются найти самооправдание в неудаче. Но сказано: ищите ближе.

Действительно, могли быть предусмотрены многие внешние условия. Были использованы лучшие возможности. Были потрачены большие запасы энергии. Но причина, отодвинувшая удачу, не лежала во внешних условиях. Не посторонние злодеи воспрепятствовали. Маленький, незримый, собственный злодей приложил свое старание, и долгожданная глубоко промысленная удача дала, может быть, лишь сотую часть следствия. Как же имя этого тайного злоумышленника, уместившегося тут же около сердца человеческого? Смятение, раздражение, подозрение, сомнение, саможаление, самомнение... Мало ли как называет себя темный злодей, протягивающий свою руку во вред. Главное его имя, вероятно, будет «предательство».

Ведь люди самыми разнообразными раздражениями и подозрениями уже предательствуют. Большею частью им даже и в голову не приходит такое название их мыслей и поступков. Но, смотря вглубь, вы видите только предавание самого лучшего. Не то, чтобы человек плохо помыслил о самом протекающем деле; может быть, и этому делу он остался вполне расположен; может быть, именно от него он ждал самой большой своей пользы. Ведь темное начало не действует прямо.

Самые лучшие стремления можно подрезать мимолетными темными стрелами. Очень часто человек даже не осознает этих посылок. Они промчатся в пространстве будто бы незамеченные. Сколько раз сам пославший будет отрицать наличие несправедливого суждения. Из этих маленьких обиходных несправедливостей, из крошечных раздражений и подозрений образуются трудно залечимые раны. Ох, уж эти черные стрелы! Сколько о них сказано и написано. Зачем повторять. Но если вы опять видите их, то можно ли молчать, можно ли не напомнить?! Если кому-то это напоминание излишне, то другому будет неотложно полезно. А многим ли оно излишне?

«От свечи – дом сгорает». От тех же малейших причин иногда губительно откладывается, а то и вовсе теряется уже сложенное. Человек знает, что его позовут. Смотрите, он уже сшил и одежду для продвижения. Он говорит об этом в восторге и в восхищении. Но приходит жданная минута, и целое множество маленьких соображений помешает. Что-то не выйдет, что-то опаздывает, кто-то не дойдет, кто-то шепнет нечто страшное. Даже не предусмотреть всех этих маленьких домашних мохнатых, которые как перекати-поле выскаивают из темных углов. Как и что происходит – не будем судить, но срок-то утеривается. А за этим сроком, может быть, искривляются и многие сроки. Удар в одном месте отзовется где-то совсем неожиданно. Кому и где нанесется вред? Все эти, казалось бы, давно известные слова оказываются неиспользованными на деле.

Как часто бывает, что очень хорошие, очень сердечные люди вдруг в отемнении посыпают стрелку вредную. Так иногда на одежде своей гость, сам того не ведая, приносит или ядовитое насекомое, или какие-то зачатки болезни.

Конечно, он не хотел этого, но все же принес, ибо где-то в нужную минуту не соблюл осмотрительности. Говорят: благодать – пугливая птица. Также и удача очень необъезженный конь. Стоит незаметно подложить под седло колючую ветку, и даже под опытной рукой конь может закинуться. Как же нужно во всем обиходе избегать все колючее и все, что может нарушать какие-то сроки.

В описаниях битв вам приходилось читать, как подчас все было установлено и исчислено, но кто-то не приходил в назначенное место и затем выпавшее звено нарушало весь строй. Итак, не только ждите удачу, но сберегите ее. Если же можно, чтобы удача превысила сужденное, то к такому подвигу приложите особые силы и особое умение. Это уже будет ваш подвиг.

Как неразрывно понятие подвига с понятием удачи. Ведь подвиг – во благо. Удачу можно мыслить тоже лишь во благо. Какая же такая удача во вред? Это противоречило бы самому слову. Именно подвиг только добрый, и пусть будет удача только добрая. А уж сохраните ее, как самый цветок драгоценный.

7 марта 1935 г.

Пекин.

Напутствие

«Все вижу и слышу: страдания твои велики. С такою нежною душою терпеть такие грубые обвинения; с такими возвышенными чувствами жить посреди таких грубых, неуклюжих людей, каковы жители пошлого городка, в котором ты поселился, которых уже одно бесчувственное, топорное прикосновение в силах разбить, даже без их ведома, лучшую драгоценность сердечную, медвежью лапою ударить по тончайшим струнам душевным, – данным на то, чтобы выпеть небесные звуки, – расстроить и разорвать презрение от презренных – все это тяжело, знаю. Твои страдания телесные тяжелы не меньше. Твои нервические недуги, твоя тоска, которую ты одержим теперь, – все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебе, как только: тяжело! Но вот тебе утешение. Это еще начало; оскорблений тебе будет еще больше: предстанут тебе еще сильнейшие борьбы с подлецами всех сортов и бесстыднейшими людьми, для которых ничего нет святого, которые не только в силах произвести то гнусное дело, о котором ты пишешь (т. е. подписаться под чужую руку), – дерзнуть взвести такое ужасное преступление на невинную душу, видеть своими глазами кару, постигшую оклеветанного, и не содрогнуться, – не только подобное гнусное дело, но еще в несколько раз гнуснейшие, о которых один рассказ может лишить навеки сна человека сердобольного. (О, лучше бы вовсе не родиться этим людям! Весь сонм небесных сил содрогнется от ужаса загробного наказания, их ждущего, от которого никто уж их не избавит.) Встретятся тебе бесчисленные новые поражения, неожиданные вовсе. На твоем, почти беззащитном, поприще все может случиться. Твои нервические припадки и недуги будут также еще сильнее, тоска будет убийственнее и печали будут сокрушительнее. Но вспомни: призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований – на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва. Всех нас озирает свыше небесный Полководец, и ни малейшее его дело не ускользает от Его взора. Не уклоняйся же от поля сражения, а выступивши на сражение, не ищи неприятеля бессильного, но сильного. За сражение с небольшим горем и мелкими бедами немного получишь славы. Вперед же, прекрасный мой воин! С Богом, добрый товарищ! С Богом, прекрасный друг мой!» (1846 г.)

Ведь это сказало не действующее лицо пьесы Гоголя, а сам писатель, сам мыслитель. Сам, который имел право сказать: «Все вижу».

Не потому выписываем Напутствие Гоголя, что его книга под руками. Не потому, что будто бы случайно купился этот том, где также знаменательно сказано о Ломоносове и Державине. Не случайно пошел с нами по китайским и монгольским землям сердцевидец русский «Все вижу и слышу». С дальних пор этот спутник близок, «потому идем и видим и слышим».

«Все вижу и слышу». Если кто-то отчасти заботится, он уже не все услышит. Можно уметь не слышать. Если кто развел в себе эту способность во благо, в мужестве и твердости, тогда он отлично установит степени слышания, но можно и все слышать и всему найти место. Гоголь, который так замечательно описывал битву, который через все тяготы жизни шел к великому и светлому, он-то знал, что знание опасностей есть предохранение от страха. Готовность к наихудшему всегда даст возможность напрячь особые силы. Много сил в

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

человеке, только нужно, чтобы вовремя их вынуть из хранилища. Глубоки бывают такие хранилища и сложны к ним входы. Изучать к ним затворы можно в сообществе с великими ведунами. Нужно быть уверенными и в этих великих спутниках. Нужно чуять, что он не будет напутствовать ни в чем дурном, и тогда идти легко, тогда все призрачные препятствия уложатся в особом узоре.

Между спутниками не будет дурных мыслей, совершенно исключится бранное слово, как остатки звериного рева. Очень важно, чтобы спутники, хотя бы даже случайно, не употребляли друг про друга скверных наименований. Не будем требовать непременно уже любовь, которая не так-то легко приходит, но взаимное уважение в пути необходимо.

В караванах можно замечать, как иногда, следуя людским мыслям и чувствованиям, сами животные подражают своими поступками. Приходилось видеть, как при людском раздражении, до тех пор дружные, собаки бросались друг на друга, кони и верблюды пугались. Такие наглядные показания, о которых отлично знают опытные караванщики, должны бы остаться в памяти у всяких спутников.

Спутник это уже сотрудник, а сотрудник это уже не случайный встречный. Совместное делание остается неизбежным. Пребудет где-то навсегда. Думают неопытные: разбежимся, и все будет кончено. На деле же совсем не так. Даже в чисто материальном плане вы видите, как возвращаются бумеранги. Тот, кто действует в сознании ответственности, уже понимает, что каждым действием куется день завтрашний.

Враг рода человеческого изобрел всякое опьянение. В нем заключено лишение ответственности. Какие же безобразные нагромождения получаются от всякого опьянения! Потому трезвы спутники.

Народ помнит, что «идешь на день, а хлеба бери на неделю». Это сказано в большой опытности, истинно, всякого хлеба нужно взять в семь раз больше. Также мудрость заповедует, что расставание радостнее встречи. Ведь встреча предполагает расставание, а каждое расставание уже предчувствует встречу. А на каких путях будет встреча, о том не будем озабочиваться, надо предпослать, что на путях добрых.

Гоголь при всех своих искренних устремлениях все же говорит о битве. Другое наименование и не подойдет. На Курукшетра тоже битва. Все народы знают такие битвы, ибо никак иначе вы не назовете это продвижение. Когда же сердце будет соблюдено вне всяких опьянений, оно очень тонко подаст знак, где слагается строй, добрый и крепкий.

«Вперед же, прекрасный мой воин».

6 марта 1935 г.

Пекин.

Тибет

«Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны, – ознаменовала себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого материка», – в таких выражениях говорит Пржевальский о Тибете.

Все то говорит о Тибете, особенно, и Плано Карпини, и Рубруквис, и Марко Поло, и Одорик Фриульский, и многие другие путники отмечают что-то особенное о Тибете. Так Тибет и остался чем-то особыенным.

Сейчас говорят, что в Лхасе уже будет радио. Толкуют о каких-то автомобильных путях. Толкуют о воздушных путях. Словом – какая-то заманчивая тайна подвергается всяким атакам. Уже давно Уадель хотел рассказать о Тибете, но, в конце концов, сказал не так уж много. Больше отметила Дэвид Ниль, но и то касаясь преимущественно одной, так сказать, тантрической стороны.

Сейчас многие страны делятся как бы на два бытия. Одно механическое, роботское, технократическое, – завершение в этих условных понятиях. И машины взбираются на горы. И около высочайших пиков чертят воздушные корабли. И всякие аппараты, и точные и неточные – вымеряют и вычисляют.

Ценные металлы заменяются бумажками. Словом, к старинному базару добавляется модернизированный базар со всеми его «усовершенствованиями». И тем не менее во всех этих вновь технократизированных странах остается и прежняя страна со всеми ее исконными ценностями, преимуществами, достижениями и устремлениями.

В наши дни черты мира проходят очень извилисто. Когда-то можно было сказать о ретроградах и новаторах. Когда-то каменный век легко заменялся бронзовым; а теперь все стало гораздо сложнее. Каменный век прикоснулся к железному. Ретрограды и новаторы получили совершенно новые ранги. Ретрограды впитали в себя и механические условности. Истинные новаторы бережно прикоснулись к древнейшей мудрости. Потому-то в технократизированных странах деления можно производить лишь очень бережно.

Вероятно, и в Тибете, с одной стороны, завопит радио, и горный воздух много где будет отравлен отбросами фабрик; и все же Тибет, особенный, сохранится.

Только что мы упоминали о невидимках. Могут быть всякие невидимки. Приходилось видеть посетителей очень замечательных мест, которые решительно ничего не усматривали.

Когда-то существовала игра, в которой играющие неожиданно спрашивали друг друга: «что видите?» И поспешные ответы бывали необычайно странными. Люди ухитрялись отметить такую ненужную чепуху, что простая игра иногда обращалась в великое психологическое упражнение.

Если бы люди усматривали все замечательное, то, наверное, посейчас на земном шаре было бы исследовано гораздо больше всяких ценностей. Между тем мы видим, что еще только теперь исследуется римский форум. Только теперь Египет, Палестина, Греция и Иран открывают свои сокровища. А что же говорить о других, менее посещаемых местах? Даже кремли не исследованы. Даже известные фрески еще не рассмотрены. А сколько неизвестного было пройдено мимо, пока без всякого внимания.

Особенно сейчас одолела технократия. Все она вырешила на бумаге, а как только она прикасается к действительной жизни – все ее точнейшие формулы тонут в тумане неприменимости. В плане обычности нестерпимо надоедливо трещит телефон. Сверлят мозг взвизги джаза. Звонко хлопают оплеухи драки-борьбы. Вся эта обычность последнего времени все же не касается того необычного, особенного, к которому все-таки обращается человеческое сердце.

Приходилось видеть людей, глубоко разочарованных не только Тибетом, но даже Индией, Египтом – всем Востоком. Так же точно, как несчастливцы в туманные дни не могут видеть сияние горных высот, так же точно этим путникам не посчастливилось попасть в значительные места и обстоятельства. Ведь можно видеть прекрасный исторический Париж, а можно увидеть его и в очень отвратительных современных аспектах. Можно увидеть один Нью-Йорк, а можно попасть на его очень непривлекательные улицы.

Эти два, часто взаимоисключающие, аспекта останутся везде. И потому нечего опасаться, что Тибетские нагорья особенные – сделаются Тибетом вульгарным. И теперь на некоторых тибетских базарах вы не увидите ничего особенного, кроме красочной этнографии. Как же проникнуть за эти пределы? Конечно, язык всегда нужен. Но одним языком физическим все-таки не обойтись. Нужен язык внутренних созвучий. Или он найдется, и многое станет доступным, или он не зазвучит, и сочетание никак не получится.

Говорится, что особенно на Востоке нужен этот сердечный язык. Думается, что он нужен всюду. Какой бы технократией ни прикрывались люди, они все-таки будут и расходиться, и сходиться иными путями. И для этих иных путей все тибетские нагорья, все недра гор высочайших – останутся особыми.

Приговор мудрых путников, произнесенный в течение многих веков, имеет же основание! Многоопытны были эти самоотверженные искатели. Многие их умозаключения остались вполне убедительными. Дневники этих путешественников и теперь читаются с глубоким вниманием, настолько верно они отмечали виденное и запечатленное.

Когда Франке сообщает, что дальше известного места в Гималаях проводники отказались идти, говоря, что за теми горами – особенное, то этот серьезнейший исследователь отметил сообщение вполне спокойно. О том же

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
особенном говорил и замечательный человек недавнего прошлого –
Пржевальский.

* * *

далай-Лама новый все еще не найден. Необычно долгий срок. Вспоминается Великий Далай-Лама Пятый. Никто не знает о последних годах его жизни. Когда он ушел? Куда он ушел? Как был необычайно скрыт его уход! Тибет – особенный!

13 марта 1935 г.

Пекин.

Калган

Казалось бы, что писать о Калгане. Очень многим это место знакомо. Торговые люди, пушнинники и всяких местных продуктов шерсти и кишок поставщики, слишком хорошо знают эти места. Но для нас в Калгане было три обстоятельства, которые всегда хочется отметить.

Когда вы выезжаете за Великую Китайскую Стену, то сколько бы раз вы ее ни видели, – всегда подымается особенное ощущение чего-то великого, таинственного в своем размахе. Только подумать, что за три века до нашей эры уже начала созидаться эта великая стена, со всеми ее несчетными башнями, зубцами, живописными поворотами – как хребет великого дракона через все горные вершины. Невозможно понять сложную систему этих стен с их ответвлениями и необъяснимыми поворотами, но величие размаха этой стены поразит каждого путника, поразит каждый раз.

И второе обстоятельство для нас незабываемо. Ведь Калган даже и по значению своему – врата. Он и есть врата в милую нам Центральную Азию. Все горы и возвышенности, окружающие Калган, уже действительно среднеазиатские. Самый воздух этого плоскогорья уже тот самый, который доходит и до великих высот. Караван, выходящий за Калганские стены, ведь это тот самый среднеазиатский караван.

Китайские власти никаких затруднений не делали. Наоборот, все визы были устроены без промедлений. Нам это особенно приятно, ибо является полною противоположностью тому, что когда-то мы претерпели в Хотане от даотая Ма. Не будем вспоминать о препятствиях, нам чинившихся, тем более, что, как говорят, он уже не жив. Но и тогда среди препятствий и задержек я повторял в моих книгах, что такое отношение мы не принимаем как отношение Китая. Везде и всюду могут быть отдельные неприятные личности. Теперешние встречи подтверждают мои соображения.

Стоим в гостеприимной американской миссии методистов. Глава миссии – старый швед Содербом делает для гостя остановку незабываемо радушной. И другой его сотрудник дэй, молодой, откровенно сердечный, готов поделиться добрым советом. Тут же и привлекающий к себе сердечное расположение китаец Чжу.

Из окон миссии широко раскидывается Калган, а на взгорьях окружающих – опять толпятся старые сторожевые башни. Правда, клубится лесовая мелкая пыль, и уже нужно запасаться теплым. Но это пыльное облако пролетит. Вечером необыкновенно прозрачно лиловеют горы и ало пылают под заходящим солнцем песчаные склоны.

До трав еще далеко, а до семян еще дальше. И не близки еще монастыри с целительными записями, но врата уже пройдены: за воротами – бодрость.

Оказывается, и дальше найдутся и почтовые, и телеграфные возможности. Еще не знаем, где встретим наших бурят и монголов. Еще вдали убегает последняя ниточка поезда, но ворота уже пройдены.

* * *

«Ни один великий человек не пострадал столько, как Конфуций от глупости лжи, извращения, от отсутствия симпатии и благородства, а в особенности и от глубокого невежества его осудителей», – так говорит Л. Джайлс, и продолжает: «Конфуций был князем философов. Мудрейшим из мудрецов. Высоким моралистом, высокого и глубокого интеллекта, когда-либо появлявшегося на свете. Он был и государственный муж, и бард, и историк, и археолог. Его широкая объемлемость могла бы устыдить самых знаменитых древних и новейших

Затем тот же автор справедливо указывает, что для вящей славы Конфуция послужили не годы его признанности, но, наоборот, время, в которое он подвергался особым нападкам, клевете и осуждению. Но сравнительно в недавнее время с великой фигуры учителя была снята пыль веков. Итак, даже этот, в конце концов, очень ясный и жизненный философ непременно должен был пройти через закалку клеветою.

Эти строки о Конфуции особенно вспомнились при проезде Великой Китайской Стены. Стена действительно велика, и философ-учитель жизни тоже действительно великий. Разве не странно, что этот вестник мира должен был иметь всегда запряженную колесницу, будучи готовым бежать от нежданых преследований.

Только подумать, что именно Конфуцию в его время применялись названия шарлатана и лживца, а в лучшем случае его называли мечтателем и осуждали за неприменимость жизни. А этот мечтатель на вопрос о том, что такое небо, отвечал: «Как я могу судить о небе, когда я еще не знаю столько земных вещей».

В Конфуцианском словаре часто встречается выражение «джен», которое переводится или добродетелью, или доблестью. Так оно выражено в первых английских переводах. При этом сами исследователи не скрывают, что такое определение лишь относительно за неимением лучшего выражения. Для нас это понятие будет скорее слово «подвиг» во всем его высоко строительном значении.

Выходя за Великую Стену, хотелось подумать о чем-то великое, и мысль о великом мудреце Конфуции была особенно близка.

Построение Великой Стены обозначено замечательным сказанием. Для защиты государства был пущен белый конь, и там, где прошел этот светлый посолец, там, через все хребты и была воздвигнута Великая Стена.

Опять-таки белый конь.

21 марта 1935 г.

Калган.

За великой стеной

«В пути со своими учениками Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби. „Горе, – отвечала она, – мой свекр был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын мой погибли тою же смертью“.

«Но почему вы не переселитесь отсюда?»

«Здешнее правительство не жестоко».

«Вот видите, – воскликнул учитель, – запомните: плохое правительство хуже тигра».

«Какие основы хорошего Правительства? Почтай пять превосходных, изгони четыре мерзкие основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя народ до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть: жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, не объясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скрупульности правильного вознаграждения достойных людей». «Познавать и прилагать в жизни изученное – разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны – разве это не истинная радость?»

«Человек без сострадания в сердце – что общего он имеет с музыкой?»

«Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. в бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути».

«Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели».

«Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озабочится просвещением ближних, чтобы сделать другим то, что он желает себе».

«Искренность и правда образуют желание культуры».

«Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно».

«В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознательен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих основ».

«Благородный тянеться кверху, низкий устремляется вниз».

«Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха, в этом знак благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?»

«Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоем ближнем. Это высокая добродетель».

«Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе».

«Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха думать лишь об обязанности».

«Духовная добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен, и достигнешь великого. Будь доброжелательным, и тем сообщишь и другим доброе желание».

«Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности – угроза государству».

«Отвечаи справедливостью на несправедливость и добром на добро».

«Основа милосердия делает место привлекательным для жития».

«Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения».

«Благородный приложен в познании пути Служения, а низкий человек – лишь в делании денег».

«Мудрец медленно говорит, но быстро действует».

«Все люди рождаются добрыми».

«Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя как на торжественном священном служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома не выражай злую волю».

«Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество».

«Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?»

«Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь».

«Чей ум уже испытан против медленно проникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван яснозрячим и дальновзорким».

«Вывести неподготовленных людей на битву, все равно что выбросить их».

«Если человек всюду ненавидим или он повсюду любим, тогда необходимо

«Ваши добрячки – воры добродетели».

«В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30 лет я стоял прочно. В 40 лет я освободился от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши внимали истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца».

Итак, познавание, освобождение, понимание законов, внимание Истине – все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечною молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузанные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословлены. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения.

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао, умостили путь прочный. «Бестронный король» – так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по великой стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня великой стены? Кто его видел? Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Не предрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном месте. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена, и прославлена историей.

Только что сообщалось: «Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями».

«Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии представителя Нанкинского Правительства.

Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное Правительство даст особые почести потомку великого мудреца».

Опять победа Конфуция! День, посвященный ему, будет днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая! Впрочем, это забытие лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лао-цзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингисхана и его наставления будут жить в сердцах народа и само это имя произносится с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы выше сказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и нашего времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным. Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются – это не значит, что они не должны были быть даны, а сейчас повторены. Уж чего проще? – «Не убий», «Не лги», «Не укради», а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же? Отставить ли их за неприменимостью? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание, или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
рассмотрению его заветов с какой-то предубежденностью.

Но, рассматривая большого человека, неуместны ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непереводимые выражения, которые можно понять и изложить лишь вполне освоившись, как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за толкований!

Всякие злотолкования и умышленные извращения, ведь они должны быть судимы, как умышленные преступления против чужой собственности. Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх. То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

«Я молиться уже начал давно» – так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Потому-то, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция, как признак Китая. Мы уверены, что предположенный день Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

29 марта 1935 г.

Цаган Куре.

Эрдени Мори

В сагах знаем героев на белых конях.

Видели белого коня Святого Егория.

Видели белых коней Флора и Лавра.

Видели белых коней литовского бога Световита; на белых конях мчались валькирии.

Слышали о коне Исфагана в древнем Иране. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны. Слышали о коне Гессар-Хана, даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химвата с огненной ношей Чинтамани.

На картинах китайских белые олени несут то же пламенное сокровище. Словно бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства Китайского. От коня стена великая. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган Мори – белый конь, будет отмечен всячими сказаниями. Мчится на нем и Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее, великий всадник обращает лица ждущих – туда, куда нужно.

Именно белый конь в сказаниях принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть.

Когда-то, рано погибший, Леонид Семенов-Тян-Шанский принес мне свою огненную поэму «Белые кони». Поэт не знал тогда о легендах белого коня. Несмотря на азиатскую фамилию, полученную от деда, поэт был не близок Азии. Но он был настоящий поэт и поэтому своими путями пришел к восточному сознанию.

Помню беседу с Владимиром Соловьевым у Стасова, когда обсуждалась моя картина «Световитовы кони», а философ приговаривал, теребя свою бороду; «Восток, Восток!» Конечно, все помнят его пророческое стихотворение о Кукуноре.

На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они – носители быта. И в сказках коню приписываются веющие качества. Богатырь влезает в одно ушко и усиленным, мудрым, вылезает из другого. Конь в сагах предупреждает воина об опасности. И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином.

* * *

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон-Бакши, записанного его
внуком Санки Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондор
Дабаевым.

«В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест голову свою, а змей же краснолегий – мясо своего тулowiща. Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда, начальник, присваивавший народное достояние, поплатится своею головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоить с коня, а простая – с быка.

Плохому коню путь далек, а скромному человеку друг далек.

Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества.

Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова.

Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир – огненный змей.

В 1903-4 годах произойдет большое событие.

В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время, так называемое «ни мое – ни твое», будет нужен медный котел и кожаный сундук.

Ко времени переселений повсеместно будет огненный змей.

На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью: «Вырубишь топором эту надпись – она не исчезнет, она появится снова».

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные – животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете выбирать даже на быках, на коровах и на лошадях. Иконы и книги будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить черный чай – питательно.

Со слов Селаринов Молон Бакши предсказал, что позже придут два–четыре человека, которые подъярят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные государственные правопорядки».

Молон Бакша скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь была:

По правой стороне Селенги
Почему качается камыш?
По той стороне Худара
Почему качается камыш?
И предчувствуя в жизни страдания,
Почему мне чувствуется печаль?
Воспевая эту песню, он, бывало, рыдал!
* * *

Вот и еще:

«Великий Киданьский народ не погибнет. Он узнает народ Шамбалы. Он принесет очень старательно священные изображения и порядки государственные. От белого камня он прочтет и позовет Ихе Бакшу рассказать слово Истины. Как от великих костров, засияет надпись на камне. Что это идет? Отчего

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
качается ковыль? Что же шествует?
Эрдени Мори сам идет. Эрдени Мори сам выступает. И люди не останутся в
прежнем положении.
Что же светит поверх ковыля? Отчего стали светлыми обоны? Отчего засиял
большой субурган?
Там, где прошел Эрдени Мори, там засветился ковыль. Там замолчали волки.
И полетели кречеты очень быстро».
* * *

Издавна ходит Эрдени Мори, и светит его сокровище. На восходе и на закате
солнца затихает все, значит где-то проходит великий конь белый, несущий
сокровище. Пока народы знают о сужденном сокровище, они все же останутся на
верном пути. Путь их, хотя бы и долгий, и необычный, – неизбежен. Так же
неизбежен, как служение совершенствования. Кому-то – сказки. А кому-то –
быть. Кто-то убоится. А кто-то развернет страницы книги принесенной.

И голубина книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу
нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих
принесенных благовестях. И всем темным невыносим свет. Почему они так
ощетинились? Ведь они ужасаются о себе самих, когда не прочли книги, когда
отвернулись от Света. И отвернувшись от Света малого, разве выдержат их
глаза Свет Великий!

МЕНХЕ ТЕНГРИ!

Великое синее небо, покровитель Чингисхана.

Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны
горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели
юрты, или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или
засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых
курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они
и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?

Где же и прочие живности? Но тянется темная черта каравана. Чернеют стада
яков. Рассыпались табуны конские. Забелели на солнце стада баранов, а не то
замелькали дзерены, мчась по холму. Или юркнул в нору тарбаган, или
бурундук. Верблюды, волки, лисицы, зайцы, мало ли всякой живности...

И птиц точно бы нет. Только разве беркут чертит круги. Или запестрят в небе
вороны, или клушицы. Или жаворонок зальется. Или перепел вспорхнет. Или от
воды потянут турпаны, гуси, утки, куличье всякое... Или вытянется из ковыля
дрофа. Или замашут крылами журавли и цапли... Есть и птицы...

Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От
необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри,
милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга
Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени
Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран-Обо притаил камень чудесный.
Везде прошел Эрдени Мори.

31 марта 1935 г.
Пинцог Деделинг.
Ягиль

Корень ягиль отмечен во многих преданиях, сказках и песнях. Он защищает от
ведьм и бесов. Он очищает преступные места, он врачует израненное сердце.
Много имен у корня.

Он и лесной ладан. Он и чемер. Он и катыр. И мариань, и белголовник, и
бедрец, и кошачья радость, и балдриан, и мяун, и лихорадочный корень, и
одолень, и серпий глухой, и уразница, и сорокоприточник, и одеян, и
домобыльник, и балдырь, и варагуша, и козиолки, и переполох, и очный

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
корень, и ходрейник, и глесник, и семяшник, и грудовка, и веснушка, и балдырьян, и катнавика, и пятношник, и рябинка, и копровник, и оверьян, и стоян, и ладоница... Невесть как зовут в разных местах корень целительный.

Все тот же валерьян – валерьяна официалист, свойства которого широко знают народы. В разных странах много сортов его, и узколистный, и серединный, и очереднолистный, и бузинолистный, и высокостройный, и мутовчатый, и сибирский мяун, и многие другие разновидности, свойства которых еще исследованы очень мало.

В большом разнообразии названий видно и многоразличное применение корня. В различных местах на него возлагают надежды частичных исцелений. Где лечат сердце, где – грудь, где глаза, а в сущности корень оздоравляет всю нервную систему.

«В народной медицине корнями валерьяны пользуются от лихорадки, отваром погают детей от крика или от весновки, от худобища, от сердечной болезни, от пропасницы и порухи. В ветеринарии валериановый корень служит как болеутоляющее и противосудорожное средство».

«Какие из разновидностей наиболее пригодны для лекарств, не имеется никаких исследований, и наша фармакопея их совсем не отличает. О различии корней валерьяны имеются противоречивые сведения. Проф. В. Тихомиров в курсе фармакогнозии говорит, что главное достоинство этого товара определяется содержанием эфирного масла, которое весьма непостоянно: чем суще и возвышенее почва, тем его больше, а чем влажнее и низменнее, тем меньше».

«Так как в России корни валерьяны собираются дикорастущими на низменных местах, а в Германии это растение культивируется на возвышенных, то следовательно бы, что русская валерьяна по достоинству ниже немецкой. Между тем представитель крупнейшей фирмы Р. Келлер на межведомственном совещании сообщил, что русская валерьяна содержит больше эфирного масла и дает настой (тinctуру) зеленого цвета, германская же валерьяна содержит меньше эфирного масла, но более экстрактивных веществ, и дает настой буро-желтого цвета. Разница в содержании масла и в цвете настоя, по мнению этого представителя, происходит от роста на мокрых и сухих местах: в первых растения имеют меньше экстрактивных веществ, но больше эфирного масла. Если это верно, то дикорастущая русская валерьяна заслуживает предпочтение, и разводить валерью нет надобности. Между тем тот же представитель утверждает, что для экстракта из корней растений, выросших на сырых местах, обработка невыгодна, так как экстракта получается очень мало. Необходимо для разрешения этих противоречий точное исследование, очень важное для установления характера культуры».

«Несмотря на то, что в диком состоянии валерьяна растет на низменных местах, в Западной Европе культуру ее ведут на местах возвышенных с сухою каменистою почвою, на которой она получается низкорослою, около трех четвертей аршина вышины. Такая валерьяна называется горною, или малою. В небольшом количестве ее можно возделывать в огородах с суглинистою почвою, где она развивается роскошно, без удобрения. Корни выкапываются на третий год поздно осенью или следующей весною».

«У нас предлагают возделывать валерьюну на тощей почве бесплодных полей, выбирая открытые и сухие места; неизвестно только, какого достоинства получаются тогда корни валерьяны. В сахарном районе ее предлагают ввести в свекловичные поля, в междуядьях свекловицы, что составляет уже полную противоположность первому совету, так как свекловица для своего роста требует питательной почвы».

Эти указания, относящиеся к 1918-му году, очень характерны, ибо еще раз показывают, насколько мало мы умеем обходиться даже с издревле известными лекарственными растениями. Вместо того, чтобы очень бережно и заботливо исследовать лучшие условия культуры этих растений и познавать их отличительные качества, часто предпочитают попросту отказываться от этих высокополезных лекарств. Так, мы слышали, что валерьяна исключена из некоторых фармакопей. Можно только подивиться такому нелепому решению, ибо целебные свойства валерьяны засвидетельствованы многими веками. Ведь издревле валерьяна входила в состав двенадцати так называемых основных лекарств.

Конечно, с валерьяной иногда обращались совершенно нелепо и
Страница 52

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
противоестественно. Так, ее предлагали в соединении с эфиром, с аммиаком или в виде спиртовой тинктуры, между тем как все эти ингредиенты должны действовать как раз обратно основному качеству валерьяны. При дознании утончается и качество.

Наиболее опытные врачи предлагают валерьяну в виде настоя, или так называемого валерьянного чая, который приготвляется очень просто, подобно всем прочим чаям. Так же точно существовало большое недоразумение относительно самого способа приема валерьяны. Откуда-то произошло предположение, что валерьяна может действовать скоропостижно. Потому ее давали в случаях нервного потрясения и ожидали немедленного эффекта. В этих случаях эффект мог быть скорее от самовнушения.

Валерьяна как восстановитель нервной системы требует очень продолжительного приема в течение не менее полугода – регулярно по чашке валерянового чая перед сном. Мы уже имеем перед глазами множество прекраснейших последствий такого продолжительного лечения. Конечно, еще полезнее вообще не прерывать подобный прием валерянового чая и ввести его как предохранительное, укрепляющее средство. Такая профилактика тоже испытана многими, и в течение целого ряда лет.

Вполне естественно, что в народном понимании валерьяне приписывали такие разнообразные целительные свойства. Получая облегчения в различных болезнях, люди упускали из виду, что воздействия на общую нервную систему, конечно, благотворно влияли и на весь организм.

Как и во многих других лекарственных растениях, так и в отношении валерьяны, следует применить очень вдумчивые и бережные изыскания. Даже на глаз и на вкус можно утверждать, что валерьяна германская весьма отличается и от русской, и от индусской, и от китайской. Такие явные различия должны отражаться и на степени полезности. Потому так необходимы сравнительные станции культуры лекарственных растений.

Как и во всем, нужен длительный и доброжелательный опыт. Конечно, примитивнее всего идти путем отрицания. Просто исключать все то, что недостаточно понято и дознано. Но такие темные отрицательные пути не приведут ни к чему добруму. Так называемая позитивная наука довольно легко отказывалась от многих полезных наследий. Даже эфедра – кузьмичева трава исключалась из фармакопеи. Но сейчас, благодаря счастливой находке в китайской старой фармакопее, этот полезный хвойник оказался лучшим средством против тяжкого бича человечества – астмы. Очевидно, то же самое произойдет и во многих других случаях.

Именно теперь, освободившись от предрассудка отрицания, люди опять заглянут в древние записи и почерпнут полезные соображения из опыта веков.

Один современный философ, очевидно опасаясь замарать о старину свои модернистические одеяния, осторожно заметил мне: «Ведь не всю старую фармакопею принять можно?» Замечание было довольно наивно. Кто же говорит о принятии всех старинных фармакопей. Но прочесть их и извлечь некоторые полезные соображения, конечно, следует. А для того, чтобы прочесть, нужно знать языки. В этом-то и заключается камень преткновения. Следует преобороть и это затруднение.

Сколько самых обычных растений пренебрежительно попираются ногами, но их древние имена показывают, что когда-то внимательный глаз уже усмотрел их значение. Желтоцвет весенний – одонис, борец – аконит, арника, беладонна, трава бородская, вягиль, наперстянка, полынь – артемизия, во всех ее многих разновидностях, разве это не зовет часто заглянуть под ноги, вместо того, чтобы высокомерно попирать ее? Разве не замечательно показание Плиния о полыни, что пешеход, который несет это растение с собою, или привяжет к ноге, – не чувствует усталости. Оттуда и бодрое название – артемизия партенион. Каждый путник, вдыхающий душистую полынь степных и пустынных просторов, в ободрении этим ароматом вполне согласится с замечанием Плиния.

Великими именами отмечены названия полезных растений. Дочь Коцита, прохладная нимфа Минте, дала свое имя успокоительной, свежесть несущей мяте. Недаром и валерьяна от корня валер напоминает нам о здоровье.

* * *

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
На псковских холмах старушка-знахарка выкапывает какие-то корни. «Что ты, бабушка, ищешь?» «А ягиль корешок, голубчик, ищу». «А что же исцелит твой корешок?» «А залечит он твое сердечко, родимый».

5 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

Бичи

За прошлый год в одних только Соединенных Штатах Америки погибло от рака сто тысяч человек. Прибавьте к этой потрясающей цифре еще все жертвы, унесенные раком в Европе и других странах, и получится цифра потерь целой войны. Бедствие раковых заболеваний внешне отличается от прочих эпидемий. Раком ужасаются. Строят еще одну больницу. Объявляют в газетах о средствах, вполне излечивающих рак, а цифры жертв не только не уменьшаются, но, пожалуй, угрожающе возрастают.

Рак не так бурно, как чума или холера, но верно продвигается, пока не будут принятые настоящие профилактические меры и не начнутся внимательные и длительные исследования. Этим мы не хотим обидеть тех самоотверженных врачей, которые неустанно стараются остановить мертвую хватку рака. Известны примеры действительно удивительной самоотверженности врачей.

дело не во врачах только, но в самих народах, которые ради условных привычек не нарушают вредных сторон своего быта. Уже неоднократно сообщалось, что статистика повсеместно установила мясоедение как одну из причин раковых заболеваний. Так же точно общее потрясение нервной системы в нездоровых современных городских условиях также являются способствующими условиями для страшной болезни.

Между тем известны местности, где рак неизвестен вообще, или проявляется лишь в случаях занесенных. Также известно, что высоты как бы являются началом, охраняющим от рака. Значит, казалось бы, прежде всего, нужно начать исследования в местностях, где рак вообще неизвестен, и досмотреть, какие именно местные условия являются отличительными? Также известно, что тибетские ламы излечивают некоторые случаи рака. При этом лечение, свидетелями которого мы были, производится растительными веществами, при условии пользования ими в определенных горных местностях. Это обстоятельство сразу вызывает необходимость различных исследований и самих лекарств, и особых условий предписанной местности. Может быть, качество минеральных вод или почвы, или близость ледников, изобилующих метеорной пылью – мало ли какие условия могут влиять и кроме очищенного горного воздуха и солнца.

Казалось бы, эти указанные обстоятельства уже должны побудить кого-то, или заболевавшего, или преисполненного филантропическими намерениями, помочь этим исследованиям. Но на деле выходит совсем не так просто. Люди интересуются, но дальше расспросов и беспредметных желаний дело не подвигается. Допустим даже, что такие исследования потребовали бы значительное время. Допустим, что среди них произошли бы и частичные разочарования. Тем не менее и статистические данные, и уже наблюденная возможность излечения, хотя бы некоторых форм рака, должна бы являться достаточной причиной для пробуждения сердец к такого рода исследованиям.

Сами потрясающие цифры жертв должны бы заставить подумать о приумножении способов исследования. Одним только городским лабораторным путем не всегда удается уловить извилистый путь ехидны. Если же является хотя бы предположительная возможность обогатить способы исследования, то ведь ею нужно пользоваться, не упуская ни дня, ни часу. Таким образом, находя профилактические условия выздоровлений самого быта, можно, с другой стороны, указать и те, уже существующие, естественные условия, которые являются предохранителем от страшного заболевания.

Зачем же терять время там, где уже могла бы идти бодрая поступательная работа? Зачем же отвлеченно ужасаться числам жертв, когда еще что-то и где-то может быть сделано на спасительных путях?

Такие расследования скоро потребуются, и не только для рака. Надвигается и другой новый бич, пока носящий название испанской инфлюэнции. Многие врачи считают эту форму чрезвычайно близкой легочной чуме. По некоторым симптомам это, действительно, нечто весьма сходное. Каждый год можно видеть волну таких заболеваний, протекающую в разных странах. Во всяком случае, в этом

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
есть какая-то новая форма заболевания. Если когда-то то, что называем насморком, было в смертельных формах, то и давно известный грипп, наоборот, возрос до опасных форм испанки.

Только что читаем о том, что сейчас много людей тяжко больны от странной формы воспаления легких, приписываемой недавним, неслыханным по силе, пыльным ураганам. Даже животные подыхают при подобных же симптомах. И здесь, в Китае, прошла тяжелая форма каких-то подобных же заболеваний. Думают, что из долины Ян-Цзе вихри несут какую-то зараженную пыль, с определенными бактериями.

Так или иначе, опять мы встречаемся с усиливающейся легочной и горловой формой заболевания. Если же сообразим все умножившиеся случаи сердечных болезней, странного усиления давления крови, менингита и других нервных-сердечных форм, то опять можно видеть поднявшийся на человечество бич, который не замечаем в кинема и дансингах, на скачках и в кулачных боях.

«Пир во время чумы» в представлении гениального поэта всегда напоминает те неразумия, которые так легко ведут к мало поправимым последствиям.

Со времени великой войны, среди всех мирных конференций, народы истратили шестьдесят миллиардов долларов на вооружение. Сейчас опять гремят войсковые призывы. Возможность войны висит в разных частях мира. Поучительно было бы знать, сколько за это время было затрачено на борьбу с чудовищными бичами человечества, как рак, сердечные болезни, виды инфлюэнции и прочие угрозы. Не будем считать в этой цифре уже существовавших госпиталей и прочих научных медицинских учреждений. Эти достижения уже были кем-то выполнены. Знаменательно было бы посмотреть размеры цифр на новые изыскания и сравнить их с цифрами вооружения.

Говорят, что дети до пяти месяцев вырабатывают сами свой витамин, но после четырнадцати месяцев это свойство пропадает. Тогда уже требуется особая профилактика. Почему же не думать о ней, хотя бы в тех пределах, которые легко доступны каждому человеческому мышлению? Конечно, не следует устрашаться заразительностью болезней. Ведь теперь признают, что и рак заразителен, и легочные формы. Было бы одинаково неразумно наполнить сознание боязливостью и тем самым открыть доступ всяким заразам. Думать своевременно о профилактике не должно быть признаком страха. Это должно быть просто бережливость жизни, чтобы она могла быть выполнена в превосходном и гармоничном напряжении энергии. Там, где можно предусмотреть уменьшение страданий, их и нужно предусмотреть, и нужно достичь этого всеми человеческими мерами.

Нельзя возлагать всю заботу лишь на врачей. Все люди должны быть сотрудниками в деле широко понятого Красного Креста. Так часто принято, собравшись за пресловутой чашкой чая, поболтать и ложками, и языком, и разойтись потом без всяких последствий. Необходимо, чтобы каждая беседа вносила бы нечто действенное. Из этих, хотя бы малых, зерен сложится самое большое и самое неотложное.

Бич сам не подымается, его подымает рука. Нужно, чтобы эта Рука не подняла бич. Нужно, чтобы бег и преуспеяние народов не нуждались в бичах, когда суждено так много прекрасного.

4 апреля 1935 г.
Цаган Куре.
Держатели

«Держатели бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда они проедут. Неизвестно откуда и куда, но большую частью спешают. Говорят, что они ищут клады, а другие говорят, что они что-то заложат, там где нужно. Иногда места прохождений их люди отмечали субурганами или, хотя бы простыми, обо. Когда узнают люди о приезде их, то надолго водворяется радость в окрестных аилах. Слышно, что и болезни минуют эти места. А также приходит всякая удача и в помышлениях, и в делах» – так рассказывал старый бурят; и по его проникновенному говору можно было понять, что предмет для него и близок, и торжественен.

Мы спросили: «Если говоришь, что помыслы и дела становятся удачнее, может быть, внушается это в мыслях. Ведь часто известны такие внушения?».

«Про эту силу мы знаем и сами думаем, что удача посыпается. Однажды, говорят, самого его спросили: правда ли, что по мысли его совершаются разные полезные дела, а также спросили, как это он внушает? Говорят, что он ответил: и так, и этак, а главное то, что вы делаете потом так, как нужно. И поспешают они, чтобы дать людям больше добрых мыслей, чтобы повсюду люди могли сделать самое полезное ко времени».

Мы спросили: «Скоро ли признают их люди?».

«По правде сказать, только немногие их признают. А другие как-то только после ухода одумываются. И тогда опять начинают ждать. Глупые люди, когда что приходит – не соглашаются, а только стоит уйти, как начинают опять ждать».

Мы спросили: «А если они приезжают, то где они останавливаются?».

«Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилю скачут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются всереди пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие, долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода».

Мы спросили: «Все это из давнего прошлого, или же и теперь бывает?».

«И было, и есть, и будет. Они берегут людей. Они держат справедливость. Они посыпают новые мысли. И недавно, и теперь, а может, и сегодня покажется всадник. Или один, а не то и вдвоем, никто путей их не знает».

Мы спросили: «А есть ли какие-нибудь признаки их приезда?».

«Вот уж никаких, никогда. Да ведь и все чудное бывает нежданно. Уж так нежданно, что и уму не помыслить. Но сердце, может быть, и чует. Когда надлежит им приблизиться, может быть, и тоскует, и стремится сердце, и летит навстречу. Сколько раз, как птица, трепещет сердце, а ведь, может быть, что они проезжают поблизости? Сколько раз конь заржет, неведомо от чего – может быть, их коней зачуюя? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад; потому пес на них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидит что будто едет кто-то, а начнут слушать – ничего не слыхать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения. Видели как-то и белую собаку, будто бы борзую. Старые люди говорили, что их собака. А бежит она одна, как бы за делом. На зов не отзывается. Наверное, поспешает. Тоже говорят, что видели иногда белых птиц, как бы голубей. Думают, что ими они посыпаются. Вообще, много знаков и в нашей пустыне. Уж такие иногда замечательные камни находим. Не иначе, что кто-то заложил их. Потому, обделаны они, иногда с надписями, а иногда как бы круглые, что твое яйцо».

Мы сказали: «Вот, вы видите много знаков в пустыне, а для проезжих все одни дичь и мертвенностъ».

«А потому, что вы не знаете наших языков пустынных. Вы и ветра не разберете, и запахов не услышите, да и они, если проедут, то вы их не признаете».

Мы добавили: «А как же они из себя? Ведь видели же их люди».

«А так, как по месту нужно. Так чтобы людей понапрасну не удивлять. Вот мне говорили, что в одном становище их приняли за торговцев, а в другом – за табунщиков, а где-то еще – за военных людей, каждый судит по-своему. Но они нашим суждениям не обижаются. Один признавший допытывался, а как ему понять, что он делает так, как нужно? А он ему ответил – все равно, как нужно, тогда и сделаешь. Об этом не беспокойся, но твори добро всегда и во всем. Они всегда учат добро делать».

Мы опять спросили: «Но почему же они терпят пустыни неплодородные?»

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Собеседник посмотрел на нас очень хитро и сказал: «И это придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять».

Мы спросили: «А нет ли у кого каких-нибудь знаков или вещей от них?».

«Может быть, и есть. И даже наверное имеется. Но только, если кто получил их, тот о них уже не скажет».

Мы спросили: «А имена их знаете ли?».

«Они могут быть под разными именами, но, опять же, если кому выпало счастье знать имя, то он никогда никому не повторит его. Никто не преступит это уложение».

Собеседник замолчал и долго следил за какой-то движущейся точкой на дальних барханах. Может быть, он думал, а вдруг! В глазах его загорелась нежданная жданность. Виделось, что он знает, слышал и видел и еще многое. Но сколько же нужно посидеть у одного костра, чтобы растворилось сердце! Даже если бы оно и хотело раствориться, то воля знает, насколько эти врата могут открываться проезжему. Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она их может поведать лишь своему. Лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем, кто может довольствоваться тем малым, которое даже не учтено для нынешней роскоши.

Пустыня приняла тот лик, в котором видит ее проезжий, чтобы скрыть свое значение и свое величие. Серединная Азия притаилась, со всеми своими богатствами, со всеми глубоко захороненными знаками, а сыны ее умеют беречь заповеданное.

9 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

Чхандогья Упанишада

«Дыхание насыщаемо, глаз насыщаем, солнце насыщаемо, небеса насыщаемы, все, что под небом и под солнцем, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Виана насыщаема, ухо насыщаемо, луна насыщаема, державы небесные насыщаемы, все, что под ними и под луною, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Аpana насыщаема, слово насыщаемо, огонь насыщаем, земля насыщаема. Все, что под огнем и землею, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Самана насыщаема, дух насыщаем, вихри насыщаемы, ураган насыщаем. Все, что под вихрями, в урагане, насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Удана насыщаема, воздух насыщаем, пространство насыщаемо. Все воздушное и пространственное насыщаемо. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

* * *

«Кто, зная сие, служительствует Агнихотре – тот служительствует во всех мирах, во всех сущих, во всем».

«Как дети теснятся вокруг матери, так прилипают сущие вокруг Агнихотры – вокруг Агнихотры».

* * *

«От Тончайшей Сущности все одухотворено. Это единственная действительность. Это Атман».

«Истинно, мертвое тело, покинутое духом. Дух же не умирает. Тончайшую

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Сущностью все одухотворено. Эта единственная действительность, это Атман».

* * *

«Брось эту соль в воду и вернись ко мне завтра утром».

«Попробуй теперь эту воду, что находишь?» – «Она соленая». «Зачерпни эту воду поглубже, что находишь?» – «Она соленая». – «Попробуй ото дна. Что находишь?» – «Она соленая». – «Еще попробуй и подойди ко мне». – «Она все такая же». – «Итак, истинно, мой друг, ты уже не замечаешь вещества, но оно всюду».

* * *

«Скажи мне все, что ты знаешь, и скажу тебе последующее».

«Знаю Риг-Веду, Аюр-Веду, Сама-Веду, Атарвану-Веду, древние сказания, Веду-Вед, знаю обряды, знаю вычисления, науку предсказаний, познавание погоды, логику, правила поведения, этимологию, науку священных текстов, науку оружия, астрономию, познавание змия и гениев, вот что я знаю».

«Все, что ты перечислил, это только слова».

«Слова – Риг-Веда, и Аюр-Веда, и Сама-Веда, и Атарвану-Веда, и древние сказания, и наука предсказаний, и познавание времени, и логика, и правила поведения, этимология и наука священных текстов, и наука оружия, и астрономия, и наука змия и гениев – все это только слова. Пойми правильное понимание слов».

«Когда кто понимает в словах брахмана, он может все, что желает, в державе этих слов». – «А есть ли что-нибудь высшее, чем эти слова?» – «Конечно, есть нечто высшее, нежели эти слова». – «Учитель, скажи мне это».

«Оно, Слово, истинно, больше чем все слова. Это Слово дает понять Риг-Веду, и Аюр-Веду, и Сама-Веду, и Атарвану, и древние сказания, и грамматику, и правила вычисления, и науку предсказаний, и знание времени, и логику, и правила поведения, этимологию, и науку священных текстов, и науку оружия, астрономию, и знание змиеv и гениев, небо и землю, воздух, эфир, воды теджас, высших сущностей, людей, животных, птиц, растения и деревья, – все творения до малейшего, и насекомое, и до муравьев, и праведное и неправедное, истинное и ложное, благое и злое, приятное и неприятное. Если бы Слово не существовало, ни праведное, ни неправедное не было бы познано, ни истинное, ни ложное, ни благо, ни зло, ни приятное, ни неприятное, это Слово дает различить все. Прими правильное понимание Слова».

* * *

«Единственно, когда служение происходит правильно; без жертвенности не будет правильности. Это единственно делает Служение правильным, но нужно желать познать Служение».

«Только когда ощущаешь внутреннюю радость при Служении. Не служит тот, кто в страдании. Только лишь когда преисполнен радости, тогда происходит Служение; но нужно познать радость».

«Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном. Радость есть беспредельность. Но нужно желать познать беспредельность».

* * *

«Кто устремляется к миру отцов, тот с ними и пребудет. Окруженный миром отцов, он может быть счастлив. Кто устремляется к миру матерей, лишь подумать, с ними и пребудет. Окруженный миром матерей, он будет счастлив».

* * *

«Истинно зрящий не видит ни смерти, ни болезни, ни страдания. Истинно зрящий видит, и всюду он достигает всего».

* * *

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
«Атман, единственная истинная действительность, – в сердце. Это то, что объясняет выражение: Он – в сердце. День за днем, он, который это знает, достигает мир небесный».

* * *

Незабываемо высоко настроение, когда индус напевно сказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие ритмы.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда сказываются стихи Махабхараты, Упанишад и Пуран. При всем новом, неминуемо вошедшем в Индии, эти старые напевы остаются всегда живыми.

В переводе можно удивляться многим как бы намеренным повторениям. Но когда вы слышите старинный, напевный ритм, то становится совершенно ясно, что сами повторения являются как бы необходимым дополнением напева. Кроме того, в этих повторениях часто подчеркиваются именно те места, которые заслуживают особо углубленного усвоения. Не забудем, что многие века как Риг-Веды, так и прочие стариннейшие предания передавались только устно, и, таким образом, сам ритм способствовал точному запоминанию.

Когда вспоминаете особенно большое количество философских и религиозных журналов и книг, издаваемых в Индии, то вы должны будете отвесить почтительный поклон народу, который так хранит и заботится об искусстве мышления. Истинное утверждение получится, когда вы будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак уже покрывает многие несовершенства.

Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общественности и государственности, для индуза будут самыми значительными высоко духовные предметы. Именно достигая этих предметов, индус становится реален, ибо для него они будут, как сказано, единственную, истинную действительностью.

Так же, несмотря на все современные смятения, в Индии все же живет учительство в трогательном и высоком понимании. Гуру все же живет в Индии. Соотношение между Гуру и учениками всегда будет поучительным. Такого сознательного, благородного почитания теперь уже трудно найти в других странах. Это не есть рабство, не подавление личности, не суживание горизонта, но есть возвышенное, благородное понимание Иерархии. Даже в мелочах обихода, и в глаза и за глаза, ученик действительно почитает и хранит достоинство своего учителя. Конечно, эти качества могут развиваться лишь от соответственной взаимности. Учитель, истинно, является отцом и советником, руководителем во всей жизни.

Заботы о внутреннем и внешнем преуспеянии учеников являются неотъемлемым качеством Гуру. Но и ученики, со своей стороны, находят незабываемо прекрасные выражения в отношении своего руководителя. Не будет допущено никакого, хотя бы обиходно малого, умаления. Будет приложено все заботливое старание понять и охранить сущность познаваемого. В таких взаимоотношениях создается искусство мышления, творится радость о предметах высших. И эта радость живет не только во дворцах и около храмов, она проникает в самые убогие жилища и претворяет неимоверные трудности жизни в ношу легкую.

Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почуяет взаимность. Никакие слова и уверения не сравняются с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любою поверхностью сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглядывается, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насищенным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество.

Но чтобы познать искусство мышления о высоких предметах, нужно полюбить и сделать обычным для себя этот способ мышления. Но чтобы полюбить, нужно возрадоваться. Правильно указано в Упанишадах, что служение может быть действительно лишь в радости. Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца сделается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных, замысловатых строениях юга Индии, или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны, или перенестись мысленно в торжество Гималаев – всюду будет выражена радость великого мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов, будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны, от Кришны, от всех пандавов, героев, творителей и строителей утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных.

Милая, Прекрасная Индия.

13 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

Школы

Главное, не забудем о школах и сотрудничестве. Сейчас под сотрудничеством понимаю, кроме взаимного содействия, и устройства всяких кооперативов. При каждом нашем Обществе может быть если не целая просветительная школа, то хотя бы действенная помочь уже какой-либо школе существующей.

Школьные цветы нуждаются в тщательной поливке. Кроме преподавательских и родительских комитетов, могут быть с великою пользою и друзья той или иной школы. Тогда как преподаватель и родители в известной степени будут субъективны, эти друзья школы всегда смогут принести нечто новое и нежданно полезное. Кроме того, и сами учащиеся часто хотели бы выслушать или обменяться мыслями с кем-то новым, вне уже сложившегося обихода. Как ни странно, но часто слово доброжелательного друга будет выслушано даже с большим вниманием, нежели совет каждого преподавателя. Потому-то друзья школьного дела могут нести особую пользу.

Также в образовании всяких полезных кооперативов и артелей при наших обществах будет заключаться здоровый рост просветительного дела. Помню, как мы радовались, когда при Латвийском Обществе появилась идея кооперативной хлебопекарни на оздоровленных основах. Привожу этот пример именно потому, что мне приходилось слышать изумление: какое-де имеет отношение хлебопекарня к искусству и науке? Тогда приходилось опять вспоминать о соотношении хлеба телесного и духовного. Покойный председатель Латвийского Общества доктор Лукин, как незабвенный друг и сотрудник, прекрасно оценивал такие, для некоторых людей неожиданные, сочетания. Если мы говорим, что наука и искусство – для всей жизни, то и вся жизнь, в высоком ее качестве, будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего.

Отдельные дружественные гильдии, артели, кооперативы могут лишь укреплять понимание общности творческого начала. С одной стороны, люди собираются для собеседований и чтений, и разнообразных проявлений искусства. Это непременно нужно. Оно изощряет мышление и спаивает в дружественных схождениях. Но, кроме того, полезен и какой-либо совместный труд, освещенный теми же высокими понятиями.

В былое время в Школе Общества Поощрения Художеств мы имели среди двух тысяч учащихся добрую половину из детей рабочего класса, а не то и самих рабочих различных фабрик. При этом обнаруживалось одно замечательное следствие. Все эти рабочие люди, являясь на свои фабрики с новыми данными, приобретенными в нашей вольной школе, получали наибольшее к себе внимание и

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
лучшие должности. Итак, мы имели еще один яркий пример, насколько приобретенное просвещение немедленно же способствовало получению более ответственной, высокой работы.

Кроме разнообразных прикладных мастерских и художественных классов, весь этот рабочий люд оставался в близком общении с прекрасными образцами Музея Общества и, видя эти былые достижения, возвышал свое сознание.

Такое воздействие образцов искусства следует, особенно сейчас, очень напомнить. Может быть, кому-то приходилось услышать даже от лиц, окончивших высшие учебные заведения, о том, что нужно ли существование Музеев при наличии такого множества безработных? Конечно, такое суждение показало бы полную неосведомленность о путях просвещения. Ведь и безработица, ныне обострившаяся, прежде всего происходит от недостаточного или неправильного просвещения. Значит, тем более все наши Просветительные Общества должны озабочиться, чтобы искоренять такие суждения, происходящие от неосведомленности. При этом следует сообразить, каковы же эти высшие учебные заведения, которые устремляя лишь к узкой специальности, не дают широкого взгляда о путях образования? Разве возможны школы без существования библиотек, музеев, лабораторий – всего того, что на незаменимом примере показывают высшие формы действительности.

Кому-то покажется странным, что сейчас приходится говорить о пользе вещественных примеров. Но жизнь дает нежданно печальные показания, которые доказывают необходимость и этих утверждений даже для лиц, окончивших высшие учебные заведения.

Мы всегда поощряли лекции и классы в самих музейных и лабораторных помещениях. Сама атмосфера этих хранилищ, наполненных образцовыми примерами, уже напрягает сознание. Во всей жизни мы не были сторонниками отвлеченного. Наоборот, все наиболее жизненное, наиболее нужно применимое, могло давать непосредственную радость познания. К той же жизненности должны быть направлены и все наши Общества. Мы не будем их ограничивать одною программою. Ведь каждая страна, каждое сообщество, каждые формы образования вызовут и особые возможности. Если в одном месте будут заботиться о хлебопекарне, то в другом, может быть, захотят иметь печатию или какую-нибудь совершенно неожиданную, приложимую к жизни работу.

Мы уже имели выставки в госпиталях, в тюрьмах, в школах. Постоянно следствием этих выставок являлись самые трогательные запросы. Из этого можно видеть, насколько нуждается и стремится народное сознание к пище просветительной. Лишь бы давать ее доброжелательно, легко, свободно, в полном взаимном уважении и сочувствии. Всякие такие полезные начинания могут быть производимы в любом размере. Главное же, они требуют прежде всего добрую волю, не нуждаясь в каких-либо особых затратах. По нынешним временам это последнее обстоятельство имеет особое значение. Мир, потрясенный моральными и материальными кризисами, сейчас очень скуч на все просветительное. Потому служителям просвещения приходится прежде всего думать о путях, не требующих особых расходов.

На этих путях добрых сколько истинной радостной пользы может быть творимо всеми, кто щедро, с улыбкою, поделится своим опытом. Опять же не будем думать, что если библиотеки, музеи, театры, лаборатории существуют, значит уже что-то сделано в достаточной мере. Все это существует как готовое пособие, которое должно быть внесено в народное понимание в наиболее прекрасной и полезной форме.

Экспедиции исследователей проходят страны одним своим путем. Но это еще не значит, что вся эта область уже исследована. Прорезана нить познания, но все обширное, вдалеке лежащее, все же не исследовано. Так же точно и всевозможные научные и художественные манифестации в народонаселении освещают лишь один слой народа, а сколь многое остается недостигнутым. Если даже в сравнительно образованных людях вы можете встречать признаки абсолютного неведения, то всевозможные удаленные поселения, поистине, лишены оживляющих сведений. Посмотрите на их развлечения, на заполнение досугов, и вы поймете, насколько неотложно нужны принесения полезных сведений. Добрые сестры и братья должны неутомимо входить во все слои жизни и в великом терпении приносить живоносные истины.

У нас сейчас восемьдесят восемь самых различных культурных учреждений. Каждое из них, большое или малое, может образовать группы преданных делу

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
людей, которые, помимо взаимных встреч и самообразования, предпримут полезные хождения по всем местам, где они смогут принести освежающую пользу. Все эти организации делались не для эгоцентричности, наоборот, они должны были служить лишь как возможность новых многочисленных побегов.

Как радостны могут быть встречи таких сотрудников, когда каждый может сообщить, куда ему удалось принести нечто полезное. Никакие кризисы не могут воспрепятствовать этим полезным осведомлениям. Сколько освещивающих возможностей может быть подсказано людям, которые по неведению, может быть, уже близки к отчаянию.

Уже одно то обстоятельство, что среди помянутых учреждений столько находится в различных странах, может служить еще одним средством для полезности обмена. Там, где любовь к делу, там и безграничны возможности. Там, где терпение, там не может быть поражения в светлых задачах. Там, где мужество, там нет запертых врат.

Итак, в годы кризиса будем говорить о доступном для всех строении. Если бы все и везде было хорошо и благополучно, то и не требовалось бы эти С. О. С., спасительные ладьи по всем направлениям. Пусть никто не подумает, что это было бы в пределах гордыни, если он пожелает нести приобретенный им опыт на общественную пользу. Не гордыня это, но священная обязанность. Ведь никому не позволено быть скунцом и зарывать серебро в землю, чтобы оно там почернело. Как говорят на Востоке: «От зарытого серебра покернеет и лицо твое».

Пусть каждый в добром сотрудничестве, в истинном дружелюбии вокруг себя просветительно улучшит все возможное. Пусть он не задается мыслью о том, будет ли это велико или мало, пусть оно будет полезно. Принести пользу обязан каждый.

Желавших добро ввергали в тюрьмы, поносили и всячески пытались оклеветать. Но высоким знаком добра даже из узилищ они выходили укрепленными и светлыми. Точно бы эти стигматы, нанесенные им темными элементами, явились признаком чести и добротворчества. Старо было бы повторять о полезности препятствий, но не убоимся подтвердить эту древнюю истину еще и еще. Ведь те наши друзья, которые будут пытаться широко нести полезное осведомление, наверно, встретят многие препятствия, иначе и быть не может. Но именно тогда они и вспомнят ярко и просветленно Завет: «Благословенны препятствия – вами мы растем». А рости они будут на истинное просвещение народов.

Среди всех наших начинаний обратите особое, спешное внимание на школы и кооперативы. В сущности и то и другое будет лишь обширною школою жизни.

22 апреля 1935 г.
Цаган Куре.
Институт Объединенных Искусств

Записанное вчера о школах и кооперации, конечно, прежде всего относится и к нашему Институту Объединенных Искусств. Кроме существования различных мастерских и классов по разным областям искусства, нужно подумать об экспансии Института и на внешних полезных полях. Неслучайно учреждение называется институтом, а не мастерскими. Понятие мастерских заключалось бы именно в работах в них, тогда как Институт действует, как внутри, так и внешне.

О наших внутренних программах было своевременно уже говорено. Их следует выполнять в пределах создавшихся обстоятельств. Если что-то, в силу не зависящих от Института обстоятельств, не могло еще быть проведено в жизнь, то это еще не значит, что оно вообще отставлено. Конечно, не отставлено, но ожидает ближайшую возможность.

Теперь же следует поймать еще планомернее о внешней работе Института.

Всегда было радостно слышать о выступлениях директора и деканов Института с лекциями и демонстрациями в посторонних, как нью-йоркских, так и иногородних учреждениях. В архивах Института хранится длинный ряд всевозможных признательностей, запросов и предложений, связанных с такими выступлениями.

Также было радостно слышать об образовании ученической гильдии и некоторых
Страница 62

На основе того, что уже было сделано, особенно легко ввести внешнюю работу Института в планомерность, которая бы была отражена, как в отчетах, так и в будущих предложениях учреждения.

Как из среды преподавательского состава, так и из старших учащихся следует подготавливать кадры наставников. Эти подвижные носители основ творчества в различных областях искусства и знания будут выступать во всевозможных образовательных, промышленных, деловых и прочих установлениях с живым словом о задачах творчества и познания. Естественно, что в тех случаях, где слово может быть сопровождено музыкальной, вокальной или какой-либо иной демонстрацией, это всегда будет полезно. Вопрос вознаграждения, конечно, будет индивидуален, в зависимости от возможностей приглашающего учреждения.

Повторяю, что многое в этом смысле уже делалось, и это лишь подтверждает насущность планомерности такой внешней работы Института. Такая работа, помимо своей абсолютной полезности, может создавать и всякие другие созидательные возможности.

Среди имеющихся классов имеется класс журнализа. Желательно, чтобы, наряду с журнализмом, также преподавались бы и основы общественных выступлений. Такая тренировка совершенно необходима, ибо в ней испытуемые получат ту убедительность и энтузиазм, которые так нужны в живых просветительских выступлениях.

Эта внешняя работа Института, для которой могут быть приглашены и лица, не входящие в состав преподавателей или учащихся, может сделаться как бы значительной частью институтской программы. Нести свет познания и утверждать основы творчества всегда радостно. Потому можно себе представить, что при планомерности этой работы эта часть занятий Института найдет своих искренних энтузиастов.

За годы существования Институт, конечно, имеет в своем распоряжении, кроме действующих кадров, также и значительное число окончивших, бывших учащихся, из которых так же точно могли бы быть почерпаемы полезные деятели для предположенных внешних выступлений. Будет ли то в народных школах, или в больницах, или в тюрьмах, или в храмах, или на удаленных фермах – все это будет теми высокополезными посевами, которые входят в нашу общую обязанность. Если мы уже видели, что врачи благожелательно способствуют такому общению, если мы имели многие выступления в церквях, то также будет приветствовано и агрокультурными управлениями хождение со светочем творчества в удаленные фермы.

Кроме новых познаний, эти беседы могут положить основу возрождения кустарной, домашней промышленности. Каждое сельское хозяйство имеет такое сезонное время, когда всякие домашние изделия являлись бы великолепным подспорьем. Входя в старинный дом германского или французского крестьянина, мы поражаемся отличному стилю домодельных предметов. Эти старинные сельские изделия сейчас имеют большую ценность на антикварных рынках. А ведь творились эти предметы в часы досуга сельского. В них закреплялось врожденное чувство творчества и домостроительства. Вместо бегства в оправленные города создавался свой самодельный прекрасный очаг. Можно легко себе представить, насколько такие художественно-промышленные эмиссары будут желанными гостями на трудовых фермах. Сколько утончения вкуса и качества работы может быть вносимо так легко и естественно.

Когда же мы заботимся о сохранении культурных ценностей, то такие прогулки по всем весам государства будут и живыми хранителями традиций Культуры. Там, где вместо разрушения, порожденного отчаянием, вновь пробудится живое домостроительство, там расцветет и сад прекрасный.

Сказанное не есть отвлеченность. Эти утверждения испытаны многими опытами в разных частях света. Всюду сердце человеческое остается сердцем и питается оно прекрасною пищею Культуры.

Вспоминаю прекрасную персидскую сказку о том, как несколько ремесленников в пути должны были провести очень томительную ночь в дикой местности. Но каждый из них имел при себе свой инструмент, а в развалинах нашлось упавшее бревно. И вот, во время дозорных часов каждый из ремесленников приложил к обработке этого куска дерева свое высокое искусство. Резчик вырезал облик

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
прекрасной девушки, портной сшил одеяние. Затем она всячески была украшена, а в результате – бывшее с ними духовное лицо вдохнуло в созданное прекрасное изображение жизнь. Как всегда, сказка кончается благополучием, в основе которого лежало мастерство в различных областях.

Другая же сказка рассказывает, как один из калифов, будучи пленен и желая дать весть о месте своего заточения, выткал ковер с условными знаками, по которым он был освобожден. Но для этого спасения калиф должен был быть и искусным ткачом.

Также еще вспомним мудрый завет Гамалиила, что, «не давший сыну своему мастерства в руки, готовит из него разбойника на большой дороге». Не будем вспоминать множества других высоко поэтических и практических заветов и безотлагательно направим внимание Института на такие возможности внешней высокополезной работы.

Эта запись дойдет до Вас к лету. Кто знает, может быть, уже и среди ближайшего лета что-нибудь удастся сделать в этом направлении. Но во всяком случае, с будущей осени уже можно принять этот вид работы планомерно – и тем еще раз исполнить девиз Института. Эту задачу мы все добровольно возложили на себя пятнадцать лет тому назад. Тем своевременнее будет развивать работу и на новых полях.

23 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

Мухобоязнь

Наш Нохор чумится. По-английски собачья чума – дистемпер, иначе говоря – расстройство. Это определение вполне правильно. Именно, происходит в собаке полное расстройство, и физическое, и психическое. Кроме странностей в еде, в походке и в отношении к окружающему, появились всякие страхи. Ко всем этим разновидностям страха присоединилось еще одно любопытное явление. Мы стали замечать, что Нохор вдруг обворачивается стремительно, как бы на что-то невидимое, подскакивает и, поджав хвост, куда-то в угол спасается. Зная, что собаки часто видят нечто, для нас незримое, мы приписали эти необъяснимые движения ужасного страха чему-то нам непонятному. Объяснение оказалось очень прозаичным. По весеннему времени появились первые маленькие мухи, и оказалось, что они были причиной этого ужаса.

Наверное, в нормальном состоянии большая собака не обращала бы внимания на первых маленьких мошек. Но чумное расстройство, очевидно, сделало этих крошечных мошек какими-то воображаемыми чудовищами. От чумной собаки всего можно ожидать. Все лишь пожалели, что расстройство может до такой степени внушать нелепые идеи. Ведь и у людей во время помешательства являются самые невообразимые соображения. При этом точность и конкретность этих воображений всегда поражает.

Кто слышал, как душевно больной описывает что-либо якобы им увиденное, всегда удивляется той несказанной убедительности, которая будет звучать во всех подробностях описания. Даже когда вы сами отлично знаете, что ничего подобного не было и быть не могло, то все же испытываете неприятное ощущение от нагромождения якобы реальных подробностей.

Мысленно вспоминая всякие рассказы о страхах, которые обуревают людей, считающихся нормальными, вы невольно вспомните о мухобоязни собаки. Конечно, наше время полно всякими смятениями. Конечно, люди имеют полное право ко всяким предпосылкам и подозрениям. Конечно, в такие напряженные времена воображение особо болезненно настроено. Но все же, когда вы встречаетесь с очевидной мухобоязнью, всегда делается душевно жаль людей, этих двуногих разумных существ, которые так постыдно обрекают сами себя на миражные ужасы.

Среди этих ужасов особенно звучит эгоистическое подозрение: что обо мне подумают? При этом совершенно упускается из виду, о ком именно предполагается. Подумает ли муха, подумает ли свинья, подумает ли волк, пес, подумает ли последний негодяй или подумает ли самый достойный человек? Совершенно упускается соображение, что или можно принимать во внимание думание последнего негодяя, или мысль достойнейшего человека.

В минуту миражного ужаса люди совершенно забывают, что мышление последнего преступного негодяя не совпадает с мышлением достойнейшего культурного

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
мыслителя. Наоборот, было бы неестественно, если низкое подлое мышление
могло бы мыслить в тех же путях, как и мысль самого высокого существа.

В миражном ужасе люди забывают, что или они хотели бы считаться с мнением преступных подонков, подчеловеков, или они хотят основываться на суждениях высоких и чистых умов. Ведь и то и другое никоими мерами не совпадает.

Приходилось видеть людей, глубоко огорченных тем, что какой-то подлый человек изругал их. Когда же их спрашивали, разве обрадовала бы вас похвала из уст этого негодяя? – они, вздрогнув, немедленно отвечали: было бы еще хуже ругани. И действительно, это было бы хуже ругани. И действительно, такою похвалою они сопричислялись бы к рангу похвалившего. И действительно, они оказались бы признанными преступными подонками, и это было бы вообще наихудшим.

Но для того, чтобы помыслить ясно об этом выборе, нужно прежде всего излечиться от страха. В этом излечении нужно отдать полный отчет, где именно мощное чудовище, а где именно те мухи, которых так боялась бедная, чумная собака. Когда человеку страшно, когда он допустил овладеть своею сущностью ужасам, и все окружающее начинает как бы волить о всяких страхах. По истечении времени, уже при другом настроении, при иных условиях, человек разумный увидит, что устрашившие его чудовища были маленькими мошками, уже приклеенными в обсахаренной мухоловке. Страшные когда-то мошки сами налетели на предательский для них сахар и будут выброшены с прочим мусором.

Чума страха даже мешает человеку свободно передвигаться. В вещевом ужасе человек предпочитает загнивать в подвале, лишь бы не выглянуть на свет Божий. Когда кто-то скажет этим ужаснувшимся о людях сильных, которые хотя бы в виде корабельного юнги, но все же увидали свет, они назовут этих смелых безумцами. Для устрашенных всякое мужественное решение уже покажется безумием. Именно ужас помешает им даже помыслить о передвижении. Вот и наш Нохор, бедный, уткнулся носом в темный угол и, вероятно, больше всего на свете боится маленьких мушек.

Рассказывают, что некие путешественники в Центральной Африке среди племени каннибалов увидели клетку, в которой откармливались пленники соседнего рода к столу местного вождя. Естественно, путешественники захотели помочь этим обреченным и выкупили их. Но пленники не пожелали выйти из клетки, ибо они боялись, что их не будут кормить так хорошо и заставят передвигаться. Съедят или не съедят их – это для них оставалось лишь вопросом, но готовая пища сегодняшнего дня для них была важнее всяких прочих размышлений. О будущем они, вероятно, вообще не умели и подумать. Но запах пищи уже приковал их крепче всяких кандалов.

Вспоминается и другой рассказ из средневековья. Некий вельможа получил доказательства предательства со стороны своего капеллана. Удивлению близких, знавших о преступности капеллана, не было предела, когда они узнали, что тот не только не был изгнан или казнен, но получил какой-то особый вкусный стол. Когда же, наконец, спросили вельможу, что это значит, он сказал: «Не следует убивать духовное лицо. Видите, какой он толстяк. Если мы ему прибавим еще вкусных яств, то это лишит его всякой подвижности и деятельности». И, позвав своего главного повара, вельможа сказал ему: «Смотри, чтобы святой отец не похудел у тебя, а если он растолстеет вдвое, ты от меня получишь пригоршню золота».

Значит, оковы сегодняшнего дня, кандалы излишеств, окажутся очень мощными. А в основе все-таки будет лежать животный страх за брюхо и самоуслаждения.

Если, с одной стороны, сопоставить неподвижность самоуслаждений, а с другой, вспомнить пример ужаса перед мошками, то станет совершенно ясно, что какими-то увещаниями нужно освободить людей прежде всего от страха.

Бедная чумная собака. Боится мошки. И все сожалеют, видя такое безумие. Но ведь люди не чумные собаки и, казалось бы, могут давать себе отчет, где именно мошки, а где действительная опасность. Опасность во всем значении этого слова.

Мухобоязнь неприлична людям.

24 апреля 1935 г.
Цаган Куре.

«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

Сколько раз это мудрое речение употреблялось и сколько раз оно толковалось ложно. Каждый пытался пояснить значение труда по-своему. Сапожник понимал, что труд это есть сапожное дело, кузнец в себе знал, что истинный труд заключен в кузнечном молоте. Жнец потрясал серпом как единственным орудием труда. Ученый, естественно, понимал, что труд в его лаборатории, а воин настаивал о труде военных познаний. Конечно, все они были правы всегда; но судя в самости, они, прежде всего, хотели понять о себе, а не о другом.

Чужой труд смотрелся через уменьшительные стекла. Никто не хотел искренно понять, насколько все виды труда зависят и сотрудничают друг с другом.

Ведь это просто? Конечно, просто. Ведь это всем известно? Всем, от мала до велика, известно. Это применяется в жизни? нет, не применяется.

Получились самовольные разделения труда на высший и низший. И никто толком не знает, где именно граница оценки труда? О качестве труда по нынешним временам часто вообще судят очень странно. Наряду с развитием механических производств люди начали всецело полагаться на машины. Но ведь и в любой машине будет лежать в основе качество труда, в зависимости от умения применять эту машину.

Не раз говорилось о том, что даже машина иначе работает в разных руках. Больше того, достаточно известно, что одни мастера благотворны и для самой машины, другое же как бы носят в себе какое-то разрушительное начало. Люди издавна понимают значение ритма в труде. Приходилось видеть, как для общественных работ присоединялись местные оркестры для вящей успешности. даже в далеких гималайских лесах дровосеки носят деревья под удары барабана. Всем это известно, и тем не менее сознательная согласованность труда все-таки является чем-то ненужным и неопознанным в глазах большинства.

Уже не будем говорить о том, что некоторые стороны труда, очень тяжкие, требующие большой подготовки, часто совершенно игнорируются.

Взять хотя бы труд народного учителя. Всегда он был и несправедливо мало оплаченным, и всегда оставался под сомнением ото всех сторон. В то же время решительно каждому известно, что воспитание детей может быть поручаемо лишь человеку, действительно образованному, имеющему в своих предметах основательные познания и вполне обеспеченному, чтобы не рассеиваться в отыскании побочной работы. Неправда ли, все согласятся с необходимостью сказанных условий? Тем не менее и в общественных, и в государственных масштабах народный учитель остается в прежнем бедственном положении. Мало того, если в казначействе не окажется наличных сумм, то, вероятно, прежде всего народный учитель, врач, ученый будут исключены из бюджета. Уже не говорим о писателях, художниках и прочих лицах свободных профессий, которые так необходимы для народного образования и вызывают наименьшие заботы государства. Скажите, что это не так?

В основе всяких таких прискорбных и продолжающихся недоразумений все же лежит невежественное понимание о труде. Естественно, все желают, чтобы их государство преуспевало. Все довольны, когда общественные начинания кем-то похвалены. Вместе с тем обычно, лишь как исключения, люди понимают всю меру ценностей труда. Апостольское речение, безусловно, правильно. Никакие дармоеды и паразиты не имеют права на существование. Но при этом, насколько нужно воспитать народное сознание в истинном понимании, что такое труд во всеобщее благо.

Неслучайно человечество знает многие поучительные житейские примеры. Великий пример сапожника Бёме или мастера телескопических линз Спинозы, примеры некоторых епископов, бывших превосходными ткачами, и другие такие же поучительные житейские опыты должны бы достаточно показать оценку качества труда. Наконец, мы всегда имели перед собой потрясающий в своей убедительности пример преподобного Сергия Радонежского, который не принимал даже куска хлеба, если не считал его заработанным.

Такие ясные зовущие примеры должны бы быть рассказаны вполне убедительно во всех школах. Тем самым внеслось бы равновесие трудовых оценок. Стерлись бы

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
многие гордыни, но, с другой стороны, и сердечно понялась бы радость о каждом прекрасном исполненном труде. Если все это так не ново, то почему же оно много где не применяется?

Почему же до сих пор министерства народного просвещения или трудовой промышленности и сельского хозяйства – иначе говоря, всего, что связано с мирным преуспеянием, находятся на третьих и четвертых местах. А иногда даже вообще поглощаются какими-либо другими соображениями. Ведь это так, и никто не может уверять, что сказанное есть преувеличение.

Сказанное не только не есть преувеличение, но оно недостаточно повторено. Из того, что некоторые люди вообще избегают мыслить о культурных ценностях, избегают хранить их и поставить на должное в цивилизованном государстве место, уже из этого одного видно, насколько люди мало берегут то, что лежит в основе мирного труда и творчества.

Заслуженно твердо сказано о не желающих трудиться и тем самым не признающих значения труда. Они могут и не быть, они не нужны для жизни, они – сор и мусор. Вот как оценивается небрежение к понятию труда.

В настоящее время, во дни всяких механизаций, требуется тем большее внимательное отношение к труду, требуется справедливость к труженикам всех родов и всех областей. Люди уже догадались, что увлечение роботами не есть высшее достижение. Тем самым будет осознано и качественно творческое начало каждого труда.

Опять-таки, посмотрите, как живут и трудятся истинные труженики. Каждый день, в полном порядке, в полной прилежности и терпении они создают что-то, и создают не для себя, но для чьей-то пользы. В этой анонимности заложено так много величия. Заложено много понимания, что все это есть, в конце концов, условный иероглиф, как каждое имя, каждое понятие. Эти имена становятся вполне именами собирательными. Когда произносится Эдисон, то уже не думается о Томасе Эдисоне, но как о мощном собирательном понятии изобретательности на пользу человечества. Так же точно, будет ли произнесено имя Рафаэля или Рубенса, оно уже не будет чем-то чисто личным, оно попросту будет характеристикой эпохи.

На стариных китайских изделиях имеются своего рода марки. Они тоже не имеют в себе ничего личного. Они стали тою печатью века, о которой так много говорилось.

Пусть будет печать нашего века широкое и справедливое осознание труда. Пусть не будет забыт каждый полезный, творящий работник. Пусть во всех государствах вопросы образования, просвещения, труда будут на первом месте.

4 мая 1935 г.
Цаган Куре.
Продвижение

15-го апреля в Белом Доме, при личном участии Президента Рузвельта, все государства Америки подписали наш Пакт. Этот торжественный акт не только является большим продвижением Пакта, но и делает незабываемой заботу американских государств об охранении культурных ценностей. В истории культуры день 15-го апреля останется как вещественное доказательство действенной заботы об истинных ценностях человечества.

Около этого незабываемого действия нельзя не вспомнить несколько мнений о Пакте, как бы предуказывающих его дальнейшее продвижение. Покровитель третьей конвенции Пакта и почетный председатель Комитета министр Уоллес неоднократно, исчерпывающим, убедительным словом выражал свою уверенность в том, что Пакт будет принят и послужит знаменательною ступенью в развитии мировой культуры. Слова Уоллеса уже исполняются.

Конгрессмен Блюм закончил свою речь на последней конвенции Пакта словами: «В каждой цивилизованной стране пламя культурных устремлений освещает путь прогресса. Мужи и жены, занимающие влиятельное положение, объединяются в установлении Знамени Мира как вечного знака о том, что не умерла надежда мира. Божественная искра, посеянная Богом милосердия и надежды в сердцах людей, не перестанет вдохновлять нас к тем божественным идеалам, которые ведут нас к Нему!».

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Продолжаю в последовательности тома второго материалов о Пакте. Министр Персии Джадар Хан Джалаал утверждает: «Знамя Мира будет служить прибежищем во времена войн и смятения. Спешу прибавить мое приношение к великому проекту, который Вы выдвигаете. Он вызывает глубокое одобрение и сердечную поддержку человечества, ибо сокровища искусства и науки являются огромным двигателем человеческой жизни. Не только они просвещают нашу современную цивилизацию культурою наших предков, но они служат как проводник и вдохновляют нас следовать в том качестве искусства и блага, которое делает жизнь утонченной и благостной».

Представитель Китайской Республики Свен Лин Цзу высказывает поддержку своего правительства в следующих вдохновенных выражениях: «Проект объединить все нации под одним знаменем для охранения культурных сокровищ против разрушения, как во времена войны, так и мира, имеет благородную цель и заслуживает поддержки от каждого человека. Истинная культура и настоящая наука в своих приношениях для цивилизации и благосостояния человечества не знают национальных границ. Их творения и святыни потому должны быть невредимы от всяких посягательств во времена международных столкновений. Музей Рериха заслуживает добрые пожелания от всех народов в успехе этой конвенции».

Маститый д-р Джемс Браун Скотт, директор Института Карнеги для Международного Мира и президент Американского Института Международного Права, заключает свою замечательную речь: «Владетели Культуры прошлого, хранители Культуры настоящего для будущего, мы подписью этого мирового Пакта воздвигаем мировой штандарт Культуры и человечества, прошлого, настоящего и будущего, и в то же время мировой штандарт для народов и их международных сношений».

Профессор де Ла Прадель, профессор международного права Парижского Университета, вспоминает, что знак Знамени был на щитах крестоносцев, и кончает свою речь следующим утверждением: «Охранить творчество – это значит спасти человеческий гений. Это цивилизующее действие заслуживает, чтобы оно убедило правительства, общественное мнение, моралистов и техников, артистов и юристов сойтись под Знаменем Триединости».

Доктор Александро Альварес, член Академии Моральных и Политических Наук, генеральный секретарь Американского Международного Права, высказывает пожелание: «Принятие Пакта и Знамени для охранения памятников позволит выполнить новый прогресс международного права и будет победою Культуры человечества. Желаю полного успеха конференции в Вашингтоне».

Профессор Люи Ле Фюр, профессор международного права Парижского Университета, среди пожеланий полного успеха Пакту, говорит: «Это будет завершением конференции. И от всего сердца я желаю успеха, который послужит для охранения памятников и творений искусства, которые являются общим достоянием человечества».

Барон Михаил Таубе, профессор международного права, кончает свое приветствие: «Пусть Знамя Мира со всеми идеями, заключенными в нем, развеивается во всем мире и хранит идеал мира и союза между народами, осмыслиенного на нерушимой базе истинной цивилизации, на синтезе искусства, науки, религии».

Д-р Михаил Ман Уайт, министр Ирландии, заключает: «По счастью, каждая цивилизованная нация может гордиться памятниками славного творчества и культурными достижениями. Чтобы сохранить эти творения, в которых выражена история, предлагается настоящий Пакт, и я верю, что интеллектуальные силы мира приведут его ко всеобщему принятию».

Д-р Тошихико Такетоми, делегат японского императорского правительства, так заканчивает свое приветствие: «Мир есть естественное условие существования, и война является лишь преходящим феноменом. Сегодня мы стремимся построить прочное строение международного мира. Больше того, серьезность положения экономического мира заставляет нас осознать, насколько взаимозависимы народы, и я верю, что дружественные культурные сношения, существующие между Западом и Востоком, послужат наибольшим ручательством к разрешению мировых проблем. Итак, имеется действенное свидетельство нашей искренности и сотрудничества: именно сегодня, 17-го ноября, Знамя Мира Рериха может быть видимо развернутым над музеем департамента просвещения в Токио. Таким образом, этот символ во имя Красоты и Знания опять сводит вместе Восток и

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Запад».

Д-р Ваверка, министр Чехословакии, сказал: «Считаю большим преимуществом быть среди тех, которые выражают свое восхищение и уважение великой идеи, которую мы почтим сегодня. Мое присутствие здесь уже есть знак, что Чехословакия от полного сердца поддерживает благородную задачу международной конвенции Знамени Мира».

Генеральный секретарь общества «Маха Бодхи» Деваприя Валисинка заключает привет общества: «Всякий успех трудам конвенции. Мы не сомневаемся, что буддийские страны вполне симпатизируют этим движениям, и если представления будут сделаны их правительством, они окажутся среди первых, кто подпишет Пакт».

Маститый маршал Франции Лиоте пишет: «Имею честь свидетельствовать мою глубокую симпатию к работам конференции в Вашингтоне для всеобщего принятия правительствами Пакта Рериха. Миссия, преследующая охранение памятников исторических и творений искусства, во время войны имеет глубокое значение для сохранения цивилизации и традиций».

Генеральный товарищ секретаря Лиги Наций Пилотти приветствует конференцию: «Желаю Вашей третьей конференции полного успеха и прошу Вас держать меня в курсе всех постановлений и трудов вашей организации».

Президент французского Красного Креста, маркиз Лилье свидетельствует: «Имею уверить Вас в полной симпатии французского Красного Креста в пользу успехов конференции в Вашингтоне, которой мы от полного сердца желаем великую успешность».

Камилл Тюльпинк, президент нашего международного союза в Брюгге, пишет: «С глубоким почтением мы храним в архивах союза благосклонное пожелание Папы и Его Величества Короля Бельгии. Также мы всегда вспоминаем высокий интерес, проявленный Лигой Наций, Конференцией по разоружению, французской Академией, Учеными учреждениями и бесчисленными деятелями, которые выразили нам свое сочувствие».

В приветствии Шибаева, секретаря Гималайского Научного Института, кроме прекрасных мнений председателя Гаагского суда Адачи и членов того же суда Антонио Бустаменте, Рафаэля Альтамира и д-ра Лодера, а также президента Императорского Университета в Куюши Мацуура и министра народного образования Нанкинского правительства Чанга, указываются приветственные слова Мориса Метерлинка: «Всем сердцем я присоединяюсь к подписывающим Пакт Рериха. Объединимся вокруг этого благородного идеала всеми нашими моральными силами». Там же приведены и достопримечательные слова д-ра Рабиндраната Тагора, сэра Джагадиса Баше и сэра Рамана, а также профессора Анезаки и покойного первого министра Хамогучи.

Не забудем, что министр народного просвещения Нанкинского правительства Чанг выразился именно в следующих словах: «Пакт представляет собою неисчислимую гуманитарную ценность, ибо сокровища искусства являются мировым достоянием и принадлежат не одной стране. Сожалею лишь о том, что об этом не было помыслено ранее».

Из далекого Тибета лама Лобзанг Мингиор Дордже желает: «Знамя Мира должно получить признание всех правительств. Все должны озабочиться, чтобы это Знамя было признано и законно установлено всеми странами».

Большое ручательство заключено в этих пожеланиях, приветствиях и утверждениях делегатов правительств и глубоких авторитетов международного права. От этих свидетельств уже нельзя отступиться, ибо это было бы позорно для международного сознания, которое выражено было в таких ясных и непререкаемых выражениях. Я привел лишь немногие приветствия и утверждения, но вспомним, что их были тысячи, имевшие за собою миллионы людей. После сказанного, кто же может сказать, что охранение культурных ценностей для него не существенно.

День 15-го апреля является независимой ступенью в преуспехании Пакта. В том же благожелании и дружелюбии накопятся и все остальные ратификации.

Директор Американского музея д-р Пауль Хессемер в своей недавней благожелательной статье справедливо замечает, что если для окончательного

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
установления Красного Креста потребовалось такое продолжительное время, то из этого вовсе не должно следовать, чтобы и Пакт охраны культурных ценностей нуждался бы в таких же необъяснимо долгих сроках. Это было бы позорно для человечества. Вполне естественно, что директор музея особенно принимает к сердцу культурную задачу Пакта. Впрочем, все вышеприведенные мнения правительственные делегатов и авторитетов науки так ясно говорят, что введение Пакта в жизнь не должно быть отложено.

На предыдущей конференции Пакта в Бельгии барон Таубе справедливо закончил свою горячую речь ярким призывом: «Удвоим наши усилия!».

8 мая 1935 г.
Цаган Куре.
Порадуемся

Чему бы такому порадоваться? Не успеешь усмотреть радость, как она превращается в новую заботу. Не успеешь почувствовать победу, как она обращается в новый поход. Кто-то бы сказал, просто беда.

Но какая же такая беда, когда это есть жизнь. Стоит вспомнить целый ряд деятелей времен итальянского Возрождения и удивиться остроте волн, и вниз и вверх взмывающих. Сама пена является только знаком нового накопления. Именно среди этих сильных характеров можно наблюдать, до какой степени остро соприкасалась между собою величайшие их напряжения и происшедшие за ними величайшие достижения.

Лишь в школе жизни, когда никто, казалось бы, не печется о достижениях этих деятелей Возрождения, опять выковывались необыкновенные возможности. Сейчас мысленно вспоминаю несколько определенных примеров, и вместе с их биографиями можно удивляться, каким образом могли создаваться новые решения и возможности, когда, казалось бы, никакого пути уже не было.

Так могло казаться с узкой земной точки зрения. Но у этих сильных мыслью и делом людей путь всегда находился. Находился этот путь в необыкновенной новизне и неожиданности. Уже тогда при несовершенных путях сообщения были слагаемы пути заморские и загорные. Если кому-то теперь кажется что-то неимоверно трудным, то насколько труднее это было когда-то тогда, когда оставалось столько пугающе неизвестного.

Так же, как теперь, когда отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею. Какую же одиссею нужно почтать теперешним людям, чтобы и среди забот все же порадоваться. И порадоваться в полной вере, ибо без веры нет осуществления. Как же подойдут они без веры к высокому и мощному, одно приближение к которому уже может наполнять трепетом? А в вере – все легко. Ведь вера есть, попросту говоря, знание.

И вот по вере, по знанию видно, что можно радоваться. Можно радоваться постоянно новым путям, так же неисчислимым, как неисчислимы светила небесные. Разве только случай приводит к нахождению новых путей? Именно не случай, ибо и случая-то почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложенных возможностей.

Если кто говорит, что дальше так нельзя, то именно в этом «так» он лишь останется правым. Так нельзя, но иначе можно. Для этого «иначе» соберем всю нашу память, очистимся от ненужной ветоши и попробуем посмотреть глазом новым.

Ведь для обычного жильца место представляется изжитым, но стоит прийти к тому же месту новому человеку, – и он найдет в нем новые рудники и новые горизонты. Ибо посмотрит он глазом новым. Вот в этом-то постоянном обновлении, в возможности такого появления и будет заключаться неиссякаемая радость. Если же мы знаем, что этот источник неиссякаем и может быть замутнен лишь нами самими, то, превозмогая себя, мы опять приобщимся к вечным святыням восхождений.

Если кому-то почему-то очень грустно или смутно, то пусть он напомнит себе сознательно и повелительно о том, что радость возможна, что она есть и будет. Кто-то назвал такое утверждение «заклинанием радости». Может быть, это недалеко от истины. Если вы чего-то хотите – вы должны об этом думать и вы должны магнитом сердца привлечь это. Когда вы скажете себе «порадуемся», – это никогда не будет отвлеченным бессмыслицем, но будет лекарством особым

10 мая 1935 г.
Цаган Куре.
Монголия

Хочешь лететь, лети над Монголией. Хочешь опуститься, для железной птицы
всюду место найдется.

Хочешь спешить на моторе – спеши, по всем дорогам и по целине равнинной.
Редко, где можно покрыть такие пространства без препятствий.

Хочешь мерить пустыню верблюжьими шагами – шагай до устали. Никаких
препятствий не предвидится. В достатке будут верблюжьи колючие кустарники.

Хочешь скакать на коне – скачи. О дву-конь преодолевались монголами
огромные пространства. Орды Чингисхана тому свидетельство.

Как будто безводная пустыня, а между тем очень часто почвенные воды совсем
близки. Иногда на два, на три фута уже появляется вода. Кроме того, мы не
раз уже писали о подземных потоках, которые через крупную гальку и валуны
слышны и до сих пор. Хочешь проявить воду – яви, это в твоей власти.

Многие овощи могут произрасти на лесовых и песчаных почвах. Хочешь заняться
ими – займись и получи, что тебе желательно.

Хочешь ли иметь улучшенных коней – скрести местную лошадь с туркестанскими
и афганскими породами. В двух- или трехлетнем прилежании уже получишь
начало следствий.

Хочешь ли иметь улучшенную породу овец и коров – никто тому не
препятствует. Лучшие образцы могут быть очень легко привезены.

Хочешь ли иметь леса в будущем – никто тебе не препятствует. Не только в
древности все эти места были лесоносны, но даже и в недавнем прошлом,
какие-нибудь десять лет тому назад, еще повсюду имелись деревья. Жестокость
невежества их вырубила. Ведь жестокость и невежество о будущем не мыслят.

Хочешь ли иметь образцовое, показательное хозяйство – никто не мешает
немедленно начать образцовые фермы под руководством людей знающих и
благожелательных. Сколько полезного обсеменения, сколько полезного
травосеяния может быть введено в самое короткое время. А как легко может
быть улучшено скотоводство. И школы могут быть при таких образцовых
хозяйствах.

Таким путем, не теряя своих исконных качеств, народ может преуспевать в
истинном продвижении.

Кроме того, всякие домашние ремесла, всякие трудовые артели могут так легко
быть установлены. Во время великих морозов, вынуждены буранных буранов, руки и
народное воображение могут творить множество полезных предметов. Странно
упоминать об этом, но когда вы видите врожденное художество монголов в
плетениях, в узорах, вы понимаете, что легче легкого показать не видевшим
людям, сколько полезного может быть творимо. При этом это все творимо может
быть не отказываясь от своих старинных устоев, не подражая чужому, но
работая в исконном, но сознательном продвижении.

В дружбе с китайским правительством строится Автономная Внутренняя
Монголия. Центр ее в Батухалке, куда от железной дороги ближайшая станция
Кокохото, или Гуйхуачен. Во главе правительства стоит местный князь.
Главным фактическим двигателем является князь Барун Сунита. Все прочие
князья времена от времени съезжаются, чтобы решать течение дел. Автономное
монгольское правительство по договору с Нанкинским правительством решает
все внутренние дела свои.

Хотя минеральные богатства Монголии не использованы, но одни соляные
промыслы от Великих Соленых озер дают, уже сами по себе, крупные доходы.
Всем известно, что Монголия также изобилует хорошими сортами каменного
угля, нефтью, железом и золотом. На присутствие последнего указывают сами
названия некоторых хребтов Монголии. Нам самим приходилось видеть довольно
крупные самородки и золотой песок, намываемый в речных руслах. Приходилось

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
видеть и заброшенные прииски. При этом оставалось неизвестным, брошены ли
они в силу иссякания, или по неумению работать, или вследствие каких-то
прежних военных действий?

Когда-то приходилось писать о неотпитой чаше. Такая же неотпитая, но
сокрытая чаша и сейчас находится перед нами. В разных областях жизни
каждому приходилось встречаться с некоторыми особо сокрытыми
обстоятельствами. Иногда невозможно понять, случайно ли сокрыты
возможности? Впрочем, случая вообще не бывает. Значит, бывает сокрытым
нечто в каких-то больших планах.

Особая бережливость и доброжелательство должны быть применены там, где
почему-то сокрыты прекрасные возможности. Помогать всегда нужно. Идея
помощи и взаимопомощи является самой действенной, гуманитарной задачей. Но
вовремя и в разумных средствах должна быть каждая помощь. Невелика будет
помощь – помочь младенцу обжечься от огня. Пусть опыт нарастает в наилучших
условиях.

Медицинская часть в Монголии пока что находится в руках шведских,
американских, бельгийских и японских врачей, а также и в руках местных
монгольских лам. Вы знаете, как внимательно относимся мы к фольклору и
местным фармакопеям. Но везде должно быть применено как изучение, так и
распознавание, тем более, что, как всегда, во всяких местных сведениях
часто чувствуется какой-то символический, условный язык. Конечно, нужды
населения требуют очень хорошо поставленную врачебную помощь.

* * *

Многосотенные стада дзеренов, часто ходящие вместе с косяками коней,
напоминают, насколько еще разрушительные свойства человеческой руки не
коснулись этих равнин. С общечеловеческой точки было бы особенно жаль, если
бы какие-то новые силы вошли и начали бы здесь применять лишь мертвые
условия механической цивилизации. Лишь в добром опознании местных условий,
лишь в истинном дружелюбии и в настоящем стремлении к строительству можно
найти и взаимность. А вы знаете, что сердце так неопровержимо чует, где
живет истинная доброжелательная взаимность.

Кто-то рассказывал мерзкий анекдот о том, как какие-то проезжающие научали
трудолюбивых монголов кроваво красить губы. Вот такая безответственность
проезжающих недопустима. Если условная цивилизация имеет свои ошибки, то
это вовсе не значит, чтобы именно этими прискорбными обычаями заражать
неповинных в них людей. И так уже много заражений разнесено.

Нужно найти и доброе мышление, и добрый глаз, и доброе действие. Каждый
проезжающий должен нести по пути своем посильную помощь. Может быть, он
едет с ограниченной целью, но благая помощь его может быть безгранична.

11 мая 1935 г.

Цаган Куре.
Жестокосердие

...«Ибо, что блокада не могла отрезать и что было даже проталкиваемо врагом –
это были вести, мертвящие, каждодневные, деморализующие слухи, доносящиеся
об оргии святотатства и вандализма в Риме, о бешенстве фанатического
иконоборчества, о том, что собор Святого Петра обращен в конюшню и
ландскнехты ставят своих коней в Станцах Рафаэля в Ватикане, об извержении
из гробницы тела Папы Юлия, об отрубании голов Апостолов, о шествии лютеран
с копьем Святого Лонгина, о святотатстве над платом Святой Вероники, о
вторжении в Святую Святых, оочных бесчеловечных жестокостях, о кардинале
в шутовском погребении и воскресении в своем гробе, об убиении аббата за
отказ отслужить мессу мулу; весть за вестью, доходящие до трещины в куполе
и проверенные ежедневно своими глазами на процессиях священнослужителей,
проходящих по улицам к местам их продажи и кульминирующих в ночном
конclave пьяных ландскнехтов, под стенами самого замка кощунствовавших над
мессой...» Так рассказывает историк о разграблении Рима испанцами и
ландскнехтами при Папе Клименте.

Другой очевидец добавляет: «Голод и чума следовали за вторжением. Город был
истощен, и армии грабили уже не из-за золота, но для хлеба, разыскивая его
даже в постелях больных. Молчание, пустынность, зараза, трупы, разбросанные
здесь и там, потрясали меня ужасом. Дома были открыты, двери выломаны,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
лавки пусты, и на опустелых улицах я видел лишь фигуры озверелых солдат».

Приводим строки из описания именно этого очередного разграбления Рима, ибо о нем, сравнительно с другими вторжениями, обычно рассказывается мало. Обычно в школах знают, что Папа Климент должен был провести некоторое время в замке Св. Ангела, но действительные ужасы вандальства и святотатства не упоминаются. При этом и император, и прочие короли не считали это даже войною. Если мы вспомним другие документы этого же злосчастья, то увидим, что при некоторых дворах это отмечалось как печальный, непредвиденный эпизод. Когда же прибыли испанские уполномоченные для урегулирования положения, то и они, совместно с генералами грабившей армии, не могли сразу овладеть положением; до такой степени вандальство, озверелость и кощунство овладели испанцами и ландскнехтами.

Откуда же могло произойти такое ярое кощунство и жестокость? Оно, конечно, произошло от жестокосердия вообще. Но откуда же вдруг могло вспыхнуть такое неслыханное жестокосердие? Разгорелось оно, конечно, от ежедневной грубости. Мы все знаем, как незаметно вторгается в жизнь зараза грубости. Начало хаоса проявляется всюду, где, хотя бы на минуту, забыто продвижение. Нельзя же на мгновение оставаться в прежнем положении, – или вниз, или вверх. О нравах ландскнехтов и других военных наемников достаточно написано литературных произведений и накоплено всяких хроник. Вот из этой повседневной грубости, питаемой и дозволенной, и вспыхивает безобразнейшее кощунство, святотатства, всякие вандализмы и всякие ужасные проявления невежества.

Пароксизмы невежества, уже не раз отмечалось, прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить «место пусто». Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью. Ведь где кончается одно и начинается другое и наоборот, отмерить очень трудно. И вообще меры весов невежества неисповедимы.

Если жестокосердие порождается каждодневно грубостью, то как же заботливо нужно искоренять из каждого дня всякое огрубение. Как трудолюбиво нужно изъять эти, хотя бы маленькие, огрубения из всякого быта. Ведь всякая грубость совершенно не нужна. Даже дикие животные не укрошаются грубостью. При всяком воспитании грубость уже давно осуждена как не дающая никаких полезных результатов и только продолжающая поколения грубиянов.

Когда мы читаем исторические примеры всяких несчастий, произошедших, в конце концов, от повседневного огрубения, когда мы видим, что эти несчастья продолжаются и до сего времени, то разве не нужны спешные меры, чтобы и в школьном, и в семейном быту предохранить молодежь! Непроявленному хаосу чувствований нетрудно заразиться всякою грубостью. Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они нелитературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения не литературны, и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это случится, то, даже в самом примитивном жилье, это будет названо гадостью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов? Разве сквернословие не есть просто дурная привычка? Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?

Привычка грубоствей, сквернословий и кощунства развита до такой степени широко, что ее даже попросту не замечают. Если люди вспомнят все существующие кощунственные анекдоты, вызывающие такой потрясающий хохот, то не покажется ли странным, что сегодня эти же люди идут во храм, якобы для молитвы, а назавтра лишь ухищряют свое потрясающее сквернословие?

Никто не будет отрицать, что грубость вторгается очень незаметно. Давно сказано – «Сегодня маленький компромисс, а завтра большой подлец». Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью. Невозможно представить себе ничто более бессмысленное, нежели сквернословие.

часто люди фарисействуют, будто бы болея о потере чистоты языка, но разве сами они не потворствуют подчас именно этим нелитературным отбросам и загромождениям? Среди всякого сора – заразительная грязь грубости порождает ужасные микробы, и они разражаются целыми губительнейшими эпидемиями.

Разве так уж трудно не грубить, не сквернословить, не проявлять бессмысленную жестокость? Вовсе нетрудно. Но среди просветительных учреждений, от низших до высших, от младших до старших, всюду должны быть отставлены все признаки грубости.

18 мая 1935 г.
Цаган Куре.
Самонужнейшее

Что же делать? Нужно делать самонужнейшее. А разве мы не делаем именно это нужнейшее в каждойдневной работе? Конечно, всякая сознательная работа – уже нужнейшая, но бывают настолько сложные и уплотненные времена, что и среди нужной работы следует выбирать наисамонужнейшую.

Как же уследить, которая работа будет наиболее неотложной? Даже если будем применять и внимательность, и заботливость, о чем так много всегда говорилось, то все же не может ли случиться, что особая спешная работа может потонуть в рутинных занятиях? Вот именно это обстоятельство и приходится особенно иметь в виду в дни особых сложностей.

даже и среди рутинных занятий как будто нет таких, которые бы можно назвать ненужными. Иначе они были бы вообще изъяты из трудового обихода. В настоящем обиходе ведь все как будто нужно и не излишне. И все же так зорко нужно уследить за всем тем, что является в данный момент руководящим.

В морском деле существует приказ «действовать по способности». В такие ответственные минуты каждому поручается проявить лучшие свои способности познания, находчивости и мужества. Этим многозначительным приказом как бы вызывается из недр существа чувство особой ответственности и высокой обязанности. Приказ апеллирует к лучшим качествам души.

Но может быть и другой приказ, переносящий внимание не только на личные качества, но именно на окружающие обстоятельства. Такой приказ может гласить «действовать по надобности». В нем, вызывая в себе лучшую находчивость и подвижность, придется облечь себя в ответственность, в такую ответственность, которая позволила бы правильно судить об окружающих обстоятельствах.

деятель должен взять на себя решить, действовать ли ему, или, для пользы дела, выждать. Такое выждание тоже будет своего рода действием. Ведь оно не будет просто медлительностью, преступным промедлением и отложением – оно будет лишь координацией многих, незримых для других людей, обстоятельств. Если же деятель решает действовать, то как же осмотрительно и неотложно он должен избрать лучшие пути действия. Ведь колеблющийся перенос удара уже во время нанесения его лишь ломает даже самое лучшее оружие. Неопытный рубака может раздробить самый ценный клинок.

Среди множества представляющихся действий не так-то легко деятелю избрать наиближайшее и наинужнейшее. Говорят, что опытность даст скорый расчет. Но, может быть, вернее сказать, что опытность даст наилучшие чувствования. Сколько раз обманывает расчет и сколько раз торжествует справедливое чувствование.

Воспламененный и окрыленный чувствованием деятель может разобраться во всем комплексе создавшихся обстоятельств. Все эти дела дней сих как будто одинаково нужны, как будто и неотложны, и насущны. Но это лишь мираж. Среди них есть и старые, уже изжитые пути, но, конечно, имеются и новые, живоносные. Тот, кто, несмотря на всякие опасности и препятствия, усмотрит живоносность, тот уже уследит и самонужнейшее. Он не удивится, что это самонужнейшее будет окружено наибольшими опасностями и трудностями. Ведь тыма будет особенно насторожена там, где просто является жизнь.

Выбрать самонужнейшее никогда не значит полюбить наилегчайшее. Самонужнейшее не будет наилегчайшим. В миражах всякой легкости достижения будет нехорошая майя. Даже в сказках всегда предлагаются три пути, причем

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
путь с наименьшую потерю будет самым малым. Где велика ставка – там и
большое нахождение. Там и ручательство.

Кто-то скажет, но ведь это в сказках. До сказок ли сейчас, когда сердце разрывается от тягостей жизни? Но в тех же сказках всегда говорится – «скоро сказка сказывается, не скоро дело делается». Тем самым достаточно показывается, что между словами сказки остается много нерассказанного дела. А ведь где дело перед действием, там и много трудностей.

В исторических повествованиях мы видим обычно лишь символические иероглифы достижений. Видим, так сказать, барсовы прыжки. Но даже самому могучему барсу сколько приходится преодолеть, прежде чем он может сделать победоносный прыжок. Когда барс лежит, накапливая грядущий прыжок, разве он бездействует? Шакалы своим воем и визгом сопровождают все свои намерения. Но ведь это шакалы.

Из звериных примеров нужно выводить представление о какой-то кровожадности в действиях. Кровожадность уже – грубость и жестокость, и потому она неуместна в обиходе грядущего. Истинные, достойные действия всегда будут именно далеки от жестокости и кровожадности. Но в них будет твердость и неуклонность. И еще будет и стремление, и нахождение новых путей. Даже колодцы на путях иссякают. Нужно время, чтобы влага вновь набралась из почвы. Если место колодца выбрано правильно, то влага непременно собирается; лишь дайте нужное время для этого нового образования. И в то же время не обрушьте в колодец грязного мусора. «Не плюй в колодец – придется воды напиться».

А сколько раз неразумные путники ухитрялись наплевать в свой же колодец, в надежде, что им-то не придется более воспользоваться этой водой. А выходило как раз наоборот.

Знаю, что вы очень напряжены, чувствую, что самонужнейшее где-то очень близко и требует сосредоточения всего внимания. В природе бывают такие настороженные моменты. Перед своим наибольшим взрывом природа точно настороживается и даже замолкает. Путники знают, как перед бурей замирает ветер, а кто-то неопытный примет эту тишину как лучший момент для прогулки.

Знаю, что нельзя не волноваться внутренно, когда стучится самонужнейшее. Именно стучится, отбивая этот внутренний стук и во внешних ударах настоящего часа. Где внутренно, а где уже и внешне закипают эти наслоения. В кипении и в искрах, и в брызгах раздробляется лик самонужнейшего. Сколько признаков могут быть приняты именно за то, что лучше всего и неотложнее всего. И где мера великих или малых признаков?

Каждый может поведать множество историй о том, как люди не опознавали самое для них наинужнейшее. Когда же оно уже проходило и было безвозвратным, только тогда эти слепцы прозревали и хватали себя за волосы.

При каждом отбытии океанского судна вы, непременно, увидите жалобную фигуру опоздавшего. Но корабль уже отошел, мостки давно сняты, и жалкие жесты оставшегося сливаются с развевающимися платками проводивших. А ведь, может быть, этот опоздавший должен был плыть именно на этом корабле, но задержало его ничтожнейшее обстоятельство. Так многое самонужнейшего надвинулось. Гремят все приказы: «действовать по способности», «действовать по надобности», «действовать по неотложности».

В троекратности действия – по способности, по надобности, по неотложности уже обозначаются черты самонужнейшего. В этих благородных напряжениях найдется оно – таинственное и неизбежное самонужнейшее. Чем моложе сердце, тем оно скорее ощутит зовы этого самонужнейшего. А ведь молодость сердца исчисляется не количеством лет. Сколько бывает дряхлых и замороженных сердец у еще только вступающих в жизнь. Сколько бывает сердец, отемненных беспринципиона грубостью и жестокостью, когда они выражают свое жестокосердие во всех повседневных методах действия. Даже так называемые незлые люди иногда могут быть очень жестокосердными. Но это свойство заслонит от них лик самонужнейшего. С однобокими мерами не подойти к самонужнейшему. Даже собрав все накопления, и то можно почувствовать недостаток твердых, объемлющих выражений.

Самонужнейшее прежде всего требует для своего опознания объемлемость, требует синтез, который всегда будет истинным признаком культуры. Вы можете

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
справедливо настаивать на том, что задачи культуры всегда будут являться главными чертами наинужнейшего. Это правильно. Но и среди задач культуры одни будут как бы задачами многолетними, а другие будут требуемыми неотложно, мгновенно. Опять придется разобраться в сердце своем, которая же из этих лучших задач, в свою очередь, будет самонужнейшей?

Думайте, думайте, думайте! Самонужнейшее требует напряжения мысли. Лишь в напряжении этой энергии вспыхнет огонь, в блеске которого самое, казалось бы, скрытое самонужнейшее выявится вдруг. А размеры этого грозно-прекрасного лика не ужаснут, но привлекут и наполнят сердце новою победою силою.

«И как над пламенем грамоты тайной неясные

строки вдруг выступают,

Так выступит, вдруг, пред тобою видение».

20 мая 1935 г.

Цаган Куре.

Народный учитель

На недавнем съезде английского национального союза учителей председательствовал народный учитель Браун из Соммерсета. Одно это обстоятельство, что народный учитель из далекого местечка избирается председателем, уже показывает всеобщее уважение к этому педагогу. Действительно, в своем президентском обращении этот народный учитель высказал несколько положений, имеющих приложение во всем международном объеме. Приведем несколько положений из этой речи:

«Полагаю, что должно быть государство, в котором будет приложено справедливое распределение справедливого блага, касаясь ли богатства, отдыха, счастья, здоровья. Но затем и еще более существенно, это должно быть такое государство, в котором все жертвуют и планомерно, и глубоко кооперируют в создании и в росте этого „общего блага“».

«Это не может быть совершено в одном поколении. Оно нуждается в усилии твердом и мудро распределенном. Нужно образовывать народ – если хотите, пропагандой – и возбуждать энтузиазм».

«Должна быть законодательная планомерность, промышленная планомерность, торговая планомерность, здравоохранение и, поверх всего, образование в его широчайшем значении – лишь это сделает народ готовым для мира, в котором они живут, и образует в народе желание и способность совершенствования. Я обращаюсь о планомерности образования для будущего».

«Когда некая политическая или все политические партии поставят образование не только на первое место в их программах, но на первейшее место в их практике? Вместо никчемных мудрствований о настоящем, почему они не могут твердо и благородно утвердить план для будущего?»

«Обычный человек и женщина желают лучшей жизни для своих детей, нежели та, в которой им пришлось жить. Они, конечно, подавляюще благожелательно ответят на справедливое возвзвание. Энтузиазм для великого образовательного движения может быть легко поднят. Средства могут найтись. Они должны быть мобилизованы и использованы. Религия, искусство, наука, здравый смысл – все будет участвовать. С церковных кафедр, с платформ, в прессе, на сцене, через радио разум будет убежден и сочувственно пробужден».

«Общественная политика в образовании – когда бы мы такое имели – была бы сознательной политикой для приложения будущего поколения к нуждам настоящего. Но, поистине, следовательно бы заботиться о том, чтобы дать каждому новому поколению способность встретиться на новых путях, с новыми условиями. Если мы действительно хотим образовывать народ, это должно быть признано».

«Также должна совершиться не только перемена в политике, но и перемена в самом сердце. Идея, что дети разных общественных классов должны быть воспитываемы в школах разного типа, утверждает касту и делает народность недостижимой. Обычно это не что иное, как глубокий снобизм. Вы не можете образовать народ, воспитывая его на классовых предрассудках и утверждая

«Можно сказать, что способ образования, даваемый в начальных школах, должен быть дан в лучших методах и установлен так, чтобы образовать всего человека – тело, разум и дух. Но это препятствуется многими несовершенными условиями и не очень-то продвигается. Удалите эти неудобства, и получится образование, пригодное для ваших будущих граждан, которое даст им более полную и лучшую жизнь».

Не знаю, сошлись ли бы мы с педагогом-председателем во всех деталях, но основная его мысль должна быть близка всему миру. Действительно, школьное образование, в сущности своей, не должно привязывать учащихся только к прошлому, но должно делать их вполне вооруженными, чтобы светло встретить улыбку грядущего. Как раз эту мысль утверждали мы в советах нашему Институту Объединенных Искусств и Международному Центру Искусств.

Самое страшное это повернуть голову человека назад – иначе говоря, удушить его. В старину говорили, что дьявол, овладевая человеком, всегда убивает, повернув его голову назад. То же самое выражено и в обращении жены Лота в соляной столб. Она, вместо того чтобы устремляться в будущее, все-таки обернулась назад и мысленно, и телесно окаменела. Та же мысль выражена и во множестве других убедительных образов. И, несмотря на все, в практике жизни и в школьном образовании она никогда почти не применяется.

Следует приветствовать каждый голос, который так или иначе устремляет нас в будущее. Так же справедливо говорит английский педагог, что начальное образование, конечно, должно быть единообразным. Так же точно единообразно от младенчества нужно закладывать в юные сердца светлые основы прошлых достижений, но в устремлении их в грядущее. Истинный сын своей страны тот, кто хочет ее улучшения и совершенствования, который понимает, что без совершенствования будет лишь отступление и регресс. Или двигаться вперед, или отступать. Стоять на месте невозможно, это сказано и повторено.

Главное же, нужно взаимно утвердиться в доброжелательных поступательных намерениях. В подробностях всегда можно сговориться. Если человеку от малых лет будет внушена светлая терпимость, он всегда найдет основу уважения к своим сотрудникам. Стоит лишь восчувствовать эту общую созидательную и поступательную основу, как и все прочие проблемы покажутся лишь техническими подробностями.

Мне уже приходилось не раз отмечать прекрасные суждения педагогов Америки, Индии и Европы, произнесенные во время всевозможных съездов и конвенций. Также приходилось горестно отмечать все те утеснения, которые так часто выпадают на долю учителей. И в этом нужно найти общий фронт, чтобы преобороть всякие темные трудности.

Английский педагог правильно замечает о том, что не только формальное законодательство должно быть изменено, но должны произойти и благие перемены в самом сердце, в сердечных чувствованиях. Без этих здоровых сердечных устремлений каждое законодательство – форма останется лишь мертвым грузом. Но чтобы могло совершиться это чудесное изменение самого сердца человеческого, нужно всем, кто мыслит о культуре, – всем нужно объединиться и поддержать друг друга в светлом образовательном движении.

Общественное мнение нужно воспитывать и образовывать. Общественное мнение закладывается в школах, от первых школьных занятий. Итак, если все учителя мира помысят о том, что так неотложно нужно всему человечеству, то и построится тот храм общественного мнения, тот Музейон всех Муз, который всегда будет светлым маяком для ждущих, ищущих и совершенствующихся.

Привет английскому педагогу, привет всем учителям, идущим к той же вершине труда, терпимости и совершенствования.

Уэллс правильно замечает:

«Ни один завоеватель не может изменить сущность масс, ни один государственный деятель не может поднять мировые дела выше идей и способностей того поколения взрослых, с которым он имеет дело. Но учитель – я употребляю это слово в самом широком смысле – может совершить больше, нежели завоеватели и государственные главы. Они, учителя, могут создать новое воображение и освободить скрытые силы человечества».

Именно учителя, в стремлении к миру всего мира – к Культуре – могут совершить завоевание, мирное и великолепное.

31 мая 1935 г.

Цаган Куре.

Летопись искусства

Не поспулимся выписать первую страницу курса Истории Русского Искусства, читанного профессором Айналовым на Историко-филологическом факультете Петроградского университета в 1915 году. Обратите внимание, что эти слова сказаны в 1915 году.

«Я предпринял чтение настоящего курса по той причине, что убежден в важности научного знакомства с древнерусским искусством не только для студента-филолога, но и для всякого образованного русского человека. История говорит нам о деяниях, но часто за ее повествованием скрыты от нашего взора культура и быт страны. И вот, в то время когда греческая и римская история преподаются параллельно с греческим и римским искусством и древностями, преподавание русского искусства и древностей опущено нашей университетской программой, не считается обязательным знанием для филолога с университетским образованием, а в русском древнем искусстве он не находит для себя важного дополнительного знания, способного пролить яркий свет на историю и быт древней Руси. Причины этому обстоятельству сами по себе понятны. Недостаточность студии в области древнерусского искусства, неразработанность многих отделов наших отечественных древностей и искусства – вот главные причины тому, что древнерусское искусство не читается с кафедры. Кроме этой главной причины, есть и другая, имеющая основу в первой. Незнание своего древнего искусства повело уже издавна к ложному представлению о нем; в древнерусском искусстве видели, да и теперь еще многие видят, лишь одно варварство, мало поучительное для русского человека, в особенности если поставить его наряду с искусством античной Греции или с искусством эпохи Возрождения».

«Еще в 1866 году знаменитый Буслаев опровергал ложные представления о древнерусском искусстве, как западных, так и отечественных ученых, почерпавших свои сведения из отзывов иностранцев о национальном русском искусстве. Так, например, в общераспространенном труде Карла Шназе „История Образовательных Искусств“, сделавшемся классическим в известное время во всей Европе, равно как и у нас в России, и переведенном на русский язык, отзыв о русском искусстве стремится вызвать прямо враждебное недоверие и боязнь к России. Здесь мы видим и первобытную дикость народов, и неспособность к восприятию христианских понятий, и необозримые степи и болота, и трескучий мороз, и полярные ночи без рассвета, и титаническую борьбу с суровой природой и с дикими зверями, одним словом, все зверское, дикое и безотрадное, сгруппированное вместе, чтобы дать следующую характеристику нравов – „отсюда смесь как бы противоречивых качеств: наклонность к покойному досугу и к возбудительным чувственным удовольствиям, способность к механической работе при недостатке собственных идей и возвышенных порывов, почти сентиментальная мягкость чувств при грубой бесчувственности, колебание между благодушием и суровостью, между раболепием и патриархальным чувством равенства“...

«Русские города кажутся Шназе безобразною смесью куполов и башен, и русская архитектура хуже магометанской. Архитектурные здания отличаются своею пышностью, пестротою, произволом и влиянием чуждых форм и взглядений; церковные образа ужасают своею мрачностью, они боязливо придерживаются первобытного предания, в силу деспотизма князей, которые приказали писать иконы так, как писал их монах XIV века Андрей Рублев. В русском искусстве не нашло себе соответствующей формы глубокое настроение духа, проникающее всю жизнь и запечатленное чувством Божества. Божество является русскому в чувственных, ужасающих формах. В Новгороде на одном изображении читалось: „смотри, как ужасен Господь твой“, этим вполне выражается чувство этого народа».

«Такие же превратные суждения о русской культуре и искусстве высказывают ученые Куглер и Эрнст Ферстер. К этому наш замечательный Буслаев справедливо замечает:

«Я вовсе не имел бесполезного намерения доказывать общеизвестную истину, что иностранцы нас мало знают, но полагал, что принять к соображению эти

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
мнения будет не бесполезно для того, чтобы по достоинству оценить их
отголоски в нашем отечестве и вместе с тем возвратить их кому следует по
принадлежности».

Только подумайте, что всего двадцать лет тому назад профессор Айналов
справедливо мог начать свой курс Истории искусств, как сказано выше.
Поистине, несмотря на все произшедшее с тех пор, мы, русские, все же должны
сказать, что История искусств наших все еще не написана.

«История искусств» Гнедича, «История Русского Искусства» Никольского,
«История Русской Живописи» Бенуа, множество отдельных хороших статей по
разным предметам искусства, наконец, неоконченный труд по Истории Русского
Искусства под редакцией Грабаря – все это представляет отдельные части
летописи Русского Искусства, все еще не сведенной в целое.

Все еще в разных странах мира появляются самые странные суждения о русском
Искусстве и о Русской Культуре. Правда, становятся известными как отдельные
течения Искусства, так и отдельные личности, но все это остается и
разрозненным, а главное, недоступно разбросанным. В результате же и
посейчас можно видеть хаотические и вредно превратные суждения.

Что бы ни происходило в мире, какие бы ни наступали потрясения, но летопись
Культуры должна протекать неприкосновенно. Истинные ценности человечества
должны быть не только охранены, они должны быть рассказаны со всем
справедливостью и обоснованностью. Ведь не нуждаемся в легковесных
восторгах и не заслуживаем несправедливого, неосновательного оплевания.
Каждое приближение к русскому Искусству, начиная от его древнейших
периодов, для внимательного исследователя даст необыкновенно разнообразный
и увлекательный материал.

Об искусстве ли думать?! Да, да, именно об Искусстве и Культуре нужно
думать во все времена жизни, и в самые тяжкие. Во всех условиях нужно
хранить то, чем жив дух человеческий. Для того же, чтобы хранить, нужно
знать это сокровище, а для знания нужно изучать.

Ведь о блистательном творчестве, о вдохновенных творениях нужно, при
основательных знаниях, найти и увлекательный, достойный этих сокровищ,
язык. Летопись искусства не будет только археологическим изданием, так же
как не будет поверхностным восхвалением или самочинным оплеванием. Здание
такой летописи должно быть стройным, возвышенным, так как и самый предмет
его в основе своей является предметом священным, вдохновляющим,
возвышающим.

Как бы ни была трудна и сложна такая задача, но все же достоинство народа
требует, чтобы всякая преднамеренная несправедливость была заменена
основательным утверждением. Разве справедливо, что и Культура, многогранная
и увлекательная, творчество шестой части мира, не рассказана во всем своем
синтезе? На пятистах языках создавалось это творчество. Самые лучшие
увлекательные образы древности вносились в него и усваивались в этом
богатейшем конгломерате. Там, где есть что рассказать во имя
справедливости, там оно должно быть сделано, несмотря на все кажущиеся
трудности. Молодые исследователи искусства найдут в себе прекрасные слова и
заключения, чтоб свести воедино сокровище, которым обладает великая страна.

Надобность такой справедливости летописи искусства, во всем его
многообразии, становится очевидной перед лицом всего мира. Если же что-либо
становится настолько очевидным, то найдутся и средства к исполнению этой
огромной задачи. Пусть еще одно благожелательное, справедливое исследование
– истинная летопись, осветит в глазах всего мира Искусство Русское.

5 июня 1935 г.
Цаган Куре.
Доверие

Письмо Ваше говорит о доверии. Вы справедливо спрашиваете, как же, наконец,
объяснить всем, всем, всем неотложную нужность доверия.

Вы понимаете, как доверие необходимо на всех созвучных путях. «Без согласия
дом не строится», а согласие уже есть доверие. Если трудник в сердце своем
знает о сотруднике, что тот делает именно так, как надо, – это уже и будет
знаком доверия.

Такое понятие, как доверие, нельзя выразить никакими наставлениями, а тем более указами. Его надо почувствовать. Или оно имеется налицо, или его нет. Если оно не зародилось, то ничем и никак вы его не надстроите. Всякое чувство строится на очень прочном сердечном фундаменте. Если фундамент не сложится, то вся постройка будет насыпучем песке и не принесет ничего, кроме огорчения.

Доверие настолько есть чувство, что оно не нуждается в очевидности. Можно восчувствовать доверие к чему-то или кому-то, никогда и не видев этого дела или это лицо. В своих обстоятельствах доверие похоже на убедительность. Совершенно также убедительность является, как высшее видение, как непреложность. В ней есть и вера, и сознание настоящей реальности. Те же самые обстоятельства непременно нужны при образовании доверия.

Элементы доверия настолько благотворны, что без них, действительно, нельзя себе представить никакую постройку, будь она земная или духовная. Доверие будет прочным цементом всякого духовного строительства.

Вы и сотрудники Ваши совершенно правы, озабочиваясь, как естественнее всего взаимно пребывать в доверии. Ведь можно вместе читать книги, можно вместе слушать лекции, можно обоюдно доброжелательствовать и все же не быть твердо уверенными в обоюдном доверии. Проверять доверие следует на всяких жизненных вопросах. Каждый должен спросить себя, может ли он совершенно быть спокойным за своего сотрудника так же, как за самого себя?

Сказано «не желай другому того, чего себе не желаешь». В полной мере это положение применимо в рассуждении о доверии. Так же точно сотрудники должны быть обоюдно спокойными, поручая друг другу какое-либо добротворчество.

Если где-то зашевелится подозрение о том, сможет ли сотрудник выполнить поручение во всем высоком качестве, то это уже покажет, что доверия или нет, или оно очень призрачно. Конечно, нужно думать о доверии. В этих мыслях уже будет утверждаться возможность зарождения доверия. Когда вы будете знать, и знать неотступно, насколько непременно нужно доверие при каждом общении, то вы и будете анализировать свои чувства и мысленно обострите их в благую сторону.

Когда говорим про анализ чувств, мы не будем предлагать какое-то обдуманное мучительство чувств. Всякое такое насилиование уже будет уродством – безобразием. Анализ чувств может быть лишь в утверждении их и в обнаружении их зачатков. Одно – обнаружить зачаток, а другое – насиливать и искривлять его.

Мы столько раз обменивались с Вами соображениями о значении и о силе мысли. Вот эту силу мысли и нужно обнаружить при Вашем благом устремлении к укреплению доверия. Не ищите его лично и в самости. Пусть оно цветет на непреложных фактах. Доверие не может расцветать на пустом месте и о пустом месте. Для него нужна действительность не предполагаемая, но доказанно осязаемая.

Иногда люди скажут: «Тут что-то есть таинственное». Это еще не будет осуждение. В просторечии таинственность является синонимом силы и убедительности. Иначе говоря, люди хотят сказать: «В этом что-то есть». Французы очень хорошо умеют характеризовать это нечто несказуемое, но действующее и существующее. Упоминаю о довольно излюбленном в обиходе слове «тайинственность», как о примере, что некоторые своеобразные определения не противоречат понятию доверия. Также, если люди скажут: «Тут что-то неспроста», – это тоже будет своеобразным признанием.

Не однажды в литературе говорилось об обезьяниных ласках. Подобно же можно выразиться и о всяких своеобразных определительных, которыми люди иногда хотят выразить ощущение чего-то особенного. Ведь все неособенное у тех же людей не заслужит ни внимания, ни доверия.

Могут быть восстания против всего особенного. В страхе и в ужасе невежества кто-то захочет, чтобы все сущее стало бы неособенным, забывая, что тем самым он вычеркнул бы из бытия и возможности всех блестящих открытий, которыми сам же он так любит пользоваться. Какие-то изувверы в разных областях могут волить против всего особенного, иначе говоря, – против всего, чего они не знают. Но это будут лишь пароксизмы невежества. Все же

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
находящееся на путях культуры отлично понимает, что неособенное есть смерть и тление, а особенное есть жизнь и преуспеяние. А разве сама жизнь, в ее несказуемой тайне, не есть высшая особенность?!

В построении доверия вы проявите высшую меру доброжелательства. Помыслите о таком доброжелательстве, которое называется оптимизмом. Ведь границы между этими понятиями совсем неприметны. Сад прекрасный, рассадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма. Пусть себе кто-то ухмыляется. Можно привести из Пушкина, Гоголя, из Чехова многие примеры, когда в убедительных словах говорится о необходимости доверия и справедливости.

Прочно взращенное доверие будет справедливо. Ошибки могут быть лишь там, где была какая-то неосмотрительность и небрежность. Дом, построенный крепко, и будет прочным, и будет служить надолго. Радостно, что вы мыслите о том, что является прочным цементом для строения человечества.

11 июня 1935 г.

Цаган Куре.

Время

В фатех-Пур-Сикри, в покоях супруги великого Акбара, еще различимы следы стенописи, так возносящие мысль, столь объединительные. Многие возвышения мысли протекали под этим кровом. Сокровищница, внешне безмолвная, но духовно красноречивая, оставлена грядущим поколениям. Да сохранятся знаки места сего. Для кого-то они будут лишь полуистертymi остатками фресок, но внимательный глаз различит неожиданные, так много говорящие ищущему сердцу облики. Эти вещественные останки скажут и подтвердят догадки историков о том, как широко мыслил Акбар и его супруга, – недаром около них выросло столько легенд, предположений и увлекательных сказаний.

Китайский путешественник VII века сообщает о том, что в городе Кушании, в долине Зарафшана, недалеко от Самарканда, он видел «большое здание, где на северной стене были написаны красками портреты китайских императоров, на восточной – портреты турецких каганов и индийских владетелей, на западной – изображения царей персидских и римских». Это известие дает наглядное представление о мировой роли Туркестана, о необыкновенной широте международных связей и представлений. Может быть, ни в какой другой стране тогдашнего мира не было возможности к такой широте кругозора.

Во многих развалинах, в древних храмах, на так называемых «пустых местах», занесенных барханами, отыскиваются ценнейшие лоскуты папируса. На древних монетах, на украшениях читаются иероглифы жизни, также широко задуманной и отображеной в великих символах. Внимательный глаз всегда рассмотрит не обедняющие, но умножающие знаки, донесенные нам с истоков человечества. В славянских церквях – изображения греческих философов. Нимбы над Лао-цзы и Конфуцием. Можно приводить множества примеров исторических фактов, которые, наверное, лягут для будущих исследователей в новые, расширяющие границы.

Обычно история доносит нам даже очень сложные движения народов в кратчайших, обезличенных начертаниях. Лишь подготовленный к историческим процессам ум рассмотрит в кратких словах целые трагедии, целые геройские подвиги и, во всяком случае, сложнейшие, длительные переживания.

«Бумын не был сперва каганом, но женился на китайской принцессе, разбил войско жужаней и назвался каганом».

«Бабур, изгнанный врагами на высоты Памира и Гиндукуша, многолетнею работою подготовил себе путь в Дели».

«Амбагань из киданьского старшины превращается в императора с титулом „Небесного Государя“.

«Роман Диоген из простого военачальника вырастает в императора».

«Мать Чингисхана напоминает сыну своему, что лишь его тень является его союзником, но вследствии он же избирается монгольским хурулданом вселенным императором».

«В Акшаке (Описе) династия была ниспровергнута и власть перешла к Кишу: Азагбау, содержательница питейного дома, основала Киш и воцарилась».

Можно выписать целую книгу из таких исторических справок. Точно бы в сказке. Все это делается, превращается, вырастает – прямо как на магическом манго вырастают фрукты. Но ведь и простые факиры употребляют много знания и ловкости, чтобы зрители увидели на подрастающем на глазах их дереве даже плоды. Это упражнение требует многолетних испытаний и опыта. Так же точно и скрупульно отмеченные в истории превращения требовали в жизни многолетнего, неустанного и необыкновенно находчивого устремления. Та же история скрупульно отметит о том, как некто нечто удачно предусмотрел. Но и предусмотрения эти многоопытны.

Вы говорите о времени, потребном для каждого строения. Правильно, конечно, время требуется. Никакое дерево вне времени не окрепнет. Но можем ли мы сказать, что в течение этого времени все мускулы и нервы этого дерева не будут в постоянном напряжении. Наблюсти рост хотя бы одного дерева, это будет уже поучительнейшим наблюдением, годным для всех жителей образований. Заглянуть в нарастания корней, ежечасно борющихся со всеми каменными препятствиями, уже будет прекрасным примером для каждого вступающего в жизнь борца за добро. Кто-то скажет, что и дерево засыпает на зимнее время. Но посмотрите, разве весною вы найдете то же состояние корней. Даже в зимнее время они уже изменились и приготовились для нового продуктивного периода.

Растительный мир может подсказать множество полезных для людей соображений, прежде всего напоминания, как может быть и должно быть использовано время. Каждый знает, что для каждого роста нужно время, но никто не сможет утверждать, что это время может быть убито и потеряно зря. Вам приведут в пример медведя, засыпающего в своей берлоге. Но ведь для незнающих людей такое засыпание будет лишь проспанием времени. Будьте покойны – и в животном царстве решительно все бывает целесообразно использовано.

Одной из первейших задач культурных учреждений будет наставление о разумном использовании времени. В этом отношении люди прежде всего не имеют права оказаться безумными мотами.

Не только вы сами будете изыскивать наилучшие способы использования времени, но вы можете окружающую вас молодежь убедить полюбить это разумное использование. Ведь в этом создастся тот видимый и невидимый труд, который сохранит постоянную молодость и бодрость духа. Ведь не только для каких-то выслушиваний вы сходитесь. Из ваших собеседований должно вырасти делание. Если кто-нибудь скажет, что по условиям местным делать было нельзя, – он ошибается.

Делать можно во всевозможных условиях. Нет таких условий в жизни, которые обрекали бы человека на неделание. Примеры тому можно найти даже в тюремной жизни, когда заключенные, казалось бы, лишенные всякой свободы, не только писали в заключении прекрасные книги, но изощряли себя во многих усовершенствованиях. Недаром издавна говорилось, что нет слова «не могу», есть слово «не хочу».

Будьте уверены, что если из ваших встреч и собеседований вырастут высокополезные творческие кооперативы, артели, школы – именно всякое такое делание будет всем вашим друзьям особенно близко и ценно. Если вы, как истинные сестры и братья милосердия, найдете возможность помочь вашим близким на всех наиболее ценных путях жизни, то не премините это сделать.

Как только начинается делание, то и время для него находится. Забудем навсегда вредное самоуспокоение о том, что будто бы не было времени. Время-то, конечно, было, но кто-то растратил его, размотал, выпил его за чашкою чая. Лежебок, соня, лентяй во всем народном эпосе отмечен как один из самых позорных типов. Но ведь эти свойства бывают в жизни так часто. Если, хотя бы однажды, человек осознает всю ответственность свою для разумного использования времени, то это качество уже обосновуется в нем. Оно сделается тою сердечной радостью, которая осветит и осенит все закоулки его жизни.

Время есть делание. Время есть мысль. Во всем своем условно-земном значении время является синонимом множества полезнейших и необходимейших для усовершенствования понятий. Если обсуждаются истинные ценности человечества, то прежде всего для обращения с ними нужно будет время прекрасно наполненное. Итак, пишу вам о времени, об использовании его, и неминуемо должен окончить словом «Прекрасное».

12 июня 1935 г.
Цаган Куре.
Сеятели

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по-туркестанскому карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его ближняя дождевая промоинка, но он уцелел. Какие-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево. Даже у жестоких людей иногда не подымается рука сделать нечто непоправимое.

Не только уцелел вяз как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезною деятельностью – разбросал и засеял окружающие его склоны молодыми отпрысками. Среди ирисов, востреца, дерасуна темнеют многие кустики вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роща. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими охранителями жизни. Пусть деревья не надобны после известной высоты, когда их жизнедательность уже планомерно заменяется качеством праны горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимается жестокая рука, искоренившая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепится сознание о всех жизнедателях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рук мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на спиленные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву, чтобы или искоренить его, или, по крайней мере, повредить.

Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными личинами. Очень рад слышать, что у Вас времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и, поверьте, его хватит на все. Много времени лишь у делающих.

Если бы каждый из нас, хотя бы на час, почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми, и Вас хватит на все полезное. Также представьте себе, что каким-то способом Вы были бы лишены возможности постоянного делания, ведь Вы не могли бы далее существовать вообще. Труд, живой и ведущий к жизни, отошел бы – вот было бы истинное несчастье! Организм, уже устремившийся к труду, немедленно разложился бы под смрадным дуновением безделья.

Труд, постоянное делание, творение, есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацеи не будет включено никаких наркотиков, не потребуется никакого опьянения, но здравая, ясная радость будет источником долгой, плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, пожалеет Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбудят чье-то соревнование и завистливое негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени скушать Ваши две морковки (как Вы говорите), и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить.

Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметятся какие-то временные препятствия, то Вы знаете, что во всем круге работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте «На реках Вавилонских» от сидений, но от бодрой, неизбывной,

Хотя Вам, как Вы пишете, и трудно успеть ответить на все разнородные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда немедленно отвечали на письма. Они и не могли запускать это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминая о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзака, или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье, среди множайших трудов, писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов! Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останется отличием наших культурных учреждений – любовь к труду, стремление к постоянному деланию, желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все, от мала до велика, одинаковые трудники, и трудятся не за страх, а за совесть, или, вернее, за радость. Ведь, если кто не познал эту радость, значит, он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, во всех возможностях.

Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепискою, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неукротимом желании делания будут Ваши сила и молодость.

13 июня 1935 г.
Цаган Куре.
Песни Монголии

«Выросший на горе Будала, цветок бондорва, хотя бы дождь пошел – все же поблекнет.

Хотя иогачари – подобен бурхану, но если отступит от истины, то омрачится.

Распустившийся в разные стороны цветок гречихи, когда ветер подует, рассыпется.

Хотя иогачари подобен хранителю, но если отступит от истины, то погибнет».

* * *

«Богатое и белое – это золотая вселенная; пространное и чистое – это наша родина.

То, что растет на горах, – это виноград; то, что прославляет народ, – это звучный напев.

В воде источника разве бывает грязь? Разве можно назвать повеления Святых неправильными?

Вода колодца – не что иное, как священная вода. Разве можно назвать повеления Святителя ложными?»...

* * *

«Возьмет кисть в руки – писец, отправится в Пекин – делается зятем хана.

Вместо того, чтобы быть зятем государя, лучше будем наслаждаться со своей шуер.

Чем быть зятем хана, лучше быть в счастье с хорчинской Шуер вдвоем.

У каждой горы есть вершина, каждая встреча предопределена; после встречи следует заходить повидаться».

* * *

«Разве покончит когда-нибудь аист подбирать рыб Алмазного моря? Разве совсем легко перешагнуть через мучения – результат первоначальных перерождений?

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Разве можно думать, что журавль съест всех рыб Журавлиного озера? Разве совсем легко обойти настигшие мучения – результат прежних деяний?

Когда хочешь рубить дуплистое дерево, берегись разрубить свои ноги.
Берегись, желая ограбить другое государство, потерять своих подданных.

Когда хочешь разрубить иву, берегись разрубить свою судьбу. Берегись, думая ограбить чужое государство, расстроить свои дела».

* * *

«Конь мой, родившийся позади горы Баян-хангай; конь мой, которым восхищались воины Бадарагулту.

Облакоподобного прекрасного цвета и тянувший за собою при беге облако пыли, высокий, сивый конь мой, увы! куда убежал ты?

С глазами, величиною с яблоко, с копытами, величиною в чашку, ростом в вытянутую сажень, какой прекрасный конь мой!

С двумя волчьими ушами, с двумя глазами, как звезды облакоподобного цвета, красивый конь мой.

Не видели ли его, отпущенном в степи, в сокровенном месте? Не видели ли, как его увели злонамеренные похитители?

Видевшему его человеку надену я лисью курму, а поймавшему его человеку подарю тигровую курму».

* * *

«Тот, кто строит прочное и твердое, имеет все данные жить богато; когда построят прочное правление, то это признак, что будешь вождем.

Богатство и счастье – благо!

Приятно быть в довольстве. Хорошо устраивать веселья. Мы принадлежим к хошуну правителя да. Богатство и счастье – благо!»

* * *

«Силою милосердия владык, мы, обретя высшее благо, мирно процветали; среди всяких увлечений и рассеянной жизни следует остерегаться, чтобы не потерять высшее благо.

Если отнеслись внимательно к правилам очистившихся мудрецов, то обретем святой путь спасения. Хотя бы мы и были подавлены всяким злом, следует стараться, чтобы не потерять правил вечности.

То, что они нас преисполнили сил, – это их заслуга. Благодаря тому, что, сделавшись людьми, мы стали лучше, – следует стараться, чтобы все-таки не потерять правил почтительности.

Если помышлять о прочности веры и если, отбросив всякое непозволительное сумасбродство, поступать по правилам Святых, то как приятно способствовать средствам святого пути!

Приятно, чтобы, уразумев правила закона, те, кто заключают в себе корни болтливости, лукавства и лживости, очистив свою природу, чистые, приумножились счастья и святости.

Если предаваться разного рода размышлениям, исследуя поступки живых существ прежнего времени и смену всяких времен, то из этого вытекает, что теперь очень существенно учиться».

* * *

«Отрадно, что во веки нельзя забыть благодарности за то, что ты соизволил, руководя нами, вести нас, заблудшихся в земном мире, по ближайшему пути Алмазной колесницы.

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Если обратить внимание на правила Святых ученых, то даже мы, одаренные дурными привычками, внимательно взирая на порядок пути к совершенству, никогда не потеряем вечного места.

Владыки, достигшие силу милосердия этих благ, пребывающие в спокойствии, должны остерегаться, чтобы в различных пустых увлечениях и рассеянной жизни не потерять высшее благо».

* * *

«Пожалуй нас в совершенстве благом и счастьем, преисполненным истинного благословения трех чтиимых драгоценностей; соизволь утвердить стопы господствующих владык и князей и укрепить благоденственное и мирное правление.

Вы, обладающие правилами тонкого, таинственного, основного разума, вечно властующие над солнцеподобными верой и драгоценностями, вы неизменно чисты, как осенняя луна».

* * *

«У истоков Тонкой Реки накрапывает тонкий дождь, во время восьмой луны расцветают листья и цветы.

Восходящее солнце затмевают многие тучи, премудрый разум и мудрость подавляются злобой и неведением.

Признаком зари, говорят, является белоцветная Чолмон; признаком мудрости, говорят, являются облачно-белые волосы».

* * *

«На макушке высокой и большой горы и с Юга, и с Севера сплошь растут деревья и всяких сортов листья и цветы; в свое время они приятны на взгляд.

Когда на тех покачивающихся, прекрасных деревьях, в согласии с осенними месяцами, из листвы раздается пение птиц, это является прекрасным и приятным наслаждением.

В летнее время на распустившейся мураве расцветают цветы всяких родов. Когда видишь их непреходящую краску и вечную жизненность, то это красиво для глаз.

Действительно, мы, живые существа многих родов, во время постоянной совместной жизни, прославили и воспели те мирные, вечно прекрасные цветы».

* * *

В песнях – душа народа.

14 июня 1935 г.

Цаган Куре.

Питание

В описании флоры Дальнего Востока читаем:

«Кроме огородных овощей, китайцы, корейцы и инородцы употребляют в пищу многие дикие растения, заменяющие им культурные овощи. В этом нужно видеть приспособляемость населения к местным условиям жизни, где часто неожиданные наводнения затопляют поля и огороды, где охотничим племенам нет времени заниматься огородной культурой, а в деревне весной не хватает зелени. Местное население, почти не употребляя в пищу мяса, должно разнообразить свой стол, но и беднейшие из него, благодаря знакомству с дикими овощами, никогда не сидят без пищи. Рано весною, когда обычно отсутствуют дожди и в огородах нет зелени, они заменяют культурные овощи молодыми листьями папоротника, побегами калужницы, стеблями белоцветного пиона, употребляют в пищу белую марь, дикий щавель, молодые стебли полыни, весенние листья одуванчика, листья осота и многие другие.

Население, живущее среди болот, по долинам рек, ест молодые ростки рогоза, клубни стрелолиста, листья нимфейника.

Из известных ныне диких овощей наиболее питательными следует признать луковицы различных видов лилий, дикий чеснок, черемшу, цветы лилейника, луковицы сароны и листья папоротника.

Из папоротников употребляют в пищу молодые листья Аспидиум Феликс. У лилейников обычно снимают цветы, сушат на солнце и заготовляют на зиму. Лепестки лилейника содержат в себе крахмал и оказываются питательными.

Молодые зеленые, крылатые семена мелколистного вяза, всюду растущего, идут в пищу в сыром или в вареном виде. Интересно отметить, что цветы чакомки в вареном виде употребляются в пищу».

Затем идут описания съедобных орехов и грибов, а также всяких питательных водорослей, сорта бобовых растений, кориандра, колоказия, батата, иньяма, дикого ямса, съедобного лопуха (гобо), периллы, долихоса и других полезных, питательных и давно оцененных местным населением растений. Если же к этому огромному списку прибавить еще всякие земляничные, липовые, малиновые и прочие местные чаи и растительные напитки и вспомнить, что даже обычновенный пырей дает питательный отвар, то получается целый инвентарь полезнейших естественных растений.

При этом невольно бросается в глаза, что инородцы, действительно, мало едят мяса, а вековой опыт научил их находить естественную замену этого общепринятого питания. Сравнительно с длинным списком диких, годных для питания, растений, окажется сравнительно коротким перечень культурных огородных овощей.

Народы, часто испытавшие голод и суровые условия природы, конечно, начали искать всякие возможности пропитания. Для них слишком обычным является стремительный, неожиданный потоп, когда поля и огороды, в течение нескольких часов, превращаются в песчаные бугры. Они знают ранние и поздние морозы и веками ощущали уничтожающую мощь вихрей. Конечно, всякие такие необходимости издавна обратили внимание на возможность найти питательное, подкрепляющее питание в растительном мире.

Когда происходит голод, то прежде всего поступают жалобы об отсутствии общепринятого зерна и мяса. На многие другие возможности вообще не обращается внимания. О них просто упускается из виду, ибо никто никогда не напоминал об естественных дарах природы.

Наука достигла многоного в изучении витаминов. Наука установила, что в этом отношении овощи питательнее мяса. Именно наука еще раз подсказала ту древнюю истину, что мясная пища вовсе не нужна, разве кроме случаев неизбежной необходимости. В изучении овощных витаминов наука обычно занималась культурными огородными растениями. Теперь для таких же исследований следовало бы обратиться ко всем растениям, растущим в диком виде и тем самым так легко достижимым.

И тропические, и арктические климаты дают множество питательных диких растений. Как полезно и необходимо было бы обратить исследование на этих питательных помощников в жизни человека. Ведь, кроме несомненной питательности, о которой могут свидетельствовать многочисленные народы, эти растения несомненно имеют и лекарственные свойства, которые помогли бы соединить питательность с прямым оздоровлением.

Даже среди культурных огородных овощей их лекарственность далеко не всегда исследуется и применяется. Так легко могла бы быть соединена и питательная, и лекарственная диета. Впрочем, в стариннейших советах мы видим, как предлагалась смена пищи понедельно, чем предусматривалась не только питательность, но и лекарственность. Вместо множества патентованных суррогатов в природе предоставлены людям самые естественные решения многих проблем.

Если не хватило бы воображения о путях, по которым искать решения таких проблем, то опять-таки следует обратиться к истории, этнографии, к изучению быта во всех его, казалось бы, даже странных на первый взгляд, подробностях. Деревенские лекари и знахари для лечения животных прежде всего подмечают, какие травы поедаются ими во время их заболевания. Таким естественным, опытным путем были найдены многие полезные лекарства.

У многих народов мы уже научились не только полезным, но и изысканнейшим кушаньям, как-то: молодые бамбуки, лепестки роз и другие неожиданные, но питательные применения из окружающей природы. Не собираемся составлять вегетарианскую кулинарную книгу, но при многих странствованиях, несомненно, каждому бросается в глаза потребление дикорастущих растений. Каждый ознакомившийся с широким их употреблением невольно задается вопросом, были ли они, то есть такие растения, исследованы научно со всех точек их полезности?

Видим, что и до сих пор постоянно открываются новые виды флоры. Даже с этой стороны исследования планетной растительности далеко не закончены. Нечего и говорить, что в смысле изучения питательности и лекарственности вопрос также далеко, далеко не выяснен. Но для каждого зрячего очевидно, что вековые опыты многих народов могут быть широко и полезно применены.

24 июня 1935 г.

Цаган Куре.

Гора Сужденная

«Некий поселянин из Шаньси чувствовал себя крайне несчастным. От отца ему досталась земля, совершенно неплодородная. Большая часть ее заключалась в таком каменистом холме, где даже неприхотливые овцы не могли достать себе пропитания. Правда, дед когда-то говорил, что эта земля очень хорошая, но мало ли что скажет старый человек, веривший в какие-то предрассудки! Если бы эта земля была действительно хорошей, то семья поселянина из Шаньси не пребывала бы в полной нищете. А ведь хозяин дома вовсе не был лентяйм и прилагал все свои усилия, чтобы доставить семье своей счастье. Но эти проклятые камни, этот бесплодный каменистый холм, разве может кому-либо доставить пропитание? Так жаловался бедный поселянин и мечтал избавиться от своего несчастного места.

Однажды к поселянину приехал его дальний родственник и пошел посмотреть на злосчастный холм. Среди обломков камней ему показалось нечто, похожее на серебро. Он взял пробу, дал исследовать. Дальнейшие розыски показали, что так называемый проклятый холм является как бы серебряной горою и заключает в себе огромное богатство. Таким образом, именно то место, которое всею семьею поселянина считалось источником всех их несчастий – оказалось сокровищницей огромного богатства. Ведь нередко люди считают своим несчастьем то, в чем заключено их высшее преуспеяние».

Не думайте, что я вам рассказывал притчу времен Конфуция. Рассказанный эпизод только что произошел в Шаньси и еще раз мог напомнить многим, насколько преждевременны и превратны бывали их многие суждения. Сколько раз люди не только порывали нужнейшие для них нити, но всеми силами отталкивали от себя уже стучавшееся к ним счастье.

Кое-кто, прочитавший историю серебряного холма, может быть, посмотрит на нее просто, как на еще какую-то ценную находку. Может быть, он не уделил внимания тому, что дело не в серебре, но в психологии поселянина, для которого величайшее благополучие столько лет являлось предметом раздражения и проклятия. Как часто происходят подобные эпизоды и в частной жизни, и в жизни целых народов. Если спросим наших знакомцев, не оттолкнули ли они в свое время многое, что впоследствии оказалось бы их благополучием, то, по совести, очень многие сознаются, как часто не было уделено внимания именно самому нужному и самому близкому.

Не только оставалось в пренебрежении самое нужное, оно подвергалось и насмешкам и оскорблением и называлось самым негодным.

Также часто люди, думая, что овладели какою-то свободою – заковывали себя в цепи и навсегда ввергали в безысходные темницы.

Один из прекрасных мыслителей Индии Свами Рама Тирта горячо и справедливо говорил: «В невидимые оковы заключили себя цивилизованные нации. Они отделили себя от друзей и изгнали себя из природы, из благоухания естественной жизни в тесные гостиные – в погреба и темницы». Прекрасно сказал большой поэт, что в переводе будет звучать:

«Мирское нас обуяло, опоздалое, суэтное. Захваты и траты, на них полагаем мы мощь. Мало в природе мы видим сужденное нам».

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Именно сужденное, уже данное. Ведь каждый дар может быть использован и в дарованный час. История о серебряной горе напоминает, как иногда указывались дела серебряные и золотые, но и они могли быть использованы в срок. Может быть, владелец серебряного холма для своего же блага и не должен был найти сужденную гору раньше. Но к чему было ему преждевременно проклинать свое же сужденное счастье? Без его злоречий, может быть, обстоятельства обернулись бы для него еще более радостно. После всякой брани о холме серебряном, вероятно, поселянину в сознании своем не так-то было легко признать свою собственную неосмотрительность и предубеждение.

Весьма вероятно, что его дед называл эту землю хорошей землей, не только потому, что всякая земная твердь хороша, но, может быть, он знал что-то об этом месте более точное и лишь не успел досказать. Ведь столько и семейных, и государственных обстоятельств остаются случайно недосказанными. Такая всякая возможность недосказанности должна обращать людей к особой осмотрительности и бережности.

Недосказанности могут быть случайными, но могут быть и преднамеренными. Если посылающий не убежден в качестве своего вестника, то ведь и не скажет он ему все глубокое значение посылки. Он просто скажет бережно отнести письмо. Но в случае полного доверия он сказал бы ему и всю ценность послания. Так же и дед поселянина, может быть, имел особые причины для своих символических выражений, но, во всяком случае, внуку следовало бы всесторонне подумать, не было ли в сказанной притче о добре земле скрыто что-то особенное?

Много сужденных гор, и медных, и серебряных, и золотых, уготовано. Недаром в сказках люди предупреждаются о царстве медном, о царстве серебряном и о царстве золотом, а то и алмазном. И царевна Марья Моревна знает эти царства и помогает царевичу найти уже для него сужденное. Убеждает его не увлекаться малым, но идти туда, к самому трудному и самомуенному. Имя-то какое сложено сказками «Марья Моревна». И тут же сказка знает Елену Прекрасную – мудрую и вещую. В сказках ли только уготованы горы сужденные?

28 июня 1935 г.

Наран Обо.

Рождение скуки

Среди обсуждения современной жизни кто-то пожаловался на скуку, но другой собеседник воскликнул: «Какой же Вы скучный человек!» Жаловавшийся на скуку начал уверять, что он-то лично не скучен, но обстоятельства его жизни так однообразны и бесцветны, что не он, но обстоятельства жизни скучны.

Между тем другой собеседник продолжал настаивать, что не может быть в жизни, в природе таких обстоятельств, которые порождали бы скуку. Он говорил: «Мы сами рождаем в себе эту мертвенностъ, которую мы называем скукою. Мы сами скучны, а вовсе не жизнь, вовсе не природа».

Третий собеседник припомнил из жизни отшельников Индии, как, не двигаясь от входа своей пещеры, риши ощущали полноту бытия.

Четвертый собеседник указал на жизнь Преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского, спрашивая: «Могут ли такие подвижники вообще ощущать скуку? Знакомо ли им это слово?».

Итак, первый собеседник, неосторожно отнесший скуку к окружающей жизни, получил со всех сторон отпор. Мало того, невольно он дал всей беседе неожиданное для него самого направление. Многими примерами было ясно доказано, что скука есть не что иное, как падение жизненной энергии. Это отсутствие энергии порождается условными устоями, порожденными в нас же самих. Бывает, что люди неправильно употребляют само выражение «скука». Иногда они хотят в этом выразить свое к чему-то нетерпение. Но ведь и нетерпение уже будет признаком отсутствия дисциплины, которая всегда будет следствием особого напряжения энергии.

Можно заметить два определенных типа людей. Одни, по природе своей, любят внутреннюю дисциплину. Их не нужно обучать этой концентрации воли. Человек, добровольно осознавший значение упорядоченности, является и ценителем и своего, и чужого времени. Распознав эти ценности, человек всегда останется и твердым, и наблюдательным, и находчивым. Он будет сильным человеком. Другой тип людей по природе своей боится и старается уклониться от всякой

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
дисциплины. Можно быть уверенным, что этот тип людей, хотя бы даже и обладал известными познаниями, не примет на себя особую ответственность, не проявит истинного терпения и, скорее всего, допустит разлагающие, никчемные обсуждения. Этот тип людей не будет сильным. Они будут, кроме того, очень себялюбивы, преисполнены самости. Они легко повторят слово скука, стараясь возложить это тягостное ощущение на окружающие обстоятельства.

Такие люди будут стараться и окружающих их вовлечь в те же ложные обсуждения своей тягости. Они даже не подумают, что рождение скуки происходит исключительно в них самих.

Среди лекарств, противодействующих такому эгоистически-безвольному состоянию, конечно, прежде всего будет развитие искусства мышления и умения приобщаться к природе. Много раз настойчиво описывалось искусство мышления, которое должно быть воспитываемо и образовываемо. Так же точно нужно уметь приобщаться к природе. Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед лицом природы, полным несказанной прелести, они будут играть в карты или мечтать о «прелестях» городской жизни. Они будут доходить до такой несоизмеримости, что прекрасную природу они будут готовы предать для ужаса и извращения города.

Можно себе представить, какие настоящие извращения организма, какие патологические судороги происходят, когда нечто ценное и прекрасное затемняется условным и разлагающим. Ведь сердце человеческое болезненно корчится от всего неестественного. Сердце не скажет своих ощущений в земных словах, но каждый удар по сердцу останется на многие жизни. Одним из самых болезненных ударов по сердцу, конечно, будет внедрение понятия скуки. Этой мертвенности сердце не выдерживает.

Следует во всех просветительских учреждениях, от младших классов, всеми мерами изгнать понятие скуки. При этом заполнение времени не должно быть чем-то чисто механическим. Нужно, чтобы времени действительно не хватало на действия и на мышление. Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед лицом природы. Эта радость может происходить при самых различных работах, ибо настоящее мысленное творчество лишь поможет качеству каждого труда.

Столько раз говорилось о противоположениях Востока и Запада, которые уже понимались не в смысле географическом, а в смысле основной психологии. И в то же время каждый отлично чувствует, что никаких противоположений нет и быть не может, ибо как здесь, так и там должно быть внутреннее стремление к живительному синтезу. В этом синтезе доброкачественности, терпимости и творчества не найдется ни малейшего места для безвольного проклятия, именуемого скукою.

Нужно ли о скуке говорить, если она так мертвенна и мерзостна? Как же не нужно, если это слово так часто повторяется и старыми, и малыми. Скучающие типы даже стараются облечься в позу какой-то ультрасовременности. По неразумию они полагают, что окружают себя каким-то неразгаданным, таинственным ореолом, а на самом деле они остаются просто скучными, не применившими себя к жизни, отбросами. Если в какой бы то ни было форме проявится зло, не пытайтесь замолчать. Этот гнойник лишь создаст целую гангрену. Спешите отсечь это вредное понятие скуки как можно скорее, как можно решительнее. Скучающий тип боится быть осмеянным, а в то же время он прежде всего смешон в своем заблуждении.

Лохмотья скуки уже будут каким-то чудовищно нелепым шутовством. Гранд Гиньоль! И кому же захочется быть в этом страшном шутовстве?

Итак, пусть ехидна скуки не осмелится приблизиться ко всему образовательному, просветительному, ко всему культурному. Все те, кто особенно чувствуют нелепость этого скверного понятия, пусть дружными усилиями извлекут все его зародыши. Поистине, скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях.

29 июня 1935 г.
Наан Обо.
Наан Обо

Превыше всех окрестных гор стоит Наан Обо. Наан значит солнечный. Поистине, высокое белое обо и встречает, и провожает солнце. По рассказам,

эта вершина овеяна многими священными преданиями. От нее, как на блюдечке с золотым яблочком, видны все окрестные земли. Из-за холмов высятся крыши монастыря Батухалки. За ними опять гряда холмов, а там уже пески, предвестники Алашаня. К юго-западу и западу протянутся песчаные пространства – все эти гоби или Шамо. На юг побежал путь в Кокохoto – там уже смущения многолюдства. На восток протянутся земли Сунитские, на северо-запад пойдет Урат. На севере Муминган, что будет значить «Лихая тысяча». Не запомнят, где это знамя проявило свою лихость. Да и откуда она, от лихого или от лихой отважности?

Само Наан Обо стоит на землях князя Дархан Бейле. К северу обозначаются развалины монголо-несторианского древнего города. Кроме китайских и монгольских наслоений в основании развалин найдутся и уйгурские начертания, да и кто знает первоначальную древность этих пустынных камней? К западу, говорят, находятся тоже развалины стана Чингисхана. Непременно нужно побывать там. Это место, по-видимому, нигде не описано. Да и как же обошлась бы именитая монгольская округа без великого имени Чингисхана? Там, среди каких-то развалин, виднеются и камни со знаками. Может быть, эти знаки – тамги, или надписи, дадут ключ к определению?

В том же направлении, в одном дне конного пути, уже граница Халхи. Много разнообразных и противоречивых рассказов достигает оттуда. В двух десятках верст – целое поселение беженцев халхасцев. По рассказам выходит и так, и этак. Одному одно узналось, другому другое почудилось!

Наш стан среди причудливых вулканических скал. У самого подножья Тимур-хады, что значит Железная скала. Вот и это великолеое имя в монгольской истории не миновало. И Чингисхан, великий завоеватель и строитель, и железный Тимур – а на вершине горы светит Наан Обо. У подножия той же горы, недалеко от нашего стана, находится место будущей монгольской столицы. Место было избрано и предуказано самим Панчен-Римпоче, Тashi-Ламою Тибета, который сейчас в Кумбуме. Вполне понятно, что для места будущей столицы монгольской избрано место новое. Ведь Батухалка, с ее старинным нажитым монастырем, не будет новым строением. А новое автономное правительство, конечно, справедливо хочет быть в новом окружении. Пока правительство помещается в Батухалке в юртах. Но, конечно, такое местопребывание может быть лишь временное.

По давним примерам истории – монголы хотят строиться. И место, избранное самим Тashi-Ламою, намечено неслучайно. Эти же горы, окружающие Наан Обо, некогда служили ставкою известного гуннского воителя. И сейчас можно видеть у скал некоторые камни, не случайно положенные. Когда-то на этих песках протекло многое. Вот перед нами, среди зеленых вязов, высохшее русло реки. Когда-то и здесь была вода, но сейчас она отошла от этого места и осталась лишь в окрестных колодцах и отдельных источниках. Конечно, два-три артезианских колодца дали бы новую живительную струю. Среди будущих строений об этих водных оживлениях нужно подумать в первую голову.

На почву жаловаться нечего. Всюду были леса, теперь жестоко уничтоженные. Мы сами недавно наблюдали в Цаган Куре, как на глазах проросло ивовое бревно забора. Значит, всюду, где есть хотя бы малейшая жизнь – почва позволяет ей проявиться.

Живою силою монгольского автономного правительства является Сунитский князь Де-Ванг. Нелегка задача этого князя, желающего вдохнуть новые государственные формы около древних монгольских знамен. Еще недавно, во время своей поездки в Пекин, князь Де-Ванг трогательно говорил многолюдной аудитории университета о том, что каждый совет на пользу монгольского строительства будет принят с благодарностью. Действительно, кто же не хотел, бы помочь мирному культурному строению исторически великой страны. У кого же найдется столько невежественной жестокости, чтобы противоречить и препятствовать мирным, просветительным начинаниям. Наоборот, каждое культурное сердце зазвучит на такое откровенное обращение. Кто же откажется подать доброжелательный совет там, где он будет так нужен, где он будет так высслушан.

В стране, где народ понятлив, где сохранены недра, где возможно и улучшенное скотоводство и земледелие, и всевозможные промыслы, разве найдутся такие жестокосердые люди, которые будут желать гибели всех этих, так явных, возможностей? Конечно, во всем мире сейчас смутно. Конечно, каждый день может приносить потрясающие неожиданности. Все так напряжено,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

как бывает напряжено завершение башни или при спуске огромного корабля. Сквозь смуты и смущения всюду пробивается исkanie нового мира, новой жизни, нового счастья. Многое изжилось, многое обветшало и требует нового строения. Самые лучшие умы увидят, что еще недавними валютами прожить уже нельзя. Самые практические люди уже отвергают многовековой кумир человечества – золото. Так же напряженно ищутся формы сотрудничества. Кооперация является лозунгом дня. Люди понимают, что всякая изоляция, подобно тюрьме, не ведет к расширению, не ведет к свету и солнцу.

В такие дни особого мирового напряжения призыва звучит каждое желание мирного культурного строительства. Сейчас хочет строиться Монголия. Та самая Монголия, которая дала в истории человечества столько потрясающих страниц, теперь хочет мирно и культурно устраиваться. Конечно, было бы жаль, если в этом строительстве будут забыты исконные основы монгольского народа и кто-то будет насилиственно вносить чуждое. Наоборот, можно видеть, насколько пригодны для строительства многие местные материалы, и нужно использовать все созидательное дружелюбие, чтобы новое здание возводилось на истинно целесообразных основах.

Приглядываясь к окружающим возможностям, мы видим, что если в свое время Самарканда, весь Хорезм, все цветущие кишлаки могли веками держать свой блестящий, плодоносный уровень, то ведь и вся здешняя почва способна к тому же. Само обстоятельство долгого отдыха почвы лишь поможет новому строительству. Ведь всякая пашня должна отдыхать, так и Монголия, достаточно отдохнула, чтобы с новыми силами опять напрячься в строительстве.

Нужно видеть, с каким проникновенным восторгом каждый монгол произносит священное для него имя Чингисхана, как монголы вспоминают Тимура, Угедея, Кубилая и других строителей, и грозных, и миролюбивых, вызывавших такое внимание всего мира.

Обшим местом уже сделались ссылки на Марко Поло. Но ведь не он один, а многие путники запечатлели в своих записях процветание здешних краев. Мне уже приходилось напоминать, насколько точно и богато описаны теперешние кажущиеся пустыни китайскими путешественниками. В то время описанные ими места, истинно, процветали. В раскопках мы убеждаемся, что они, действительно, могли процветать. Тем легче представить, что и новая эпоха возрождения – еще лучший расцвет – вновь возможен.

Тем же, кто будет указывать на суровость местных условий, можно напомнить, что именно суровые условия так часто служили импульсом строительства. Ведь условия Скандинавии подчас очень суровы, но именно там выковался непобедимый дух викингов. И в обеих Америках, несмотря на все грозные торнадо и песчаные смерчи, когда-то слагалась высокая культура майев. Дух человеческий не знает физических преград.

Монголия хочет иметь школы, пути сообщения, телеграфы, госпитали – разве это не хорошо? Монголия хочет иметь упроченную администрацию, хочет иметь кооперативы, хочет иметь промысловые артели – разве это не хорошо? Монголия хочет иметь образцовые хозяйства, хочет улучшить земледелие, скотоводство, древонасаждение – разве это не хорошо? Монголия хочет иметь товарообмен, финансовое устроение, стремится к мирным взаимоотношениям – разве это не хорошо?!

Сейчас столько в мире изжитых, смущенных обстоятельств. И тем более нужно радоваться, когда видите желание народа устраиваться, преодолевать препятствия и мирно преуспевать. Ведь это нелегко. Всюду много злобы и злоумышления. И потому каждое семя добра должно найти искреннюю помощь и дружбу. К тому же, весело помогать каждому строению. Еще недавно указывали, что я люблю пословицу французов «когда постройка идет – все идет». Не откажусь, люблю эту пословицу. Чую, что действительно в порыве строения улаживаются многие житейские недоумения и нерешенные задачи. Потому-то и зову всех помогать строению. Каждое строительство есть не только национальное дело, оно уже есть дело мировое, ибо умножает мировое благо, укрепляет мировое достижение.

Когда мы слышим трогательно дружелюбное приглашение монголов помочь их строению, то хочется и всем далеким друзьям культуры передать то же пожелание, ту же просьбу – соединить действенные усилия для нового строения.

Новые созидания не должны возбуждать лишь стремления к эгоистическим попыткам, к наживе или к подавлению личностей. Наоборот, знамя строения всегда будет светлым, собирательным и благожелательным понятием. Ведь не несбыточную вавилонскую башню собирается строить Монголия! Страна хочет естественно улучшиться, укрепиться. Вовсе не несбыточные средства нужны для такого строения. Богатства самой страны являются совершенно достаточною гарантиею ее возможного преуспеяния. Каждый культурный человек лишь порадуется, слыша, что и в наши трудные дни происходит еще одно улучшение и строение.

Высоко на горе светит солнечное обо – Наран Обо. Оно напоминает о тех духовных возможностях, которые должны укрепить камни новых монгольских строений. У подножия горы уже обжигаются кирпичи для строения будущей столицы. Это предстроительное движение напоминает мне мою картину «Город строят». Там, где строят, там не разрушают. Каждое строение есть умножение блага.

«Когда постройка идет – все идет».

30 июня 1935 г.

Наран Обо.

Строитель

Может ли сеятель наверное знать, как уродится его посев? Налетит ли град? Достанет ли коней, чтобы вывезти данную жатву? Сеятель может лишь предполагать, но знать ему не дано. Бодрость и настойчивость даны ему в проведении каждой новой борозды пашни. Знает сеятель сроки посева и спешит не упустить их даже в одном лишь предположении.

Строители чудных храмов, твердынь не знали, будет ли им дано завершить их. Но все-таки твердо-уверенно полагали они их основание и возводили, пока хватало сил и возможностей. Иногда лишь в веках завершалось строение, но зачинатели новых основ не огорчались этим и не оставляли в своем строительном рвении.

Созидание есть молитва сердца. Посев есть потребность духа. Если усомниться и заранее огорчиться всеми опасностями, возможными для будущего урожая, то ведь это будет не жизнь, но горчайшее непотребство. Если сломить дух невероятием завершения строения, то ведь это будет отступление в одичание.

Писатель вдохновляет неведомых ему читателей. Певец слагает свои зовущие лады для незнамого ему слушателя. Творец шлет свои достижения на потребу и радость мира. Для себя или для мира поет птица? Не сможет не петь она каждое утро. Не боясь хищника, свивает в сужденный срок птица гнездо свое.

Строитель должен созидать. Он не может жить без строительства. Созидание есть его песнь, его молитва, его труд сладчайший. Строитель слагает основание твердынь, и храмов, и хранилищ, не ослабляя себя мыслью, кто и когда завершит кровлю здания? Строитель не упустит сроков начала, зная о росте зерна.

Разве остановит строителя неуверенность в средствах для кровли? Зерно растет и с ним растет все окружающее. Корабль не знает всех возникающих по пути его вихрей и тем не менее вовремя распускает потребные паруса. Если мы просмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности рождались вместе с возведением стен и башен.

И творцу, и кормчemu, и строителю незнакома боязнь. Не окрепнут основы в страхе и трепете. Семя мало, но уже имеет в себе весь запас роста и цветения, и благоухания. Семя даст и следующие семена. Сеятель не боится сеять; строитель не страшится созидать, лишь бы сердце знало неотложную нужность пашни и строения.

Для всякого начала нужно малое семя. Учить можно и в очень малом доме. Творить можно и в тесном углу. Охранять можно и в самом скромном доспехе. В каждом стремлении к созиданию будетискание и жажда нового совершенствования. В этих поисках – обнова жизни. Ее крепость слагается неудержимым стремлением к достижению. Конечно, достижения эти и целесообразны, и соизмеримы.

Не будут прочными так называемые вавилонские башни, которые имеют причину свою лишь в том, чтобы превзойти. Истинный строитель стремится к совершенствованию, но ему чужда мысль о том, чтобы лишь превзойти что-то. Истинный строитель прежде всего и соизмеряет, чтобы создания его пребывали в пропорциях нужных и своею гармонией лишь увеличивали бы звучания эпохи. Строитель понимает, что такое эволюция и вечное спиральное движение в своей беспредельности и непрестанности.

Всякое несоизмеримое уродство будет противно строителю. Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя. Нельзя обучить человека этим врожденным созидательным пропорциям и предвидениям. Если эти качества уже заложены – их можно разбудить. Сон качеств нарушается самыми неожиданными способами, иногда совершенно негаданными и неречеными. Мудрые собеседования, поиски расширенных горизонтов, искусство мышления могут разбудить в тайне сохраненные, созидательные потребности. Всеми доступными средствами нужно вскрывать эти тайники, сокровища которых могут приносить человечеству истинную пользу.

Так же точно нужно развивать в себе и сознание, насколько прочное древо вырастает всегда из зерна малого. Сколько раз пытались сажать в землю уже взрослые, большие деревья, и почти никогда эти несоизмеренные посадки не давали прочных последствий. Но чтобы осознать целесообразность посадки из зерна – нужно мысленно понять и полюбить всю чудодейственную зерновую мощь.

Наблюдение и расследование зерен вызовет необычайное размышление. Даже доподлинно зная, какие гиганты вырастают из мельчайшего зерна, ум человеческий всегда запинается об это чудо. Как это возможно, чтобы в мельчайшей оболочке уже сохранились все формы будущего строения, все его целебные и питательные свойства? Строитель должен думать над этими зернами, из которых так мощно и целесообразно вырастет все последующее древо на многие века.

Нельзя откладывать строителю его строительные мысли, пока механически сберутся все средства выполнения. Нужно помнить, что средства растут вместе с процессом созидания. Если средства как бы иссякают до окончания строения, это лишь значит, что где-то новые запасы уже выросли, уже сложены, и надо их лишь усмотреть.

Дело строителя должно быть делом веселым. В сердце своем он знает здание свое завершенным. Чем полнее и глубже сознает строитель это завершение, тем радостнее путь. В существе своем строитель уже не может быть эгоистом, ибо ведь не для себя же он строит! Строитель прежде всего понимает смысл образовательного движения, и потому в мышлении своем он не может быть недвижным.

Каждая недвижность уже есть смерть, уже есть предвестник разложения и распада. Так же точно каждое созидание есть предвестник жизни. Потому-то при каждом решении строителя возникает прилив новой энергии. То, что казалось непереносимым вчера, становится легким, когда утвердится мысленно надобность нового построения. Поистине, в каждом новом построении выявляется прекрасное.

Разнообразны строители. Касаются всех земных пределов. Пусть это творческое разнообразие хранится, ибо и в самом великом творчестве прежде всего несчетное разнообразие. Везде, где есть хотя бы зародыш строительства, там уже будут оживляться пустыни. Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа. Но каждый строитель уже будет оживителем этих самых грозных пустынь.

да живет строение прекрасное.

3 июля 1935 г.
Наран Обо.
Содружество

Содружество – какое милое и сердечное слово. В нем есть и от взаимопонимания, и от взаимоуважения, и от сотрудничества. Значит, именно в нем, в слове – содружество – заключается самонужнейшее. Не может жить содружество, если люди, сошедшиеся в нем, не знают, что такое взаимная помощь, не понимают, что есть самоусовершенствование.

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Самоусовершенствование вовсе не есть самость. Происходит оно прежде всего не для самого себя, но человек улучшается для служения человечеству. В этом служении, конечно, он и сам сделается лучше, сделается восприимчивее, внимательнее, деятельнее во благо. Но эти качества человек будет приобретать и упрочивать вовсе не для эгоистической выгоды, но для преуспеяния человечества.

В служении человечеству содружники выплачивают свой долг всему сущему. Тем-то и радостно подобное Великое Служение, что в нем прежде всего заключена польза ближнего. Как бы корабль, совершающий рейс не для себя, но для перевозимых путников, так и сознательный содружник, несомненно, ведет и поддерживает всех близких ему.

В содружестве непременно будет сердечное желание помочь и поддержать друг друга. Будет это желание как среди трудностей, так и среди радостей. При формальных обществах очень часто каждая радость встречается с завистью и злопретежением. Но в содружестве друзья сумеют сердечно порадоваться радостью каждого их сотрудника.

Мир всячески мыслит о сотрудничестве, о разнообразной кооперации. Разъединение и ненавистничество как бы уже переполнили все меры. Именно содружества являются такими очагами сотрудничества, которое может от частных, небольших кружков расти до государственных размеров. Содружники являются верным оплотом истинной государственности. Содружники поймут и естественную иерархию. Содружники знают, что анархия и хаос будут синонимами.

Содружества созидательны в своей природе. Ради разрушения не может образовываться содружество. Тогда такое сходище называлось бы совсем иначе. Содружество растет силой сердца. Потому численность не имеет никакого значения, и это обстоятельство чрезвычайно важно для современности, когда качественность является единственным мерилом.

Когда же сотрудничество посвящается какому-либо великому примеру, явленному в жизни, в истории великих народов, то такое обоснование звучит особенно жизненно. В сотрудничестве, в содружестве, не может быть ничего отвлеченного. Все должно быть действительно, немедленно приложимо и вдохновенно. Содружники в собеседованиях своих вдохновляют друг друга. Они находят и своих дальних друзей, сношения с которыми обновляются духом.

Содружество прежде всего должно быть жизненным. Никто не заставляет содружников сходиться вместе. Лишь в силу сердечных приказов, лишь влекомые искренним желанием свидеться и укрепиться, они сходятся и являются часы радости. В этих часах радости уже заключается великое взаимное укрепление. Никакой неволи нет в содружестве. Все вольно, свободно, благожелательно.

Дорогое мое Содружество, ваше недавнее письмо о памятном годовом сроке лишь подтверждает все сказанное. Прошел год, и вы пишете, что тем более ощущаете радость в собеседованиях ваших, тем более приближаетесь друг к другу и тем крепче себя чувствуете. Именно так и должно быть. И, как неизменно и неисчерпаемо сердце, так же может быть бесконечно радостно ваше взаимное укрепление. Ваша взаимная помощь в познавании блага. Ваша радость встреч и желаний видаться и обогащать друг друга во всех областях – будет источником вечно текущим.

Бывают родники, которым каждая песчаная буря уже угрожает, но бывают такие источники, которые бьют из самих скал, для которых сами камни являются не препятствием, но благотворным руслом. Сами минералы напитывают их солями и целебными свойствами. Имейте в себе соль, имейте в себе те неугасимые, целебные качества, которые именно отвечают значению содружества. Когда кому-то из вас тяжко и тесно, он знает, что во всякое время он может пойти к светлому содружнику своему и в искре свидания возжечь потухающий огонь.

Горение должно быть питаемо – вы все это знаете. Смысл утешителя всегда будет темным и мрачным, но возжение, именно возжение сердца, будет самым главным, самым нужнейшим. В этом сердечном общении вы отринете все, что похоже на негодное соперничество, на зависть, на зарождение человеконенавистничества и предательства. Вы заботливо осмотрите доспех друга своего не для осуждения, но для радостного укрепления. И друг ваш подойдет к вам с улыбкой, ибо он будет знать в сердце своем, что лишь во благо вы с ним будете общаться. Все это так просто и так известно, но

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
именно сейчас, именно это так неотложно нужно.

Именно сейчас так редко применяется в жизни основание благое, и потому столько вражды и огорчения отмечает человечество.

Вы делаете самонужнейшее дело. Не пишу вам в отдельности, ибо тем самым я нарушал бы общность содружества. Ведь слово о содружестве и сотрудничестве принадлежит всем собеседникам, во всех их собраниях. Вам захотелось отметить памятный день. Вы могли бы и забыть об этом, но основа содружества заставила вас беречь сроки. Так же будем и в будущем беречь все сроки и самые священные, которые дадут неисчерпаемые силы для творчества.

Чем больше проявите основы светлого содружества, – тем большую доставите и мне, и всем нашим близким радость. Пусть эти дни будут в вашем общении особенно радостными. В этом великом вдохновении будете расти духом и делом. Оправдайте великое понятие содружества во всем его глубоком значении. Пишите о ваших беседах, пишите о новых друзьях, будьте справедливы и добросердечны.

Пусть живут и множатся Содружества, Сотрудничества, Очаги Блага.

7 июля 1935 г.

Наран Обо.
Дархан Бейле

Юн-Ванг, князь хошуна Дархан Бейле, является главою автономного правительства Внутренней Монголии. Мы получили приглашение побывать в его ставке, которая отстоит от нашего стана в двух часах езды. Переехали через многие сухие русла, миновали место будущей монгольской столицы, там еще приготавляются кирпичи. Особенно трогательно проезжать этим местом, сознавая, что там будет строиться, будет слагаться столица народа с таким великим прошлым. Вы знаете, как каждое строение, даже хотя бы возможность строения, уже близка моему сердцу. Сперва мы двигались на северо-восток, потом повернули к северу, туда, где в 40–50 милях уже будет граница Халхи.

По пути шарахнулось от машины несколько косяков прекрасных коней. Можно изумляться, насколько местные травы, без зернового корма, достаточны, чтобы держать коней и прочие стада в теле. Редкие айлы, кое-где рощи и отдельные деревья вяза – карагача, этого излюбленного дерева Средней Азии. Местами ковыль, местами высокий чий, обычный вострец, овсянка, белена и также обычный набор колючих, низкорослых кустарников. Удивительно, что не только местные верблюды, но и прочий скот приспособился и к этому колючему яству.

Между пологими холмами показалась княжеская ставка. Каре белых стен с темными наверху зубцами. Внутри крыши домов китайского характера. На воротах расписаны красочные охранители входов. Рядом, в таком же каре стен, стоит ямын – канцелярия хошуна. Видимо, только что прошла дождевая туча, и все полно свеженабежавшей водою. Подъезжаем сперва к ямыну, чтобы передать карточку. Нас просят войти. Целая толпа приветливо улыбающихся должностных лиц и солдат. Остроконечные соломенные шлемы солдат с красным султаном невольно напоминают, что такая же форма шлема могла бы быть применена и для шлемов защитных, сохраняя за собой вековую традицию.

В дружелюбном ямыне нужно присесть, пока доложат князю. Обмениваемся расспросами о пути, о добром здоровье и о прочих благожелательных предметах. В углу стоят старые русские винтовки. Видны книги и свитки монгольских писаний. Приходит чин с цветным шариком поверх красного султана, означающим его должностное достоинство, и просит к князю. Проходим через расписные ворота по мощеной дорожке двора, следуем в покой к князю. И вот находим его в небольшом покое китайского характера. По стенам, кроме священных изображений, висят изображения должностных лиц и деятелей. Самому князю 66 лет. Его приветливое, много видевшее, многоопытное лицо напоминает изображение добрых старых правителей. Через Юрия и Чамбу (чем более передач, тем лучше) начинается дружественная беседа, которая после разговора о местных делах переходит на духовные темы. Князь очень духовный человек, друг Тэши-Ламы. При упоминании о Шамбале – его лицо принимает соответственно торжественное выражение. Упоминается, что лишь при твердых духовных и хозяйственных началах народ может преуспевать. Князь говорит о желании монгольского народа к мирному преуспеянию. Приятно видеть, что представитель народа так сердечно подчеркивает именно желание мирного устройства.

Обмениваемся подарками. С нашей стороны эмалевые золотые часы французской работы, от князя – два тибетских ковра. Собирается к нам, как только его машина пройдет по сегодня размытым дорогам. Приглашает нас на ближайшее торжество в монастыре Батухалке, когда происходят годовые священные танцы лам. Выйдя, мы не могли не зайти в приветливо устроенный его домашний храм. Какая чистота и видимое желание сделать как можно лучше. В храме, кроме нескольких бурханов, и изображения Ченрези и Белой Тары, а на стене большая фреска битвы Шамбалы. Горят приветливые лампады; опять видна благостная, благожелательная рука домохозяина. После ставки, взяв на машину солдата с красным султаном на шлеме, едем в недалеко лежащие развалины древнего города.

Ни раскопок, ни научного описания этого места еще не сделано, но оно заслуживает обстоятельного исследования. Город разрушен, что называется, до основания. Именно, приходят на память слова летописей о городах, преданных на поток и разграбление. По характерным деталям развалин и по бесчисленным черепкам и обломкам керамических, архитектурных украшений, сразу отмечается несколько эпох города.

Позднейшая, судя по керамике, принадлежит маньчжурской династии. Затем имеются явные признаки нимской династии в виде большой, прекрасно сделанной каменной черепахи, вероятно, служившей базой для колонны. Но еще интереснее остатки монголо-несторианского времени 13 или 12 века, может быть, с еще более ранними основаниями. Видим гробницы-саркофаги с несторианскими крестами, которые по своим орнаментам, по белому камню, могли бы быть не только во Владимире и в Юрьеве-Польском, но и в Сан-Марко или в Вероне. На этих надгробиях можно видеть надписи – на одной, вероятно, уйгурского характера, а на другой – старого китайского. На последней надписи Юрий сразу разобрал многозначительное имя, в китайском произношении, Илья. Это имя неоднократно встречается в китайских несторианских записях. Тут же, в грудах развалин, можно видеть заботливо отделанные базы капителей колонн, которые напоминают об исчезнувшем белокаменном храме. Недаром это место называется по-монгольски «Многие Храмы».

Юрий предполагает обмерить расположение города и списать надписи для их расшифрования. Чувствуется, что при исследовании могут быть обнаружены многие любопытнейшие находки. Кто знает, может быть, этот город принадлежал монголо-несторианскому князю Георгию, павшему в битве в конце 13 столетия. Все эти времена заслуживают глубокого изучения и могут внести важные страницы среднеазиатской истории. Будем надеяться, что эти будущие находки уже найдут почетное место в монгольском музее новой столицы, ведь наряду с государственными заданиями должны быть немедленно созданы и школы, и музей, который сохранит лучшие образцы народного творчества.

В то время, как мы с восхищением осматривали старинный город, вокруг бродили чернейшие тучи, и можно было видеть, как где-то поблизости они проливаются страшным ливнем. Но нас тучи не коснулись, хотя на обратном пути заплывшая целыми озерами дорога свидетельствовала о долгожданном монголами ливне. Еще более зазеленели омытые склоны. Заблестели тучные косяки коней, и еще недавно иссохшие русла уже носили следы стремительных потоков. Мы невольно вспомнили наводнение, испытанное бывшей экспедицией в Карагольчах. В Азии все необычно и стремительно.

Развалины неисследованного города еще раз подтверждают, насколько много богатых неожиданностей скрыто в просторах Азийских. Накреняясь и скользя по откосам, приближаемся к нашей скале Тимура. Само название напоминает о скрытых залежах – говорят и о железе, и об угле, и о золоте, а южнее известна и нефть. Многие озера доставляют соль, являющуюся источником большого дохода. Радостна была поездка, в которой встретились и с хорошим человеком, и с замечательными развалинами, и с нетронутыми богатствами природы. Если к этим богатствам прибавить созидательное доброжелательство, то сколько прекрасного и поучительного впишется опять в историю монгольского народа. В добный час.

9 июля 1935 г.
Наан Обо.
Олун Суме

Бывают и такие самомнители, которым кажется, что сейчас вообще не может быть таких разрушений, как бывали в прошлом. Для них прошлое есть кладезь

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
всяких дикостей, а сейчас все это будто бы уже миновало. Между тем, если напомнить им развалины Ипрского собора, или свести их в Овьедо, или показать порезы «Анжелюса» в Лувре, они может быть, подумали бы несколько иначе.

Можно бы свести их и в любые развалины старых среднеазиатских городов, чтобы они удостоверились, в какие мельчайшие обломки и осколки превращались когда-то стройно возведенные стогны городов. Опять мы побывали в развалинах древнего города, теперь носящих название «Много храмов». На обширном пространстве, окруженном останками стен, целыми курганами, в разбросанных осколках рассыпаны разновременные здания.

Можно видеть, как древние несторианские гробницы были употреблены в более позднем строении. Странно видеть, как огромная мраморная черепаха Минских времен, служившая подножием колонны, осталась одиноко на пустыре. Вероятно, неоднократно пользовались прекрасно обожженными древними кирпичами для каких-то позднейших поделок. Говорят, из камней этих развалин выстроена и ставка местного князя. Говорят о нахождении каких-то золотых изображений. На наш вопрос, не буддийские ли? – отвечают, что нет, какие-то другие. Кто знает, может быть, несторианские.

На обширном пологом холме разбросаны неисчислимые черепки посуды. Точно бы весь холм состоит из накитых слоев, насыщенных всевозможными обломками фарфора и керамики. Рассматривая эти осколки, многие мысли приходят в голову. В каждом из этих осколков звучит вопль какой-то хозяйки, на глазах которой разбивалось ее достояние. Хозяйки этих осколков будут принадлежать разным векам, от 12 и даже до 18. Спрашивается, какие же наслоения жизни, какие же повторные разрушения происходили, чтобы сбить в одно место эти бесчисленные свидетельства погубленного домашнего обихода?

Среди древнейших, более примитивных, гончарных поделок можно усмотреть почти неолитические орнаменты – веревочные и ногтяные. Рядом с ними будут лежать черепки прекрасного фарфора хороших китайских периодов. Прочность этого фарфора такова, что с трудом можно разбить некоторые из этих черепков. Сколько же потрудились чьи-то человеческие руки, чтобы расколотить вдребезги целые сосуды, горшки, чашки всех размеров и форм.

Думалось, один этот холм представлял бы из себя огромнейшую ценность, если бы чья-то давно умершая злая воля не уничтожила всех этих человеческих творений. Ведь среди них можете видеть черепки прекрасной китайской поделки, которая так высоко ценится. Для керамического музея или мастерской, даже в этих мельчайших осколках, образцы техники нескольких веков могли бы быть отличным показателем материала. Неразрешимо такое ближайшее соседство разновековых остатков. Значит, на этих местах произошло далеко не одно свирепое разрушение.

Сомнители, о которых выше помянуто, сидя в своих кабинетах, наверное, никогда не видали стаинных развалин во всей их неприкрытии. Отuriенные (от слова туристы) башни рейнских и тирольских замков, с их биргаллями, не дадут того впечатления, как развалины в пустынных просторах, полные обломков и осколков, точно бы вражеская рука еще вчера яростно бушевала среди них. Такие вещественные кладбища являются лучшими свидетельствами о том, какова бывает ярость человеческая. Кто же решится утверждать, что ярость 13 века более сильна, нежели ярость современная нам? Ярость есть ярость. Предательство есть предательство. Гнев есть гнев – вне веков и народов. Зато и милосердие и неудержное созидаельство – тоже вне веков.

Говорить о пользе путешествий, казалось бы, уже – трюизм. Но, как многие свидетельства времен не будут запечатлены ни в книгах, ни даже в отобранных музеях, лишь на месте, среди всех естественных условий, можете воспринять с особою убедительностью части истины. Так же точно люди разных национальностей производят совершенно различное впечатление, у себя ли на родине, или в чужих условиях. В настоящее время уже заботятся взаимно ознакомляться с народными песнями, музыкой и всеми проявлениями творчества. Это необходимо. И можно всячески приветствовать дружеские взаимознакомления. Но при этом не забудем, что песнь различно будет звучать в концертном зале чужой страны, или среди гор и водопадов мест ее родины. Может быть, сама природа аккомпанирует таким проявлениям творчества. Да и певцу, конечно, поется иначе в разных условиях. Потому чем больше будет взаимознакомлений в наиболее естественных условиях, тем впечатление будет действительнее и неизгладимое.

Один холм, полный разновековых останков, породит множество впечатлений и заключений. Какую бы вдохновенную лекцию ни иллюстрировать черепками сосудов, все же впечатление этих же самых осколков на том месте, где бушевала непростительная человеческая ярость, будет несравненно более сильным. А ведь нужно вызвать наиболее убедительные свидетельства, которые заставили бы человечество еще раз подумать о том, что ярость, как таковая, рано или поздно подлежит осуждению. Ведь ярость, заалевшая от стрел разрушительного гнева, все-таки останется недостойной человеческого совершенствования.

Те, которые пытались бы доказать, что насыщенность человеческой ярости уже изжита, – лишь докажут свою неосведомленность. Газета, простой осведомительный каждодневный лист, докажет противное. Тьма по-прежнему велика, если только местами и временно она не сгустилась еще больше. Вопли мирных хозяек, лишавшихся своего достояния, звучат в каждом черепке сосуда. Может быть, этот сосуд был приобретен с большими трудностями. Может быть, он служил прямым украшением домашнего обихода. И вдруг, совершенно зря, он разбивается и оставляет в душе спасшихся домохозяек чувство, подобное лишению чего-то родственного. Если бы в доме каждой современной домохозяйки находился хотя бы один черепок от когда-то яростно, губительно разрушенного сосуда, то, может быть, этот малейший осколок всегда напоминал бы о том, насколько должно быть хранимо творчество человеческое, как вещественный знак культуры.

Хотелось бы собрать возможно больше этих осколков и разослать их по миру всем добрым хозяйствам, чтобы они среди обихода жизни еще раз вспомнили о том, что должно быть охранено во всем добросердечии. Осколки горестных воплей еще живы в черепках прекрасно сделанной посуды. Если бы люди дослушали все горестные вопли прошлого – они бы тем ярче подумали о перестроении жизни в том виде, чтобы избежать воплей. Стон породился яростью. Ведь не стонать и вопить призвано человечество. Ему дано строить и радоваться, дано возвышаться вне горестных воплей. Потому пусть же холмы горестных воплей, через яркие воспоминания о прошлом, превратятся в высоты радости для будущего.

15 июля 1935 г.

Наран Обо.

Неизвестные

Наконец-то в Париже состоялась выставка, о которой не однажды уже приходилось говорить и писать. Уже давно казалось чрезвычайно ценным выявить так называемых неизвестных мастеров, ибо имена великих мастеров очень часто в общественном представлении являются понятиями коллективными.

Агентство «Гаваса» в июле сообщает: «Выставка шестидесяти картин, восхваляемых знатоками как шедевры, но носящих подписи неизвестных людей, организована в Париже под руководством Жоржа Хюисмана и провозглашается, как самая замечательная из тридцати художественных выставок последнего Парижского сезона.

Выставка неизвестных мастеров привела на память старых знатоков искусства много эпизодов относительно ошибок, допущенных в суждениях о картинах даже лучшими собирателями.

Один из них рассказывает: Тридцать лет назад я возымел идею представить на жюри одной выставки один маленький римский ландшафт в светло-желтых и голубых тонах, а также рисунок пером, изображающий крестьянина в большой шляпе. Обе эти вещи были отвергнуты. И тем не менее пейзаж был – Коро, а рисунок не что иное, как Рембрандт.

С другой стороны, добавляет критик, картины неизвестных авторов были неоднократно приобретаемы художественными музеями. На недавней выставке старого итальянского искусства в Париже находился знаменитый «Сельский концерт», ранее каталогированный выдающимися критиками как Тициан, а теперь рассматриваемый как шедевр Джорджоне.

Эти анекдоты, заключает автор, напоминают знаменитое изречение Тулуз-Лотрека: Картина должна быть прочувствована. Другими словами, картина должна быть ценима по достоинству, а не по подписи. Французский мастер добавил: Что же может значить, если портрет какого-либо Евангелиста

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
окажется не Веласкесом, если по достоинству он может принадлежать его
кисти».

Приведенные критиком факты еще раз напоминают нам многие истории из художественного мира, свидетелем которых пришлось быть. Мне уже приходилось упоминать, что в музее Метрополитен в Нью-Йорке находится приписанная Массейсу картина любопытнейшего, малоизвестного нидерландского мастера Хазелаера. Подпись его, виденная на картине еще мною и Семеновым-Тян-Шанским, видимо, снята предыдущим владельцем. Ведь на художественном рынке одно дело продавать какого-то Хазелаера и совсем другое иметь возможность повторять имя Массейса.

Также вспоминаю и письменное свидетельство одного большого авторитета о Рембрандте, между тем как с этой картины была только что снята подпись ученика Рембрандта, Яна Викторса. Вспоминается и пейзаж 18 века, под которым была оставлена подпись 17 века, принадлежавшая варварски уничтоженному оригиналу Блумарта. Можно приводить множество историй, которые красноречиво подскажут, что картина должна быть судима не по подписи, а по достоинству.

Собиратели различаются по двум типам. Одним из них прежде всего нужно лишь имя. Другим же более всего нужно художественное достоинство. Для собирателей первого типа и произошли бесчисленные подделки. Один антиквар, грубого, но пронырливого типа, говорил: «Подпись тридцать копеек стоит».

Сколько трагедий и драм произошло и происходит в художественном виде из-за условности суждений. Если возьмем любой обширный словарь художников, то вас прежде всего поразит множество совершенно неизвестных имен, не оставивших по себе почти никаких произведений. Тем не менее эти люди были учениками известных художников. Очень часто жили долго. Были призываются к украшению храмов и общественных зданий, что показывает бывшее к ним доверие. Кроме того, имена их цитируются старыми историками искусства, имевшими основание давать им хорошие оценки. Действительно, по исключительно редким подписным их картинам (вроде помянутого Хазелаера) можно убеждаться, что эти не дошедшие до нас мастера были большими, прекрасными художниками и вполне заслуживали свою страницу в истории искусства.

Если сейчас у нас на глазах исчезает с картины подпись Хазелаера, то ведь подобные прискорбные эпизоды, конечно, происходили во всех временах. Рассказывали про одного известного собирателя, что он всегда имел при себе баночку со спиртом, причем при приобретении картины, в процессе торговли, на всякий случай стирал подпись, ибо без подписи картина, мол, малооценнее. Мало ли что происходило около художественных произведений. Мы сами видели, как некий реставратор привел отличную картину в кажущееся ужасное состояние, лишь бы под этим предлогом приобрести ее от дорожившего ею владельца.

В конце концов, можно бы написать целую поучительную историю жизни картин и других художественных произведений. Может быть, когда-то в театральных постановках вместо человеческой личности будет представлена жизнь картин. Так много и драматических, и печальных, и высокорадостных эпизодов запечатлеваются около творческих произведений.

Сколько раз нам приходилось слышать о спрятанных картинах, неизвестно ком и для кого. Помню, как эскиз Рубенса был заклеен в качестве толстого переплета книги. Прекрасный портрет Брюллова был вскрыт под ничего не стоящим пейзажем. Под так называемой картиной Давида нашлась подпись Карбоньера. Во всех странах, во все века происходила вольная и невольная перестановка имен и определений. Вместе с переоценками, возникающими в течение каждого столетия, появляются и новые условности. Вместе с принципиальными переоценками происходят новые сокрытия и открытия.

Мне рассказывали об интереснейшей коллекции неизвестных французских художников сравнительно новейшего времени. Один марселец начал собирать картины, остававшиеся после рано умерших или оставивших навсегда искусство художников. Накопилась большая коллекция, в которой не знающий подлинных имен зритель мог бы при желании найти как бы и Дега, Моне, Мане, Рафаэля, Монара, Латура и других известных французских художников. Были в этой своеобразной коллекции и произведения очень оригинальные. Становилось ясным, что когда-то какой-нибудь предприниматель мог бы сделать из такого собрания очень знаменательную выставку. Ведь кроме рано погибших, не

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
выявившихся художников, имелось немало и таких, которые сами про себя говорили, отставив искусство, – декураже. Еще большой вопрос, справедливо ли они сами себя поставили в разряд разочарованных. Иногда какая-нибудь вопиющая несправедливость могла приводить к такому незаслуженному решению.

Один мой друг, произнося слово «неизвестный», всегда прибавлял «неизвестный для меня». В этом смысле он был глубоко прав. Почем он мог знать, известен ли другим тот, кто для него, в данную минуту, в данном месте, почему-то неизвестен? Такое добавление следовало бы вообще принять к исполнению. Иначе часто люди воображают, что если они чего-то не знают или чего-то не признают, это значит, что и все вообще должны не знать то же самое. Кроме того, вопрос известности и неизвестности один из наиболее условных вообще. Столько при этом обстоятельстве накапляется всевозможных случайностей и вольных, и невольных. Сколько творцов получали так называемую известность когда-то после смерти. Ведь люди почему-то очень ценят в своих определениях именно условия смерти.

Выставки «неизвестных» мастеров еще раз напомнят об условности человеческих суждений и создадут еще одну справедливость в мире.

16 июля 1935 г.
Письмена Азии

На обветшалых, пожелтевших рукописях Турфана звучат гимны Богу Свету, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово мир употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и от всяких среднеазийских путников.

Разрушились, пустынные сейчас, храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомнят, что и в пустынных, затемнелых развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах.

В недавнем переводе турфанские гимны означают: (многоточия обозначают пропавшие места текста).

«Гимн живой душе ... все грехи, колебания внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное. Смешение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое бытие: чистое слово, ведущее к душе! Через нее, через душу пойми лукавое слово вождя ада, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, все слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адovу, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова ... поedaющий огнь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и перевоплощение! Удержи сердце и мысль от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира. . . .

Тебе пою, Бог Всемогущий, живая душа, дар Отеческий. Будь благословенна душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь! мудрая ... все ... сама ... в трепете ... внимая, ... мир ... к Тебе, Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может преобороть? Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и благородный Владыко».

«От Света, от Бога – я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды».

«...Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу, и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне: ... „О благе, о мире, о доверии“. Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью: „О, Светлый Водитель души“. Вострубите в веселии: „Веди

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
души воедине ко спасению". На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно
сыны Божий. Скажите: „Свят, Свят“. Воззовите: „Да будет, да будет“.
Звучите: „О, премудрость Светлейшая“. Воззовите чистым словом: „Слово живое
Истины от оков освободит заключенных. Хвалите Истину, вы“. Звучите и
воззовите: „Пылайте страхом Божиим, в заповедях и в Заветах воссоединяйтесь
без ... исхода ... Света. Зовите ... Глашатай ... великий мир, сокровища, которые
души, и глаза, и уши ... Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте
любимые куши, просветите путь к Свету. Сопрягите все члены в пяти, в семи и
в двенадцати. Вот они, семь сияющих, благородных камней, которыми стоит
мир. Их мощью живут миры и все сущие. Как лампада в доме единая, во тьме
пресветлая“...

«Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя
искусающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому
тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не
поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплыват камень капли воды.
Также и обиды и поношения не поколеблют многотерпеливого. Как Сумеру гора,
терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда
учеником, иногда и учителем, иногда рабом, иногда владыкою».

«Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на
мне, Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится
моё терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо»...

«Счастлив, кто в чистоте и правде твоей, о, Боже, познает многообразие,
человечность и чудотворность».

«Есть ученик доброго сердца и любящий учителя. Он следует ему, держит имя
его в чести и любовно во всем к нему относится... Прими этих братьев, к тебе
приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей
своих».

«... как Владыко, который оружие свое и доспех снимает и облекается в царские
одежды, так посланец Света отлагает воинственность и воссядет в Свете и в
Божественном одеянии, в венце сияющем и в венце прекрасном. И в великой
радости сходятся к нему и справа, и слева Светозарные в песнопении веселия
– все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии, или, как
стремящееся светоизарение, осветит столбы его восхищения во всей
божественности ...»

«Благородный Владыко исполнил свое обещание, Им данное: „Воссяду на облаке
и к часу сужденному пошлю вам помощь“.

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В знаках пехлевийских и уйгурских
сохранились в тайниках Азии голоса от стран дальних. И в стенописи
сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на
тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже
найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большеокие
образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит
моление древних Вед:

«Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир
засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на
нас этот мир».

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате
взвывает:

«О, человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты
должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как
многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным! Ты больно в своем
понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Нерешимые соображения не помогают
твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления.
Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она
дашит возвучиях Святого Духа. Помните, братья, как хорошо и как приятно

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
жить вместе в единении».

Молила Азия о мире, о том же взывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира.

22 июля 1935 г.

Тимур Хада.

Открытые Врата

«Прошлое – ничто перед будущим». Не раз приходилось так усовещевать тех, кто сомневался в будущем и горевал лишь о прошлом.

«Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего». И так много раз писалось для тех, которые не хотели оценить сокровищ, накопленных в прошлом.

Страны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иерогlyph, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков «на людей посмотреть и себя показать». В записи о дедовском кабинете так и сказано. Уже не говоря о многих колючих и взыскательных дедах, но даже и хорошие из них не всегда ответят будущему мужественно и открыто.

Тем не менее в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились и многие рукописи, которым не пришлось быть широко напечатанными. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим в полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными вратами к тому же будущему достижению?

Перл Бэк в своей последней статье о творческом духе Китая приводит следующий эпизод: «Мой друг, который является сыном старой Конфуцианской семьи и однажды сам был последователем Конфуция, но теперь горделиво объявляет себя ничем, выразился оскорбительно: именно конфуцианизм убил в нас творчество. Конфуций учил нас смотреть лишь назад, на мертвых, как на пример для нас. Ничто не оригинально! Все, не сотворенное по старым меркам, было неправильно. Этот обычай равнять по другим внедрился в наше мозговое вещество целыми столетиями, и потребуется другое столетие, прежде чем мы сможем сделаться самими собою». Но молодой социалист сказал: «Нет, это империалистические императоры, которые повредили нам. Они видели путь удержать народ от мышления и заставили умы основываться на старых классиках как единственных средствах для продвижения, так что лучшие мозги в стране были заняты изучением мертвой литературы, вместо того чтобы думать и творить в той современности, в которой они жили». А юный экономист сказал: «В конце концов, это просто вопрос экономии. Искусство и творческий дух могут процветать лишь во времена мира и благосостояния. Теперь уже годами мы не имеем ни мира, ни изобилия, как же мы можем мыслить, чувствовать и творить?».

Все три мнения подобраны чрезвычайно характерно. И нам не раз приходилось слышать умаления древних философов именно с упоминанием Конфуция. Но, в конце концов, который же из заветов Конфуция запрещал мыслить о совершенствовании, о будущем? Если кто-то изуверски извращал смысл его указаний, то об этом можно лишь сожалеть, но не умалять великого мыслителя Конфуция.

Еще недавно так же точно нападал на Конфуция известный профессор, и невозможно было понять, чем ему самому помешал древний мудрец, ибо профессор не был ни игнорамусом, ни отрицателем по природе. Наоборот, он был знатоком и ценителем отечественной и мировой литературы. Очевидно, всюду в преходящих волнах жизни и пророки, и мудрые должны быть временно

Но должна же, наконец, наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворяющим, но не отвращающим. Нет новшества в осуждении. Оковы осуждения принадлежат тюрьмам, как и всякие оковы. Время ценно. Энергия благословенна. Опыт почитаем. Не на осуждение тратить все эти ценности! Безумна такая растрата, когда силы так безмерно нужны для устроения и создания.

Входя под древние своды, не собираемся оставаться жить под ними, но всегда помним поучительные начертания, усмотренные на старинных камнях. Знание старины убережет и от излишнего самохвальства. А вдруг окажется, что когда-то что-то лучше делали, или знали нечто, нами утраченное. И в катакомбах, и в пещерах не замирала, но кипела такая творческая мысль, мозги которой можно лишь поучиться. Самоутвержение, познание труда, подвиг, неустанное творение вызовет не осуждение, но благую внимательность и проникновенность.

Люди различаются на осуждающих и на творящих. Но там, где заложено творчество, даже тюремные стены не подавят его. Сколько замечательных нахождений и трудов сотворено именно в тюрьмах. По счастью, дух человеческий не знает тюремных затворов. В полной готовности к творчеству, во имя славного грядущего не будем умалять прошлого, со всею его поучительностью. Чаще всего подобные умаления – не что иное, как прием ораторства. Но, прейдя границы минутного увлечения, люди понимают, насколько неблагоразумно пренебрежение, и начинают чувствовать ценность культуры во всем ее широком понимании.

Достаточно знаем, сколько научных данных сохранено пирамидами. Также знаем и современные государственные доходы от пирамид. А ведь сколько злословий было послано их строителям. Знаем расходы по построению Версальского дворца. Также знаем, что они равняются затратам по постройке одного броненосца, который через десятилетие признается устаревым, негодным и уничтожается – на слом. Знаем и то, насколько Версаль является национальною гордостью Франции и дает поучительный, образовательный отдых народным массам. Знаем и Тадж-Махал, и храмы Нары, и святилища майя, и дворцы Италии. В современных министерствах туризма все эти, не раз кем-то осужденные здания занимают первые места.

Можно приводить множество примеров тому, как именно доброжелательно воспринятое знание является истинными открытыми вратами. Но всякая преднамеренность и умышленное ограничение приведет лишь к постыдным умалениям, которые прежде всего не будут полезны странам в их истинном развитии. Может быть, соображение экономиста было бы ближе к делу, но и в этом случае можно привести примеры, когда лучшее творчество проявлялось в величайшей нужде и утеснении. Во всяком случае, Конфуций, сам в свое время преследуемый и мало понятый, не может быть примером запрещающего ретроградства. Наоборот, в его четких и жизненных мыслях можно видеть прямой путь от прошлого к будущему. А любовь и преданность будущему должна быть врожденной. Никто и ничто не может лишить человека в устремлении к светлому будущему, к открытым вратам Света.

27 июля 1935 г.

Тимур Хада.

Женщина

«Женское движение в Индии, несомненно, является одною из главных животворных сил в нашей национальной жизни». «Движение в Индии началось лишь недавно, и в этой начальной стадии трудно пророчествовать о его будущем, разве что, как все движения, рожденные необходимостью, – оно полно скрытых возможностей. Обращаясь к действительности, следует изумиться, что широкая национальная женская организация, с определенными задачами и установленной деятельностью, не образовалась давно раньше». Так говорит о женском движении Лакшми Н-Менон и кончает свою интересную и многозначительную статью: «Теперь дело за мужчинами Индии помочь этому движению. Ведь это не только женское дело, это – дело целой нации и, я добавила бы, дело человеческое. Но если бы они, в огромном большинстве, и не помогли бы, движение будет развиваться и преуспеет». «Прошлое полно предостережений; настоящее полно надежд. Достижение и будущее нам светят. Собаки могут лаять, но караван пойдет».

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Так говорится в июньском номере «Двадцатого Века». Говорится как нельзя более ко времени, когда страшные события опять угнетают мир, и мы уже давно призывали женщин сплотиться для деятельного добротворчества.

Лакшми Н-Менон правильно говорит в своей статье о многих трудностях, препятствующих быстрому развитию женского движения. Мы вполне согласны с ней о количестве всяких предрассудков и суеверий, которые, кроме вопросов нелепого атавизма и самомнения, мешают видеть уже установленное в мире то, что, казалось бы, изначала должно было бы стоять ясно и непререкаемо.

Казалось бы невежественным и нелепым в наши дни еще говорить о женском равноправии. Неужели же при современной цивилизации, а тем более при культуре, о которой так много говорят, можно сомневаться в том, что полное равноправие женское есть такой трюизм, о котором и говорить-то не следует. Ведь как же может быть иначе. Ведь не времена троглодитов сейчас. Ведь какой же такой невежда дерзнет сейчас говорить о различии прав мужчин и женщин.

Действительно, даже непристойно говорить о каких-то различиях, но ведь так часто еще законодательства так называемых культурных стран не отделались от этого неслыханного, уродливого предрассудка. Трудно и безнадежно заглядывать в далекое прошлое, ища там причин. Конечно, в таких поисках можно найти множество недоразумений, злотолкований, злоупотреблений частными случаями и всяких прочих недопустимых странностей. Но ведь для настоящего, каждая минута которого является уже частью будущего, нужно лишь напрячь все силы, чтобы везде на Земле воцарилось прежде всего равноправие как первейшее условие человеческого достоинства.

Конечно, будет и такая эпоха культуры, когда законы уже не будут женскими или мужскими, но действительно будут человеческие и прежде всего человечными. Тогда и организации уже не будут делиться по полу, но по другим различным признакам культурных задач. Конечно, такое время будет, ибо пути человеческие через все потрясения и судороги суждений все же идут по этим направлениям. Недаром нынешний век называется веком Матери Мира. В этом величественном понятии заключается и признание женщины как не только равноправного, но существа, облеченного особым доверием для выполнения неотложных мировых задач.

Среди этих действительно неотложных, нависших задач будет прежде всего внесение в мир доброты. Иначе говоря, внесение самого широкого и глубокого добротворчества. Уж очень недобр стал мир. Уже очень недобры люди. Объясните это обстоятельство чем хотите, но все же отсутствие доброты является понятием международным. Точно бы люди утратили знание, как им прикоснуться друг к другу. Понятие сердца так часто истерлось, как бы испепелилось. Если среди высоких, мировых задач Матери Мира Она прежде всего установит земную деятельность сердца, то это уже будут, поистине, открытые врата в сад прекрасный.

И о мире всего мира положит Себе на сердце Мать Мира. Через все очевидные препятствия к миру все же именно женский сильный союз повелительно произнесет это священное для человеческого достоинства понятие. Ведь для чего же люди должны бороться, преодолевать, кипеть и пылать – ведь все для того же трудового, просвещенного мира.

Значит, не только о равноправии мы должны мыслить, понимая его как нечто уже неотъемлемое. За этим достижением восстают великие мировые задачи, предложенные женщине самою эпохой. Автор приведенной статьи жалеет о том, что в Индии до сих пор еще не было национального женского союза. Ведь то же самое нужно сказать не только об Индии, но, в конце концов, и обо всем мире. К такому союзу,циальному и благотворному, должны вести возможности широко разлитой по миру женской кооперации.

Если почему-либо нельзя создать один великий союз, то ведь можно собраться в тысячах, а может быть, и в сотнях тысяч кооперативных ячеек. Безразлично, как эти кооперативы будут нормированы. Может быть, по специальности, может быть, по духовным задачам – может быть множество решений о таких трудовых кооперативах. Главное же, чтобы они возникали немедленно. Нужно, чтобы они рождались не только в больших городах, но и в любой деревне, внося всюду животворящую силу труда, и сердца, и устремления к культуре.

Если мы начали примером Индии, то и продолжим примером из той же
Страница 105

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
благословенной страны. Хамид Али, председательница одного из отделов улучшения сельской жизни, рассказывает: «В нашем округе тысяча триста деревень. Четыре раза в году мы устраиваем курсы, как для женщин, так и для мужчин... Приходят женщины – индусские школьные учительницы и многие другие, без религиозного различия. В округе 17 различных каст, от брамина до неприкосновенных. Мусульмане, махранты, христиане, джайны – все работают вместе. Мы учим их поваренному делу, шитью, прачечной работе, мыловарению, тканью, молочному делу, столярному, санитарному, садовому, детскому благополучию, борьбе с болезнями, даем сведения по ветеринарии, о законах, касающихся женщин, о законах о взаимодавцах – словом, всему, что должно делать жизнь в деревне чище и счастливее. Вечерами, после классов, мы даем музыку, картины, игры, улыбку радости. Ведь наши бедные люди потеряли смех. Ведь трудно оставаться веселым, имея еду один раз в день. Но вы должны послушать их теми вечерами, когда поют, слушают радио и смеются. Многие приходят и без приглашения. Я видела до двух-трех тысяч собравшихся кругом, чтобы приобщиться и послушать». «Земледелие сменяется и оставляет старые, медленные, узкие методы. Под влиянием нашего движения об улучшении сельской жизни многие деревни уже ввели на своих землях улучшения, а некоторые уже объединили фермы в кооперативном порядке».

Конечно, и это полезное начинание кончается словами о кооперативах. В умно сложенных кооперативах меньше всего можно ждать ссор, несогласий, недоумений. Труд созидательный, неотложность рабочих задач – связывает сознания. Людям занятым некогда бывает ссориться и спорить. Надо делать, надо преуспевать. И так увлекательно убеждаться в этом очевидном преуспении, которое дает сотрудничество.

Великая задача Матери Мира прежде всего объединительна и убедительна. Никто в мире не может препятствовать возникновению трудовых сотрудничеств. Против кооперативов никто и не может возражать. Ныне во всех правительствах эта форма частного сотрудничества всюду широко принята. Для нее не нужно изобретать новых, смущающих кого-либо законов. Значит, следует лишь объединиться в наиболее душевносплоченные группы и, хотя бы в малых сначала размерах, – приступить к разнообразному труду. Подчеркиваю, что всякое зерно мало, и потому не следует сразу стремиться к обременяющим огромным размерам. Наоборот, именно малые размеры вначале могут помочь и облегчить взаимопонимание. А затем не трудно, в деловом порядке, находить точки соприкосновения между уже спаянными крепко кооперативами.

Повсюду приходится слышать о самых неожиданных и оригинальных формах кооператива. Еще недавно можно было читать о целых предприятиях, основанных на обмене изделиями. Если возможен обмен рукоделиями, то так же точно может возникнуть и интеллектуальный, а за ним и душевный, сердечный обмен.

Среди повелительных задач наших дней будет прежде всего делание. Именно делание покроет собою многие недоумения. Среди женщин сейчас заметно искреннее желание делания как основы самостоятельности. Конечно, повторим, что делание то должно быть самое разнообразное: от ручного и до высокомозгового. Уже надоели соображения о том, что труд прежде всего происходит на каких-то фабриках. Всякий созидательный дух возможен всюду, и всюду он ценен. А женщины умеют трудиться. Ведь свобода не в том, чтобы начать курить или излишествовать всякими другими наркотиками. Наоборот, сейчас требуется необычайная трезвость во всех областях жизни. Вера и верность приходят в трезвости. Как сказано, что неверный в малом – неверен и в большом. Но верна и прекрасна работа Матери Мира. Вдохновительница, творительница, всюду вносящая доброворчество – можно ли против этого спорить?

Когда говорят о равноправии, то даже нечто оскорбительное чувствуется в одних предпосылках о том, что кто-то может быть неравноправным. Ведь могут быть лишены каких-то прав лишь преступники. Но все члены человеческого общества, они прежде всего люди. Потому, неужели же в нашем двадцатом веке, мнящем не только о цивилизации, но и о культуре, могут быть препирательства о равноправии. Разве не полноправно сердце человеческое? Разве не равноправна кровь человеческая?

Автор ранее приведенной статьи кончает ее на призыве о помощи. Можно ли говорить о помощи там, где должно быть ясное, осознанное, полноправное сотрудничество? Ведь к справедливости все должны стремиться. К миру, к созидательному труду все должны стремиться. Нужно быть каким-то изменником против человечества, чтобы противостоять этим аксиомам. Нужно быть каким-то

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
природным предателем, чтобы восстать против единства сердца
человеческого.

Каждый из нас видит два определенных типа людей. Одни – приветствуют добро, а другие корчатся в каких-то судорогах при упоминании о добротворчестве. Не забудем, что темные противоборцы против добра подчас очень организованы. Не значит ли это, что и объединившиеся около добра, справедливости и взаимоуважения – тоже должны быть очень объединенными.

Не знаю, многие ли отзывались на приведенные статьи о женском движении. Думается, что очень и очень многие должны отзываться так же, как отзывались бы на самонужнейшие, неотложные вопросы. Сейчас мир в большом смятении, и потому всякое объединение на справедливости и добротворчестве должно быть неотложно. Век Матери Мира не может быть заурядным веком. В чуткой настороженности будем слушать веление улучшения жизни.

30 июля 1935 г.

Тимур Хада.

Старинные лекарства

д-р Бернард Рид творит благое дело. С пожелавших, забытых и часто осмеянных листов старых китайских фармакопей он вновь открывает для ученого мира многие соображения, заслуживающие большого внимания современной науки. Нам особенно драгоценны труды этого английского ученого. Много раз уже мы указывали на необходимость изучения старинных фармакопей и всяких народных средств, среди которых, несомненно, находятся результаты вековых опытных наблюдений.

За такие утверждения много раз мы подвергались насмешкам. Многие современные ученые ведь так боятся, чтобы не показаться устаревшими и чтобы не утратить листок из венка модернизма. Еще не так давно мне ставилось на вид, что мои соображения могут поддерживать ретроградных ученых, вместо того чтобы в хоре модернистов грубо отвергнуть все сделанное ранее. При этом мне приходилось утверждать, что мы никогда не говорили о том, что все древнейшие фармакопеи вполне применимы. Мы утверждали, что старинные фармакопеи должны быть изучаемы как еще один источник, полезный для некоторых самоновейших заключений.

О почтенных трудах д-ра Бернард Рида мы знали давно. Наш друг Чарльз Крэн уже несколько лет тому назад рекомендовал этого отличного ученого для сотрудничества с нашими учреждениями – так оно и состоялось. Теперь же с особенным интересом мы следим, как ежедневные местные газеты, с полным вниманием, посвящают целые столбцы исследованиям д-ра Рида. Звучит парадоксально: самоновейшие исследования по стародавнейшим источникам. А между тем иначе и не выразиться, ведь д-р Рид познанием стариннейших источников подтверждает самоновейшие «открытия» современной науки. Для историка особенно поучительны эти строго научные выводы, ибо ими еще раз подтверждается, насколько бережливо мы должны подходить к истокам человеческой жизни, со всею ее наблюдательностью. Ведь в таких случаях мы имеем дело не только с какою-то цивилизацией, но с культурою, во всем ее своеобразии.

«Для многих показалось бы странным применять лечения посредством шкуры осла, глаз овцы, рога оленя, собачьих мозгов, всевозможных трав – всего, что так связано с фольклором и могло бы считаться пустым китайским суеверием, и казалось бы недопустимым, чтобы большое доверие оказывалось таким абсурдным лекарствам».

«Но длительные изыскания, предпринятые д-ром Бернард Ридом, главою отдела физиологических наук, и его сотрудниками в Лестеровском институте медицинских исследований значительно уменьшают такой популярный скептицизм. Лестеровский институт занят тем, чтобы в глазах современной медицинской науки Запада было введено справедливое отношение к эмпириическим наблюдениям Китая, которые составляют основу старой китайской медицинской практики. Известно, что терапевтическая практика не только в Китае, но и в Индии существовала многими столетиями, имея связь с еще более древними цивилизациями, – что выясняется по старинным манускриптам».

«Работа д-ра Бернард Рида и его сотрудников заключается в том, чтобы поставить подобные эмпирические применения на рациональный базис, употребляя при этом высокую технику новейших исследователей и более

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
основательные познания входящих принципов, и, таким путем, новыми возможностями оценить старое и приложить новые пути для исследований, которые окажутся цennыми для самой современной медицины. Д-р Рид работал на этом поприще в Китае более тридцати лет и уже давно был вознагражден успехами в открытии вновь применения эфедрина и масла чолмогры в древности. Теперь, работая среди превосходных возможностей Лестеровского института в Шанхае, – будут даны новые ценные соображения по китайской Материи-Медика. Теперь производится исследование витаминов, содержащихся среди разнообразнейших местных китайских лекарств и пищевых продуктов. В Ханьчоу последний год было продано на четверть миллиона долларов ослиных шкур лишь в одной аптеке. Такая шкура, называемая „ах-чиао“, называлась восстановителем крови и общепитательным веществом для слабых людей, особенно же страдающих от туберкулеза. При исследовании было найдено, что действительно она содержит многие полезные вещества».

«Также было замечено, что многие симптомы скорбута, слабость колен и общая пониженность – требуют лекарств, заключающих в себе определенный витамин. При этом, после изысканий, было установлено, что в некоторых китайских фруктах и травах, предлагаемых с этой целью, заключается этот витамин в гораздо сильнейшей степени, нежели в „греп фрут“ и в различных апельсинах. Так же точно и вспомогательный порошок бобовый служит заместителем молока, при всей своей дешевизне».

«Д-р Рид утверждает, что старинная китайская медицина нуждается в глубочайшем изучении, прежде чем смотрящие назад или вперед учёные могли бы произнести о ней свое суждение. Как исторический источник – она драгоценна и для антрополога, и для натуралиста, и для физиолога. Освобожденная от фольклора, примитивной религии и изжитых философских теорий, – она дает огромный запас честных наблюдений китайской фауны и флоры, употребляемых как пища и лекарство, и тем предлагает ценные пути для исследований. Тома китайской медицинской литературы заключают в себе все исследование китайской естественной истории – замечательное собрание наблюдений за тысячелетия».

«Д-р Рид чувствует, что, кроме приложимой ценности, китайская медицина нуждается в интеллигентном и сочувственном понимании со стороны современной медицины. В Азии замечается большая нужда для широкого применения научных методов, которые бы научили народ ценить древнюю медицину в ее истинном понимании и тем подняли бы понимание новейших идей в медицине во всем их приложении».

«Употребление животных веществ показывает, что именно среди них за самое последнее время найдены нужнейшие витамины. Например, употребление мозга бешеной собаки при лечении причиненной ею раны напоминает современный пастеровской способ. Д-р Рид дает таблицу, показывающую 26 частей от шести домашних животных, применявшихся в домашней медицине. Эти животные: корова, лошадь, свинья, курица, овца и собака. Рог марала очень ценится в Китае, а новейшие исследования показали, что он заключает мужской гормон. Глаза овцы, глаза сокола, попугая и некоторых рыб так же точно в последних исследованиях показали присутствие витамина А. В старых китайских фармакopeях печень свиньи рекомендовалась от слепоты, бери-бери, а теперь, недавно, было найдено, что она изобилует всеми пятью витаминами. Много подобных примеров может быть приведено».

«Вовсе не в магизме, но в действительном применении содержания древние лекарства могут быть вновь переоценены и применимы. То же самое можно сказать и о людях, страдающих отсутствием йода. Многие столетия тому назад в Китае применялись морские растения для лечения зоба, а теперь оказывается, что эти старинные лекарства оказались вполне действительными. В Китае более чем за 50 веков сохраняются сведения о всевозможных наблюдениях в областях медицины. Эти наблюдения вовсе не представляют божественную интуицию, но эмпирические находки, которые были лишь затемнены неверным направлением науки прошлого столетия».

Таким путем, ничего не нарушая, без всяких несправедливых обвинений можно изыскивать новые, всем доступные, полезные возможности. Многолетний опыт д-ра Рида лишь подтверждает, что, когда учёные направляются путем добросовестного благожелательства, они открывают многое такое, что осталось бы затемненным для сомневающегося, злого глаза. Одно дело – честное изыскание, а другое – самомнительный скепсис, который попросту можно назвать сомнением, пути которого всегда очень темны и извилисты.

Такие же старинные лекарства, заслуживающие глубокого изучения, можно найти во всех древних наблюдениях. Части истины остаются всюду неизбывными и непререкаемыми. В каких бы непонятных для поверхностного наблюдателя формулах ни сообщалась истина – она все же останется таковою при глубоком, а главное, непредубежденном изучении этого иероглифа.

Путь отрицаний уже давно сопричислился к путям невежественным. Новейшие открытия лишь подтверждают глубокую связь человеческого мышления во всех веках и народах. Непонятные нам формулы происходили или от особенности языков, или от сознательного желания сберечь лишь в определенных руках ценные знания. Такая бережность тоже не должна быть осуждаема. «Не мечите бисера перед свиньями». Этот завет во многих формулах был повторен не без основания. «Не бывает пророка в своем отечестве», и этот скорбный завет был подчеркнут для поучения будущего человечества не без глубокой причины.

Будет время, когда невежественное, самодовольное отрицание во всех областях заменится светлым, непредубежденным изысканием. Нужно особенно радоваться каждому доброжелательному изысканию – в нем заключено истинное добротворчество.

1 августа 1935 г.

Тимур Хада.

Судьба

«...Рембрандт с первых же шагов своей деятельности выходит за пределы локального значения, и все его дальнейшее творчество есть явление общечеловеческого смысла. Тяжелая трагедия его жизни и деятельности теряет чисто бытовой и исторический смысл, а становится, подобно трагедиям всех великих страдальцев, огромным символом. При этом символизм искусства и жизни Рембрандта носит роковой характер. Все, что случилось с ним, – должно было случиться по каким-то верховным законам. Весь ужас этой жизни приобретает именно благодаря своей чрезмерности грандиозную красоту. Это подлинная Голгофа, крест, непосильный для средних людей, испытание, которого удостаиваются лишь избранники.

Вглядываясь в эту логическую во всех своих перипетиях трагедию, постигаешь и ее внутреннюю гармонию. В ужасном finale этой жизни человека, когда видишь Рембрандта больным стариком, оставленного всеми, предающимся вину, живущего в нищете, то содрогаешься, но и понимаешь, что такой конец был самым величественным, самым достойным для гения. С точки зрения какой-то Высшей Справедливости – более достойным и прекрасным, нежели чума столетнего богача Тициана, нежели прощание Рубенса с красавицей женой и переутомление Веласкеса придворными обязанностями. Рембрандт «сподобился мученического венца», и, вопреки рассудку, видишь в этом высшую награду».

Во многом Александр Бенуа находил глубокие характеристики, но в этом суждении о судьбе Рембрандта, о мученическом венце, о красоте вопреки рассудку, он дал еще одно свидетельство глубочайшего суждения. «Вопреки рассудку» – это простое и убедительное выражение, наверное, многим казалось и неуместным и неопределительным. Тягостные дни телесного Рембрандта и Франса Гальса для многих никак не покажутся апофеозом достойным.

Придворное рыцарство Van Дейка, наверно, кому-то кажется замечательным завершением великого художника. Но за этими внешне блестящими завершениями кажутся и другие, сияние которых настолько насыщено, что не каждый глаз различит его. Совершенно так же электрическая искра в своем чрезвычайном напряжении делается уже недоступной человеческому глазу.

Как-то обсуждалась судьба Жанны д'Арк. Собеседники старались предположить, какой именно завершающий аккорд явился бы самым сияющим для светлой воительницы. Делались разные предположения. Доходили до того, что кто-то видел ее королевою Франции. Но после всяких примерных суждений пришли к тому, что сужденный превышним законом аккорд был самым незабываемо величественным. Конечно, никто не забудет и не оправдает предательство судей Жанны д'Арк. Так же точно никто не будет отстаивать тех квазизнатоков искусства, которые осудили ныне знаменитый «Ночной дозор» Рембрандта или его не принятую ратушей картину, ныне являющуюся драгоценным достоянием Королевского музея в Стокгольме.

Темные осудители, невежды и предатели таковыми и остаются. Они ведь вовсе

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
не занимались ковкою мученических венцов. Они как были исчадиями ада, так и остались в той же зловонной тьме. Но совершенно вне их соображений, вне всяких земных допущений и пониманий самый превышний закон обращает уголь в сияющие алмазы. Наверное, каждый захотел бы прибавить к двум сказанным разнородным примерам еще множество самых замечательных свидетельств воздействия превышнего закона. От самых высоких примеров и до повседневности можно видеть, как для каких-то мирообразований, для каких-то будущих укреплений куются незабываемые венцы.

Лишь бы только знать о путях несказуемых и гореть пониманием их. Тот же Рембрандт мог закончить старьевщиком, или главою местной гильдии, или капитаном стрелкового общества. Мало ли какой благополучный, с обычной точки зрения, конец можно бы приложить к Рембрандту. Ведь был он собирателем, а от собирателя до старьевщика путь не так уж сложен. Был он богатым домовладельцем – по времени мог приумножить всякую недвижимую собственность. Мало ли кем он мог быть и «покойно» почить в пределах города. Но этого не должно было случиться по закону нереченому. Ценности, выраженные Рембрандтом, были оценены на каких-то совсем других весах – невидимых.

Жанна д'Арк могла остаться сельской провидицей, могла пророчествовать и исцелять. Могла окончить работу почитаемой аббатисой, а не то и уважаемой гражданкой. Ко всему были пути. Но великий Закон должен был в ней найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра – венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого.

Люди говорят о судьбе. Из каких же замечательных звеньев складывается так называемая судьба? От мирного стада до костра пожирающего. От верха благополучия до высшего испытания нищетой. Какими же человеческими формами высказать такие высочайшие построения? Высказать-то их и нельзя, но можно почувствовать, ибо в них заключены светлые вехи нового мира.

Конфуций, так часто и непонятый и гонимый, заповедовал: «Когда мы наблюдаем явления, мы можем достичь знания; когда мы достигли знания, мы приобретаем доброе желание; когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным; когда человек делается культурным, порядок царит в его семье; порядок царит и в его стране; когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда и мир воцарится во всем мире».

Тоже как бы простой путь. От обычного проявления и до мира всего мира. В таком пути, при всей его неоспоримости, сказывается очень высокий и далеко не всем доступный мировой закон. Тоже о каких-то судьбах говорит этот закон, сказывает языком неземным. Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за мир всего мира. Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сожигать Жанну д'Арк. Кому дано право унизить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений.

Нищета Рембрандта – величественна. Костер Жанны д'Арк – прекрасен. Тернии Конфуция – поучительны. Терновый, великий Венец ведет мир.

3 августа 1935 г.
Тимур Хада.
Камень

Наш Чампа, полутибетец-полумонгол, родом с Кукунора, возвращается с базара – сообщает:

«Говорят, что тут где-то есть камень, в котором медный пояс».

Что же это такое, и как бы узнать, где этот камень?

«Может быть, удастся расспросить. Только это трудно».

Мы думаем, что дело идет о каком-то открытом погребении, или о кладе, или, наконец, о легенде. На первый взгляд, обращается внимание не столько на камень, сколько на пояс. Ведь пояс всегда был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорблечение пояса приводило к тяжким последствиям. Так поговорили о странном камне с медным поясом и подумали,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
что, вероятно, дальнейшее узнать о нем трудно. Если бы это оказалось каким-то кладом, то ведь о кладах будут говорить особенно осторожно.

Конечно, легенды о кладах, находимых в бурханах, или о каких-то сокрытых ценностях можно слышать часто. Иногда они будут связаны с большими именами прежних легендарных воителей. Не обойдется и без упоминания Чингисхана, ибо это имя упоминается при всяком возможном случае.

Проходит несколько дней. Юрий занимается с приезжим бурятским ламой-лекарем. Вдруг приезжает чиновное лицо от местного князя. Князь очень просит, чтобы мы не трогали и не разбили камня с медным поясом. Опять тот же камень. Спрашиваем, полагая, что речь идет о какой-то руде: «Где же он находится?». Ответ уже наводит нас на некоторые мысли и воспоминания.

«Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест. Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути».

Значит, дело оказывается не в медном поясе, как мы думали первоначально, но в самом камне. А камень этот не что иное, как тот самый легендарный, испокон известный чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время. Таким образом, скромный посланец князя совершенно деловито просит нас не нарушить чудодейственного камня. Конечно, мы просим его передать, чтобы никто не беспокоился. Камня мы не нарушим, не разобьем и не обидим.

Воображаю, как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды о чудесном камне – легенды от Тихого океана и до средневековых мастерзингеров. В данном случае новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно.

Новая подробность о поясе на камне, быть может, означает, что камень обначен властью. В других вариантах ни о каком поясе не упоминалось. На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться. Камень приносится иногда новому владельцу совершенно нежданно какими-то незнакомцами. У камня много качеств, недаром о нем сложены всевозможные предания и песни. Упоминается он и в средневековых исторических и научных изысканиях. На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминаниями об этом сокровенном чуде.

Странно связывать чудесные, полные глубоких знаков и символов сказания с приездом чиновного лица, просящего не повредить и не увозить камня. Здесь ведь место особо священное. Около Наран Обо, бывало, уже появлялся чудесный камень. В этих местах запрещено убивать всех животных. Сам Тashi-Лама подымался на Наран Обо и отметил это место.

«Ведь Тashi-Лама выдает пропуск в Шамбалу».

Конечно, и это сведение понимается чрезвычайно различно. Но тем не менее до сих пор приезжают некоторые люди к Тashi-Ламе с просьбой дать им подобный пропуск. Опять-таки древнейшие знаки совмещаются с современностью иногда в самых неожиданных формах.

Также приходилось слышать, как нападали некоторые люди на рассказчиков о таких знаках. Ревнители тайн придут и шепнут, а рассказчик немедленно прервет повествование. Если же начнут его доспрашивать, то он закончит какой-либо самой прозаической формой, совсем не отвечающей вдохновенному началу. Значит, и древнее установление охранения тайны живет по-прежнему. И как умеют хранить такие заповедные тайны! Как умеют вовремя перевести речь на какие-нибудь повседневные темы или нежданно обратить внимание на какое-то внешнее приключение!

Опять-таки вспоминается, как однажды один индус сказал, что он настолько не выдаст тайны, что скорее допустит утверждение, что вообще ничего подобного не существует. Как в океанских волнах пробегают два и три различных

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
течения, так же и глубины людского сознания умеют быть заперты затвором тайны.

Кто-то смеется над подобною стойкостью, над таким хранением основ. Но кто-то и уважает, когда видит, что вне всякой, иногда и вопреки всякой своеокорысти люди остаются несломимы, как адамант. Камень драгий – знали его многие народы. Сохранили, запрятали знания о нем в самую сокровенную сокровищницу. Если приезжает чиновник и просит не повреждать и не увозить камня, то ведь в этом еще не будет открытие тайны. Ведь он-то не сказал, о каком таком камне идет речь. Он по обязанности должен был предупредить, что таковой камень появлялся, бывало, в этой местности. Значит, этим предупреждением не произошло разбалтывания.

Посланец был рад слышать наше обещание не вредить камню. Кто знает, может быть, в постановке нашего ответа ему почудилось, что мы знаем больше, чем он полагал. Во всяком случае, наше обещание не вредить камню было принято с искренней признательностью.

Уметь хранить тайны уже значит доказать значительное качество духа. Кто возьмется отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разумения, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды.

Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?

6 августа 1935 г.
Тимур Хада.
Шри Рамакришна

Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозовые тучи. От подъема на каменистое Ширет Обо кое-кто приустал. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз-карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания, повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его – густая-прегустая, раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы наростили причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветры протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех приходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразные следы. Рядом с широким волчьим следом отпечатались тоненькие копытца дзерена – местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радушную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие деревья! Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные! Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна! И вот, одинокий гигант карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии.

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамахамса – словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Бывают такие самые почетные от народа пожалования именем. В конце концов, поверх наипочетнейших наименований остается одно, проникшее по всему миру, имя Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слыхал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как вырастало в разных странах познание светлой сущности Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений, слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись, как могучие баньяновые ветви. На путях человеческих исканий вставали эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как «случайно» находились книги о Рамакришне. Елена Ивановна замечательно нашла эту первую книгу. Потом,

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
через много лет, беседуя под радужным кровом миссии Рамакришны под
Калькуттой, вспоминалось, как нежданно-жданно мы познакомились с этим
великим проповедником добра.

Сотни тысяч, целый миллион народа сходится в памятный день к Рамакришне. Сходится в доброжелании, поистине, добровольно и обновляется добрыми воспоминаниями и благожеланиями. Ведь это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить или заставить. Как лампады засветляются одна от другой и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что, поверх смущений дня сегодняшнего, живет неиссякаемая духовность и устремление ко благу. В жаркий и душный день, не убоясь расстояний, сходятся путники почтить память Рамакришны. Не формальная обязанность сводит воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно. Необычайно, что среди тяжких трудов, среди сомнений, среди поникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей? Мысль о благе будет прежде всего творяща. Благо не разрушает – оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Если понятие Рамакришны неусыпно устремляет к творящему благу, то ведь это уже огромное счастье.

В дни потемок особенно драгоценен свет, драгоценны его сохранения. В своих притчах о благе Рамакришна никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним хотя бы его почитание страстей Христовых. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствовавший Бхагаван, конечно, обладал многими чувствованиями. Дар исцеления он, в свою очередь, отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его, конечно, через эти непомерные отдачи. Но и в них, этих благородных несчетных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается имя Рамакришны, почитается и Свами Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Соотношение Рамакришны и Вивекананды также останется на самых замечательных страницах истории культуры Индии. Не только так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и Чель – ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученики останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать – в передаче, может быть, более сохраненной, нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого для нового светлого будущего.

Не только неувядаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришною, но именно нужность этого слова и для современности является несомненным. В то время, когда духовность, как таковая, начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительности. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришною, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих. Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в творчество на всех добрых путях. Собираясь к памятному дню Рамакришны, люди не боятся пыли дорожной, не устрашаются зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлением ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству – великий завет Рамакришны.

7 августа 1935 г.

Тимур Хада.

Membra Disjecta

Мрачный Сэт разбросал по всему миру части тела Озириса. Неутешная Изида собирает воедино это тело – какая же радость возникнет, когда вновь все расчененное соберется вместе, целостно. Подобные легенды запечатлены многими народами. Испокон веков народы опасались расчленения. Мечтали о единстве. Предупредительны и символы вавилонской башни, которая, возбудив чувственную самость людскую, окончилась в плачевном разделении языков.

О каком же таком целостном теле, о каком единении всемирном говорится от древнейших времен? Ведь не в том дело, чтобы все люди стали как один телесно. Не в том дело, чтобы порушились все стены домов и жизнь всемирная стала бы как в стеклянной бутылке. Очевидно, всегда, испокон веков, мыслилось о духовном единении. Высказывалась мечта, чтобы люди, покинув звериное состояние, могли бы отнести друг к другу со всею любовью, со всею верою и со всею надеждою. А мать всех трех – София Предвечная – охраняла бы от неразумных сvar и непониманий.

Можно ставить в любом порядке любовь, веру и надежду. Наверное, найдутся, которые будут доказывать особую полезность того или другого порядка этих основ. Не будем настаивать. Ведь это будет лишь порядковое обсуждение, а дело не в порядке следования, а в том, что все эти основания жизни должны непреложно храниться в сердце человеческом. Без надежды не пройдешь. Без веры, куда денешься? А без любви в изверга превратишься. Без этих трех светлых дочерей и мать их не покажется. Ведь на чем же утвердится премудрость?

От шатаний, от забывчивости непозволительной получились разбросанные члены человечества. Как же собрать Озириса? Сама Изида, хотя бы и оказалась мудрою, все же оставалась неутешна. По легенде, очевидно, она чувствовала все нажитые, искусственные препятствия единению. Теперь же, когда столько в мире случилось, когда события приняли хаотические и гигантские размеры, разбросанные члены мирового тела как будто отскочили друг от друга еще дальше.

Изобретены лиги и советы. Кто-то, вероятно, очень искренно хватался и за такие внешние установления, чтобы этим путем напомнить о том, что так неотложно нужно человечеству. Но судьба всех этих лиг протекает перед лицом всего мира, и все замечают об их беспомощности, как только дело касается каких-то неотложных, фактических решений. По миру ездят вестники доброго желания. Появляются какие-то, доселе неслыханные, бродячие послы. Появляются главноуговаривающие министры. Твердится о строго деловых основаниях.

Но вдруг из-за этих строго деловых оснований показываются новые, чудовищные призраки разъединения. Конечно, невозможно вторгаться в чью-либо душу. Этот дом высших чувств не подлежит строго-деловым основаниям. Но без души, без сердца, все строго-деловые основания превратятся в страшный танец смерти, со скрежетом зубовным, с лязгом сухих костей. Там, где начинается уже не пир во время чумы, но танец смерти, как же там надеяться на объединение мирового тела? Казалось бы, и ураганы, и землетрясения, и засухи, и потопы по всему миру достаточно напоминают о том, что так называемые строго деловые основания не пригодны там, где уже вспыхивают пожары, и убедительность речи человеческой испепеляется.

Быть может, именно «строго деловые» основания, во всей их уродливой условности, и являются одной из причин всяких разделений. Люди мыслят не о взаимной помощи, не о взаимном благополучии, не о будущем счастье, но лишь покрывают листы столбцами острых зубастых цифр, которые, может быть, верны

Перих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
в своих механических итогах, но глубоко ошибочны в смысле своем. Так часто побочное вспомогательное средство оказывалось поставленным в основание мышления и из-за такого недопустимого перемещения шаталась и распадалась постройка. Каждое бессмысленное разрушение, каждое взаимное утеснение уже будет как-то и где-то разделять разбросанные члены человечества.

Если кто-то полон доброго желания, если он мыслит во благо соседа, а встречает из-за соседского забора лишь кулаки и поношения, то какое же соглашение возможно? Не становятся ли трагическими фигурами, а иногда, может быть, и комическими так называемые вестники доброго желания? Доброжелательный вестник, карманы которого, может быть, наполнены кинжалами и ядами, ведь явится поношением рода человеческого!

Очень замечательна стала бухгалтерия: и двойная, и тройная. Но при всей ее изощренности бюджеты стран разошлись, и человечество пока объединилось в том, что живет в долг. Само по себе такое положение вещей, может быть, и не было бы так страшно, если бы долги эти были в руках доброго, а не злого соседа. По добру всегда можно сговориться. Какие бы ни выскакивали непрошенные посредники, все-таки добро и благо доведут до соглашения.

Но вот если дело потечет по злому каналу, если лучшие предположения отгородятся на строго деловых основаниях, то через такие зубчатые заборы пройти уже трудно. Благожелательство будет засыхать и поникать. Пусть не думают, что один засохший цветок благожелательства это ничто в мировом посеве. Существуют и какие-то подземные корни и связи. Одно засушенное и сожженное прекратит и многое другое. Зло, посеянное, тоже дает семена самые неожиданные. На каких далеких расстояниях показываются отростки злых семян! Упаси Бог от этих посевов!

В сказках постоянно говорится о воде мертвой и воде живой. От них срослись части богатырского тела, разрубленного злодеями, и влилась новая жизнь. Народная мудрость предвидит, что, несмотря ни на какие злобные ухищрения, тело героя-богатыря должно срастись и оживиться. Очень часто в сказках близкие люди, даже братья, убивают и разрубают чудесного героя из зависти. Но народ не раньше кончит свою мудрую сказку, нежели срастит невинно пострадавшее тело.

В народном сознании решаются исторические задачи. Если они не решатся формально за круглым или длинным столом, то сама жизнь народная все-таки доведет их к культурно-историческому разрешению. Много развалин по пути неистовств, но еще больше и строений на путях народных поворотных решений. Если народному мудрецу рассказывать о разбросанных членах человечества, он лишь усмехается: «Срастутся опять!» Трудовому хозяину, поверх всяких строго деловых основ, ясно его рабочее поле, его постоянный труд и творение. В этом постоянном неизменном делании идет незримая спайка частей человечества. То, что не решится в ограниченных размерах стола, то разрешается в широких пределах поля-пашни. А мать София Премудрость не может быть безутешной – ведь она Мать, ведь она Премудрость.

8 августа 1935 г.

Тимур Хада.

Польза доверия

«...Наполнилось ли сердце всеми теми качествами, которые необходимы в работе для человечества? Умеет ли оно быть терпеливо и терпимо к маленьким ошибкам других и сознает ли громадные недочеты в себе? Не затемнено ли оно злостью, недоброжелательством, подозрительностью и полно ли оно доверием?»

И тут же встает вопрос: а можно ли вообще всем доверять? Ведь иногда и под шкурой ягненка может скрываться волк. Не может ли иногда излишнее доверие породить губительство для дела? Не нужна ли сугубая осторожность даже с близкими? Особенно теперь, когда так много кругом предателей?

Вечные вопросы. Может ли быть писанный или сказанный ответ на них? Противоречия как бы совершенно очевидны. Очень ли много предателей? – Конечно, очень много, и малых и больших, и умышленных и неумышленных. Бывают ли волки в овечьих шкурах? Бывают, да еще какие. Можно ли вообще избежать этих вопросов? Нет, в различности жизни они неизбежны. Как же думать о них? Не наполнят ли такие думы сердце губительным ядом? Возможно ли доверие? Не лучше ли не доверять, чтобы тем уберечься от всякой возможности предательства?

Один очень просвещенный, начитанный человек тоже спрашивал, как поверить истине? Ведь могут быть всякие подделки. Могут быть явления с поддельным светом. Могут быть голоса лукавые. Такими соображениями этот, казалось бы, во многом утвердивший свое сознание человек довел себя до полнейшего смущения, даже вообще повредил качеству своего характера. Кроме того, он отказался от тех возможностей, которые ему уже предназначались. Наверное, он чувствовал всю боль, происходящую от его шатаний. Он нанес вред не только себе, но и своим близким. Единственным оправданием у него оставалось, что когда-то в жизни он ошибся.

Не сказалось ли в этой специфической мысли о бывшей ошибке какое-то или саможаление, или самомнение? Что же тут удивительного, если человек когда-то ошибся. Латинские и прочие древние пословицы достаточно напоминают о том, что ошибаться свойственно человеку. Конечно, все могут ошибаться, но дело лишь в том, какое последствие оставляют всякие ошибки в человеческом сознании. Для одного они делаются источником постоянного пессимизма, который приведет их и к безволию, и к сомнению, и к озлобленности. Для других же случившиеся ошибки послужат лишь горнилом для выковывания новых, светлых достижений. Считать обиды – плохое занятие. Начать все неприятное переносить только на себя – уже будет каким-то заболеванием. Надуться, как мышь на крупу, – будет лишь признаком невежества.

Опытный мастер из каждой как бы произошедшей ошибки сумеет сделать новое, ценное дополнение к своему творению. Каждый скульптор, каждый резчик подтвердит, как ему приходилось сталкиваться с неожиданными особенностями материала и как он должен был проявить всю добрую находчивость не только, чтобы обойти это препятствие, но, наоборот, сделать из него явную пользу. Почему-то слово стратегия отнесено лишь к физической войне. Ведь каждая духовная битва, вообще каждое жизненное искание и нахождение есть уже стратегия, в полном смысле этого слова. Даже в войсках начали вводить всякие охотничьи, спортивные и прочие исследовательские команды. Это делается для пробуждения духа находчивости, соизмерности и разборчивости в каждую минуту зримой или незримой битвы.

В подобных же опытных исследованиях найдется и та мера, которая позволит сохранить всю полноту и всю красоту доверия. Волки в овечьих шкурах и всякие предатели даже выслушаются и заслужат взгляд прискорбия, если почувствуется, что исправление их уже невозможно. Каждое предательское направление есть лишь еще один опыт распознавания, пробы клинка, хотя бы уже и закаленного на большом жаре. Но как бы ни была черна тьма, даже в самых зловещих потемках, сердце не содрогнется, когда оно полно великим служением. А ведь без доверия и служения человечеству невозможно. Без веры какая же будет надежда, а без них любовь превратится в ужасную гrimасу.

Доверие, как дочь веры, охранит здоровье духа и здоровье тела. Именно через доверие, через самоутвержение достигается и открытие сердца. Вне веры, в протухшей засущенке или в надутой обидчивости не откроется сердце. Невежественная надутость приведет к обособленности. Такое самоизгнание прежде всего будет самоизгнанием из служения человечеству. В этом ужасе потерянется и бодрость, и находчивость, сузится кругозор и подорвется здоровье.

Никакие врачи, никакие порошки, никакие звериные гlandы не спасут, когда подорвано самое основное, самое жизнедательное. Все лекарства, вся лекарственная природа, так широко предоставленная человечеству, хороша, когда она воспринимается с доверием. Но если доверие будет нарушено, то ведь оно нарушится решительно для всего. Человек не поверит людям, человек не поверит лекарствам и, наконец, не поверит себе. Опытные люди говорят: потеря денег – ничего, но потеря мужества означает потерю всего. Действительно, так оно и есть. Все может быть залечено, восполнено, но потеря чувства доверия будет значить уже утерю жизнеспособности.

Так повседневное сплетается с самым основным. Всюду думают часто: допущено это лишь сегодня, а завтра будет совсем другое. Ничего подобного: допущенное сегодня уже будет основою для завтра. Человек решил в сердце своем чего-то не делать, а сам взял и сделал; значит, он уже не поверил своему решению. Когда говорят о всяких соблазнах, ведь это не что иное, как нарушение самодоверия. Значит, не оказалось в запасе чего-то такого, самого важного, что могло бы перевесить и преодолеть какой-то случайный блеск. Мало ли случайного блеска в мире! Золотоискатели и всякие кладоискатели

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
нередко бегут запыхавшись к какой-то блестящей точке, но она окажется или
осколком стекла, или негодными кусками жести.

Распознавание правильно. Оно растет в саду оптимизма. При этом распознавании будет позволено добросердечно поговорить даже и с очень отсталым. Почему же не дать и ему живительную каплю, а кроме того, всякая беседа о благе будет истинным наполнением пространства. Добротворчество должно произрастать везде. Нет такого места в мироздании, где добротворчество было бы неуместно. И не только растительность напоминает людям о непрерывном сиянии. Возможно ли оно без доверия, без прямого действия ко благу? Каждый цветок пошлет пыль свою не во зло, а во благо. Пошлется семя без осудительства, без предрассудка. Добротворчество должно протекать везде. В этом будет ответ на все вечные вопросы, порождаемые лишь сомнением.

«Пылайте сердцами – творите любовью».

11 августа 1935 г.

Тимур Хада.

Итоги

В конце прошлого года в Записном Листе «Друзья Культуры» мы вспоминали, что произошло по вопросу об охранении культурных ценностей за истекающий год. Помянули ушедших друзей Знамени Мира и порадовались вновь приближающимся. Также и теперь, когда год на исходе, следует вспомнить, что было за этот срок хорошего в том деле, которое должно бы быть близко каждому чуткому сердцу.

15-го апреля в присутствии Президента Рузвельта представители двадцати одного государства Америк подписали Пакт. Помним закрепляющие слова и самого Президента и вдохновленное слово представителя Панамы Альфаро и других ораторов. Затем в течение лета бельгийский Король Леопольд удостоил Учреждение в Брюгге – Р. Фаундешэн почетным и знаменательным титулом: в память Короля Альберта. Тогда же мы все порадовались этому обстоятельству, ибо храним глубокие чувства к покойному Королю-рыцарю.

Теперь слышим, что уже собираются новые предметы для Брюгского музея. Ведь и само здание, данное городом, уже является само по себе Музеем, как и большинство домов славного города Брюгге. И стоит этот дом на знаменитой площади Ван-Эйка; имя, которое одним своим произнесением уже напоминает о сокровищах человеческого гения.

За год опять подошли многие дотоле неизвестные друзья и даже образовывали свои группы для утверждения знака сохранения истинных сокровищ. Интересно отметить, что возникали эти новые очаги не только самостоятельно, но даже неожиданно в таких местах, в которых текущие сведения не могли, казалось бы, доходить так легко. Семя брошено, а как и где оно будет расти – не нам судить. Литература о Пакте и Знамени Мира за год была очень обильна. Кроме ежедневных газет широко отзывались и журналы. При этом ценно отметить, что выявились и новые, очень серьезные защитники культуры.

От настоящего хочется заглянуть в далекое прошлое. Хочется вспомнить хоть некоторых из множества друзей и пособников при самом зарождении этой идеи. Было бы несправедливо не вспомнить знатока искусства Д. В. Григоровича, который в 1898 году, избрав меня своим помощником при Музее Императорского Общества Поощрения Художеств, говорил: «Так мысленно и напишите над Музеем: „Храните священные предметы“ – ведь должны люди помнить о самом ценном». Запомнилось слово о том, чтобы надписать над Музеем. О том же и в тех же годах и другой знаток искусства В. В. Стасов, поддерживаая мои стремления, постоянно ободряя меня в том же почитании плодов творчества человеческого. Когда после первых продолжительных путешествий по России уже оформилось сознание о том, что чем-то нужно повелительно ясно запечатлеть охрану старины, тогда и Председатель Общества Архитекторов-Художников гр. Сюзор и очень чуткий архитектор Мариан Перетяткович сердечно сочувствовали и посильно способствовали.

Много хороших людей мыслило в тех же направлениях; были душевые беседы и с А. Блоком и с Леонидом Семеновым-Тян-Шанским. Прошли годы, и вдруг приезжают ко мне Леонид Андреев и Голоушев (Сергей Глаголь), настойчиво просят с ними вместе вступить в газету. Одним из наиболее действительных доводов было: «Ведь вам же нужна трибуна для проведения охранительных и

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
знаменных идей во славу искусства и старины; вот мы и зовем вас и
предлагаем свободно и неограниченно проводить вашу заветную идею во
всероссийском и всемирном масштабе».

Затем возгорается великая война, пишу о необходимости нового Красного Креста Культуры. Сочувствуют, но события нагромождаются. Печатается знаменитый плакат мой и широко рассылается и по армиям, и по военным зонам. Таким порядком пикториальное изображение впервые входит в жизнь и своим видом требует осмотрительности и бережности к сокровищам Культуры. Тогда же обмениваемся письмами с нашим давним приятелем, главным инспектором Министерства Искусств в Париже Арманом Дайо. И у него такие же идеи, он посвящает номера своего журнала оскверненным сокровищам искусства и мыслит в тех же наших линиях.

Хочется не забыть всех добрых друзей, помогавших, а главное, мысливших в том же направлении. Кто-то в шутку сказал, что и Александр Великий, вероятно, уже думал о сохранении ценнейших храмов. Припоминается знаменательное предание о том, как один император остановился в каком-то замечательном строении, чтобы своим присутствием защитить его. Кто знает, может быть, и Орифламма стояла перед этим зданием? Вспоминаю участие мое в Комиссии по реставрации Василия Блаженного, по Музею Старого Петербурга и по Музею Допетровского Искусства. Страницы «Старых Годов» хранят многие такие воспоминания.

Вспоминаю многие встречи уже в течение послевоенных годов. В Швеции проф. Освальд Сирен, в Лондоне Гордон Боттомлей, в Америке Стокс, Сутро, Кунц, Мигель, Хьюитт, Дабо, Джемс Браун Скотт, члены Совета Музея и все многие друзья и сотрудники. Вспомним таких преданных друзей Пакта, как проф. Ла Прадель и Ле Фюр в Париже, покойный председатель Гаагского Трибунала Адачи, в Индии Рабиндранат Тагор, сэр Д. Боше, сэр Раман, проф. Кашьяп, д-р. Халдар, Сэн и многие, давшие твердую опору культурному делу. Все они мыслили по тем же линиям. Как председатель французского Креста маркиз де Лилльер сразу почувствовал, что и Красный Крест, и мы идем по тому же направлению.

Не забудем же, как Камилл Тюльпинк в Брюгге возымел прекрасную идею первой международной Конференции Знамени Мира. Он же провел и вторую Конференцию и выставку старинных городов, а затем эта же идея зазвучала и в третий раз в словах профессора Кембелля. Конвенция в Вашингтоне. Отозвались 36 государств. Вспоминаю вдохновенную речь поэта Марка Шено, а также сердечный призыв барона М. Таубе – «удвоим наши усилия». Лемариес едет по Франции и Бельгии с целым рядом лекций о Пакте и Знамени. В нескольких высших учебных заведениях о том же берутся тезисы диссертаций.

В официальных отчетах трех Конференций, посвященных лишь заседаниям, речам и приветствиям и постановлениям, не могли быть упомянуты такие искренние труды на пользу нового Красного Креста Культуры, как лекции Лемариеса, или диссертации, или курс барона де Тюн в Военной Школе. Не могли быть упомянуты и лекции д-ра Г. Шклявера (юридически оформлявшего Пакт) в старейшем Университете Испании в Саламанке. Много где звучало сочувственное слово. Еще не собраны все эти ценные памятки. Но ведь они так же точно цепны, как и речи на официальных Конференциях. Нужно собрать все материалы, чтобы все дружеские лики выявились и запечателись.

В полной справедливости нужно отмечать каждое благородное устремление.

Не забудем всю благородную поддержку Пакта со стороны южно-американских государств и их представителей. В истории утверждения Пакта всегда останется сердечное содействие со стороны г. Коэна, представителя Чили. Ведь он был докладчиком Пакта на Конференции в Монтевидео. Его труды способствовали единогласному постановлению Конференции в Монтевидео. И на третьей Международной Конференции в Вашингтоне в 1933 году, в которой приняли участие представители 36 стран, мы должны помнить целый ряд блестящих имен, запечатленных во второй книге Пакта. Не забуду и встречи моей со всегда отзывчивыми д-ром Ровэ и Гиль Боргесом.

* * *

Кончим приветом тем, кто так открыто и мужественно встал на защиту Культурных сокровищ. В знаменательный день 15-го апреля я был в далекой Монголии и только духовно мог приобщиться к культурному торжеству, когда

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
представители двадцати одной Американской республики подписывали Пакт
Охранения Культурных Сокровищ. Не мог я тогда сказать всем этим
воодушевленным поборникам культурных ценностей мой сердечный привет. Только
теперь, вернувшись из Азиатских пустынь, я могу послать самое сердечное
приветствие и пожелание всем тем, кто рукою своею скрепил Договор о
Ценностях всего Человечества. Духовные ценности человечества, выраженные в
многообразном творчестве, не могут быть обсуждаемы холодно и формально. В
таком огненном предмете выражается все сердечное накопление, все
благородство, все понимание чести и достоинства человечества. Не хладною
рукою подписывали этот Договор представители Великих Республик. Я был рад
лично встретиться с некоторыми из них и почувствовал в сердце моем,
насколько звучало в них понимание благородства, сердечности и красоты.
Когда представители государств звучат на эти высокие понятия, тогда и дела
их являются залогом истинного преуспеяния. Хочется мне опять встретиться и
с д-ром Ровэ, и с Гиль Боргесом, и с Альфаро, и со всеми, с которыми я уже
ощущаю духовную близость. Сердечный поклон всем потрудившимся на
Общечеловеческое Благо.

8 декабря 1935 г.
Наггар. Урувати.
Врата в будущее

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении
культурных учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в
архивах. Исполнилось пятнадцатилетие нашей встречи для совместной работы, и
Вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о
культуре.

«Впишем на щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старины, но
всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих
сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство
имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза.
Искусство – для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть
открыты врата „священного источника“. Свет искусства озарит бесчисленные
сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после
оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то
истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, кому оно
принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы,
библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны.
Тогда больше не будет тюрем»...

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество
уже поняло, что происходящее неслучайно. Время создания культуры духа
приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди
груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения.
Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных
потрясений. Даже „земные“ люди поняли действенное значение красоты. И когда
утверждаем: Любовь, Красота и действие, мы знаем, что произносим формулу
международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна
войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все „священные врата“. Под
знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся.
Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных
вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем
грядущее».

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных
ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные
понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово Музей и остаются далеки
от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески – Дом Муз. Обиталище всех Муз
прежде всего является символом Объединения. В классическом мире понятие Муз
всегда не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы
творчества здесь – на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых
далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко
говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве.
Швейцарский лев крепко держит щит с начертанием: «В Единении Сила».

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств, со всеми к тому
образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая
отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org

созидательный план. Туманности – не для созидания. Для постройки нужен свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна прежде всего самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и качество его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде – благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат духа заложится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно примат духа, во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьёзная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит строение, даже в житейском смысле, признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при правильном расчете будут также доходны такие просветительные строения, с общежитиями, школами, Музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупдающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение Примата духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов – построений.

Всякая корысть уже не культурна, но заработка и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты в конце концов лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердыни, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и школ, и всяких Просветительных Учреждений уже достаточно, – он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое непременное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать культурным построениям. Если благотворительность является священном обязанностью людей, то тем более просвещение как основание здоровых поколений, всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество как основа бытия является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречия и злонамеренности. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я прежде всего поставил условием установление Совета Профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого Комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая Ревизионная Комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам Искусства и Педагогики. Был Музей – всегда помню просвещенного директора-основателя д. В. Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены Хранилища Искусства, внушиая доступность и целебность источников красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщавшихся, как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и Культура».

На том знаменательном слове кончалась моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение

Рерих Н.К. Врата в будущее (сборник) filosoff.org
Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. «С оружием Света в правой и левой руке». Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю Вам наши старинные мысли как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!
Дума о Культуре есть врата в Будущее.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!